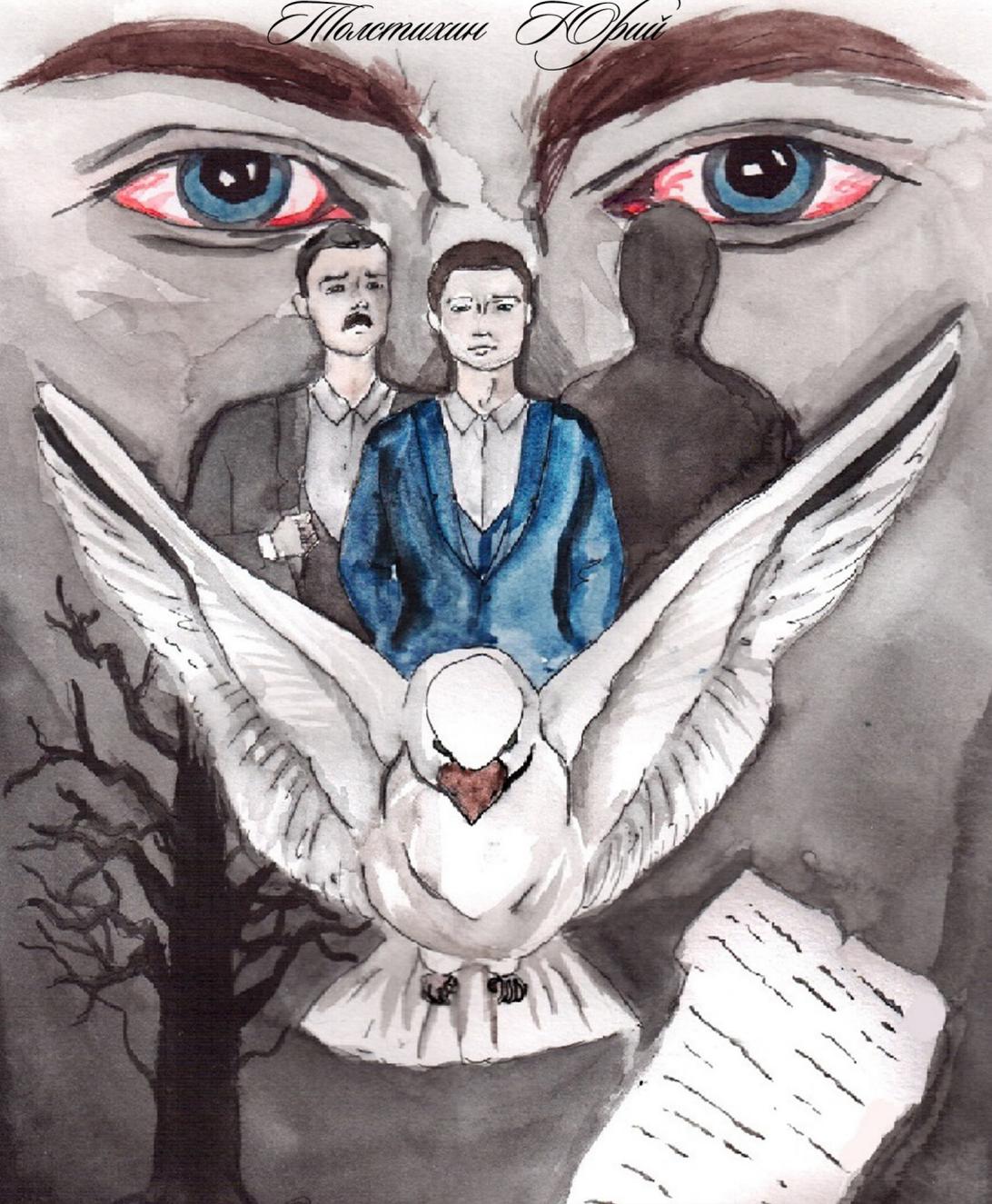

Мертвых Иной

75 снов Мертвых

Юрий Владимирович Толстихин

7,5 снов Мечтателя

Издательские решения

По лицензии Ridero

2018

УДК 82-3
ББК 84-4
Т52

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Толстихин Юрий Владимирович
Т52 7,5 снов Мечтателя / Юрий Владимирович Толстихин. —
[б. м.] : Издательские решения, 2018. — 222 с. —
ISBN 978-5-4483-8302-1

Несбыточные мечты и жизнь стали рутиной для Винсента, недуг которого, на первый взгляд, весьма прост — он видел одинаковые сны на протяжении долгих лет, пока не случилось непоправимое...

УДК 82-3
ББК 84-4

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4483-8302-1

© Юрий Владимирович Толстихин, 2018

День I

Вечерняя прогулка

За белой, обшарпанной со стороны спальни, дверью послышался звон ключей. Открылись несколько засовов, а потом и замок самой двери. В щель между дверью и проемом кто-то просунул крючок с длинной ручкой и осторожно снял цепь, которая удерживала дверь.

— Винсент, доброе утро, — сказала старушка, входя и придерживая дверь от хлопка — сквозняк, образованный открытым на проветривание, зарешеченным изнутри окном, гулял по комнате. Она на цыпочках подошла к молодому человеку лет двадцати пяти, лежащему на кровати в смирительной рубашке. Его ярко-зеленые глаза переливались на свету, а покрасневшие ноги, торчащие из-под маленького для его роста одеяла, дрожали. Винсент сел в ожидании, пока мисс Бишоп освободит его.

— Доброе. Прекрасно сегодня выглядите, — сказал молодой человек сквозь зубы, пробежавшись глазами по слегка тучному силуэту старушки.

— Спасибо, впрочем, как и всегда, — мисс Бишоп поставила пластиковый стакан воды на табурет рядом с кроватью и радостно поправила рабочий фартук.

— Нет, в этот раз по-особенному. Даже духи набрызгали больше, чем обычно, — он пристально посмотрел в мутные глаза женщины, задумался на пару секунд и, улыбнувшись, продолжил осматриваться.

— От тебя ничего не скроешь... Меня позвали на прогулку — мистер Уоллес. Он вроде бы порядочный мужчина. Пригласил в парк. А как твои сновидения? Есть что-нибудь новенькое?

Она растегнула ремни на спине смирительной рубашки и помогла молодому человеку подняться. Он, стоя

на дрожащих ногах, взял с табурета и надел очки в черной оправе. Очки были сломаны, всегда сидели косо и, должно быть, доставляли хозяину некоторое неудобство, которого, впрочем, он давно уже не замечал. Винсент подошел к старой, истерзанной временем бывшей школьной доске, висевшей на стене, поставил большой стакан с мелом неподалеку.

— Куда там... Никогда ничего нового. Просто сны. Все те же, все так же, — говорил он спокойно, медленно заново проставляя уже потускневшие цифры и заполняя строчки давно известными ему именами; он простоял у доски около пяти минут, четыре из которых просто всматривался в написанное им.

— Очнись, Винсент. Пора пить таблетки. — Старушка поставила на табурет стеклянное блюдце с пятью разными таблетками и тут же вышла. — Завтрак скоро будет. Переодевайся и приходи на кухню.

— Обязательно.

Молодой человек плотно закрыл дверь и, осмотревшись, вытащил из стены кирпич, за которым скрывалась давно не используемая труба диаметром в пять сантиметров. Он еще раз оглянулся, проверил, закрыта ли дверь, и высыпал таблетки в трубу. Винсент делал так регулярно, считая, что от пилюль толку нет и они лишь затормаживают его мышление. Выпив залпом стакан воды, он снял подгузник, который ему одевали каждую ночь, но который так никогда и не был использован. Лениво натянул джинсы, надел чистую футболку-поло с белоснежным воротничком и направился на кухню.

Пройдя по узкому коридору, стены которого были украшены двумя большими портретами пожилой пары, Винсент попал в огромную кухню-столовую. В одном углу, на постаменте, возвышалась метровая ваза, украшенная рисунком сакуры и еле видимыми иероглифами. Вся в заботах, мисс Бишоп бегала по кухне: заваривала чай

для молодого человека, подавала на стол, иногда посматривая на конфорку, на которой стояла большая турка с ее ароматным кофе. Винсент присел за стол, расправив салфетку, заложил ее за воротник.

— Бегу, бегу! — приговаривала, суетясь, старушка, осторожно доставая гренки из тостера.

— Бредбери так и не вернулся, — он жалобно нахмурил брови и быстро вырезал из бумажной салфетки парящего кондора.

— Ты не печалься. Он вернется, я верю, и ты верь. Ведь как бы высоко ты ни летал...

— ...не забывай, с кем ты ползал. Я помню. — Винсент немного отодвинулся от стола, чтобы брызги от скворчащей на сковороде яичницы, которую несла мисс Бишоп, не попали на идеально выглаженную футболку.

— Приятного аппетита, дорогой. — Старушка погладила молодого человека по голове; прозвенел звонок в дверь. — Я пойду открою. Это, вероятно, мистер Галбрейт пришел отметить тебя.

— Сегодня разве двадцать пятое? Я совсем со счета сбился, или что-то поменялось? — Винсент крепко сжал глаза и провел рукой по лицу.

— А, я, видимо, забыла тебе сказать. Он улетает в отпуск и делает обход раньше, чем обычно. Звонил, предупреждал. Извини, — мисс Бишоп виновато опустила голову.

— Да ладно вам, ничего страшного не произошло, — ответил молодой человек с улыбкой на лице, в то же время до боли сжимая столовый нож в руке. Он аккуратно вытер кровь о бумажную салфетку и, скомкав ее, сунул в карман.

Звонок прозвенел уже в пятый раз, послышался недовольный стук в дверь. Опомнившись, старушка бодро затопала в сторону двери. В прихожей послыша-

лись тяжелые шаги, нарушавшие умиротворенную обстановку дома. В арке, на противоположной от Винсента стороне кухни, показался усатый мужчина лет пятидесяти, чуть больше полутора метров ростом.

— Доброе утро, мистер Галбрейт. — Молодой человек быстро вытер руки и протянул одну для рукопожатия.

— Добрее не бывает. Приятного аппетита! — крикнул низкорослый инспектор с другой стороны стола и, чекая каждый шаг, отправился жать руку. Этот момент почувствовался ему вечностью. Казалось, даже ворот рубахи стал узковат и пора бы ослабить галстук. Покрасневший, вытирая капли пота со лба носовым платком, он наконец-то пожал руку. «Издевается», — подумал инспектор.

— Ни разу, — вслух произнес Винсент и принялся за чашку чая.

Опешив, мистер Галбрейт, отошел на пару шагов и, возмущенно приподняв густые рыжие усы, с недоверием взглянул на молодого человека.

— Глаза, они все говорят, — сказал молодой человек, поймав его взгляд. — Давайте бланк, я все подпишу, и вы спокойно уйдете в отпуск. Всем будет лучше.

— Вы даже не предложите мне чаю? Удивительно, — инспектор покачал головой; из арки выглянула мисс Бишоп, сделав притворно опечаленное лицо.

— Если вы никуда не торопитесь, то прошу к столу. — Винсент, улыбаясь, встал из-за стола и направился в комнату. — Мисс Бишоп, будьте так любезны, заварите нашему гостю чаю, а я скоро приду.

— А можно мне с вами? Мы знакомы уже целый год, а дом я ни разу и не видел.

— Можно, — ответил молодой человек, закатив глаза; он не боялся, что гость это увидит, ведь тот всегда смотрит вперед и все, что творится наверху, ему совсем не интересно. — Следуйте за мной.

Вместе с инспектором они прошли по тому же коридору.

дору и оказались в комнате Винсента.

Леденящий тело холод пробежался по спине мистера Галбрейта, сердце ушло в пятки, когда он увидел серые стены, небрежно сложенную смирительную рубашку и кованую белую кровать, на спинке которой висели две пары наручников. Инспектор не подал виду, кое-как переборол комок в горле и спокойным голосом спросил:

— А это у вас что на доске? Записи какие-то, имена. Подглядываете за соседями? — Мужчина достал из внутреннего кармана записную книжку и приготовил шариковую ручку.

— Бросьте этот абсурд. У меня зарешеченные окна, подглядывать сложно, а днем я и так на людей успеваю насмотреться. Это мои сны. — Винсент глубоко вздохнул и облокотился на стену.

— Сны? Как вас понимать? У вас есть какой-то ритуал? Вам часто снятся сны? Мне — нет. Последний был про то, как я у королевы, так сказать... кхм... опиум конфисковал. Мне тогда еще повышение по службе дали, ах! — Поняв, что он сболтнул лишнего, инспектор медленно и нехотя перевел глаза на молодого человека, который был в некотором шоке и стоял, выпучив глаза. — Давайте это останется между нами? — мужчина подмигнул с такой силой, будто в глаз что-то попало.

— Допустим, — Винсент ухмыльнулся и, нырнув в коридор, вернулся с одноместным пуфиком в руках. — Вставайте, я все объясню. — Он поставил пуфик неподалеку от доски; смутившись, инспектор встал на пуф, глядя в написанное. — Каждую ночь мне снятся один и тот же персонаж, один и тот же момент. С понедельника на вторник — космонавт Джо Левиош, со вторника на среду — обычный бомж Тамерлан Кабала, со среды на четверг — я, в тот день, когда все это началось, с четверга на пятницу — американский морской пехотинец Джеймс Икс, с пятницы на субботу — иска-

тель сокровищ Симал Редиби, с субботы на воскресенье — мореплаватель Энди Эртон, а с воскресенья на понедельник — поэт-революционер Авенир Оллфлорд. — Молодой человек увидел, как инспектор пристально смотрит на крошки мела, наполнившие желоб у нижнего края доски. — Имейте совесть, это всего лишь мел! Идемте пить чай, мисс Бишоп уже зовет нас. — Он вышел из комнаты и, услышав закашлявшегося мистера Галбрейта, добавил: — Я же говорил, это обычный мел.

Они вернулись в столовую. На столе среди трех чайных пар и фарфорового чайничка стоял свежий пирог с клубникой, над которым мисс Бишоп хлопотала все утро. Довольная старушка расставила тарелки для десерта и села за стол, помешивая свой, как она говорила, лучший в Лондоне кофе. Инспектор взобрался на высокий стул. Подлил себе еще чаю и, ослабив ремень, немного расплылся по стулу. Покачивая ногами, как довольный ребенок, он в несколько укусов расправился с тремя сочными кусками пирога.

— Куда едете отдыхать? — Винсент то и дело подливал сливки в чай, он всегда казался ему немного горячим.

— На охоту, куда же еще. Мои гончие, Дельта и Балвар, уже соскучились по этим безумным погоням. Места себе не находят. Носятся по дому. Только и успевай смотреть, чтоб ничего не расшибли.

— И много вас таких охотников? Вам вряд ли хватит двух псов для продуктивной охоты. — Молодой человек вытер губы салфеткой и, сложив ее вчетверо, стал слушать.

— Но-но! Я бы вас попросил! Это отменные гончие! Пару лет назад они даже выиграли несколько конкурсов, — мужчина важно разгладил усы. — И дело-то не в продуктивности, а в процессе. Вам не понять. Хотя вы и правы — немного. Мы охотимся вместе с комиссаром, так что нам выделяют около трех десятков собак.

— Возьмете меня с собой? — Винсент придвинулся к инспектору; мистер Галбрейт посмотрел на его перекошенные очки, взъерошенную прическу.

— Нет, простите. С вашим недугом туда точно нельзя. Тем более в эту компанию приходят только по приглашению комиссара, — мужчинка гордо выпрямил спину, расправил плечи.

— Вот и я о том же. — Молодой человек встал, подошел к залитому дождем окну, прислушиваясь к удару каждой капли. — Всегда говорят, что кто-то не в силах чего-то понять, но вы и не даете возможности узнать этого.

— Я, пожалуй, пойду. У вас прекрасный пирог, мисс Бишоп.

Инспектор спрыгнул со стула, подошел к даме и поцеловал ее руку.

— Ах-ах, негодник! — весело прошебетала старушка.

Вместе с мистером Галбрейтом она вышла в прихожую и спустя минуту захлопнула за ним входную дверь.

— Не обижайся на него, он не хотел тебя обидеть.

— А я и не обижаюсь. У каждого свой выбор. Пожалуй, пойду в зал. Вы не против, если я вас оставлю? Из кухни вид не очень красивый, вы знаете. — Молодой человек взял поднос, поставил на него чайную пару, второй чайничек, любезно приготовленный мисс Бишоп, и кусок пирога.

— Нет, что ты. Я как раз уже собиралась уходить. Еще столько дел! Когда захочешь есть, открой холодильник. Там на полке «пятница» твой обед, ужин и кусок утреннего пирога. Я приду около десяти, не теряй меня. — Винсент уже давно скрылся в коридорах, и старушке пришлось немного повысить голос.

— Хорошо! — крикнул он и войдя в зал, рухнул в глубокое кресло, расположенное напротив большого окна во всю стену. Отсюда открывался прекрасный вид

на Темзу; когда отсутствовал густой туман, можно было наблюдать Лондонский Глаз. Дом Винсента находился на краю канала. Никакой дороги, пристани или многолетних деревьев. Только вид — вечно свежий и в то же время быстро меняющийся. Молодой человек любил сидеть здесь и наблюдать за происходящим. Обычно он пил чай до тех пор, пока тот или не закончится, или не остынет, но сегодня было все как-то не так. «Приход мистера Галбрейта сбил мне весь настрой. Все должно быть четко и правильно, а не так». Толком не распробовав, Винсент проглотил десерт и направился на второй этаж.

Пройдя по лестнице с резными перилами, он оказался в небольшом коридоре, из которого выходили три двери. Первая — комнаты мисс Бишоп, где она спала, вязала и занималась прочими своими делами. Вторая — гардероб, совмещенный с кладовой. Третья же была заперта на замок. Ключ от этой комнаты Винсент всегда носил с собой на руке на маленькой цепочке, которую невозможно было снять. Молодой человек зажег лампу, стилизованную под канделябр, и воткнул ключ в исцарапанный у отверстия замок. Дверь сразу же отворилась и стукнула по стене коридора, оставив маленькую насечку среди десятков других. Винсент вошел в комнату. Тут пахло старыми книгами и кексами мистера и миссис Денай, кондитеров, чья лавка располагалась этажом ниже. На одной из стен висела большая деревянная доска, утыканная сотней желтоватых листов, скрепленных офисными кнопками. Листы шелестели, рвались к всегда открытому стеклянному окну, стук которого раздражал соседей, но те не хотели ссориться с больным и просто закрывали на стук глаза. Молодой человек тоже был бы рад прикрыть окно, чтобы меньше тратиться на отопление, но он каждый день ждал, когда же прилетит Бредбери, его кондор, исчезнувший с месяц назад. Клетка кондора так же, как и окно, всегда открыта, что-

бы он в любой момент мог вернуться домой. В углу, в двухслойном аквариуме, бегали несколько десятков крыс, которые, по сути, являлись пищей для кондора, но, так как он отсутствовал, Винсенту приходилось регулярно кормить грызунов и прибираться за ними. Он снял стеклянную крышку и высыпал в две большие миски по половине небольшой пачки. Крысы тут же ринулись к еде, забыв обо всех своих прочих заботах. Мелкие особи получали ничтожно малую часть от общего объема и старались побыстрее ухватить кусок, но их тут же оттаскивали, если сразу не съедали. «Пример общества», — подумал Винсент, поставив крышку на место.

— Я пошла, хорошего дня! — донеслось с первого этажа, входная дверь со скрипом захлопнулась.

Молодой человек откинул шерстяной плед, встал с кресла-качалки, в которой он просидел не больше десяти минут после ухода Старушки, и, медленно переставляя ноги по холодному полу, подошел к доске. Она была поделена на семь с половиной частей, примерно метр на полметра каждая, и лишь последняя представляла собой маленький квадрат, на котором были закреплены детские фотографии Винсента и еще молодых стариков с картины в коридоре — его родителей. На каждой части был закреплен набросок лиц персонажей из сновидений и краткий пересказ. Красные нити, пронизывающие доску, сходились на самом истерзанном листе с надписью «Что дальше? Что их объединяет?».

— Никто не может дать ответ, — прошептал молодой человек и, развернувшись, ударил по балке в центре комнаты. Он колотил ее до тех пор, пока силы не иссякли, а на полу не образовалась лужица крови.

Обессилев, Винсент рухнул на стол. Зная, где что находится, он с закрытыми глазами открыл ящик и вытащил бинт вместе с лежавшим под ним личным делом.

Перевязав руки, со слезами на глазах он открыл папку.

Королевская больница, Глазго

Больной: Винсент Гилл

Заболевание: (название отсутствует)

Жалобы: после потери родителей увлекся таким явлением, как «контролируемые сны», но все вышло из-под контроля, и теперь сны повторяются.

Признаки: нарушение нормального сна, неконтролируемый сомнамбулизм, сопровождающийся повышенной агрессией; пациент засыпает ровно в 11 вечера и просыпается ровно в 7 утра, в данный период времени ни разбудить, ни вывести больного из состояния сомнамбулизма невозможно.

Лечение: (отсутствует)

Рекомендации: пройти обследование у доктора Стэнфорда в Национальном неврологическом госпитале.

Лечащий врач: Даниэль Керрик

«Как же было сложно ее стащить, — подумал Винсент и положил папку обратно в выдвижной ящик. — Пора прогуляться».

Наступил вечер. Солнце уже давно скрылось за линией горизонта, оставив город наедине с луной. Улицы заиграли привычными яркими цветами различных вывесок, разбавляя теплый свет придорожных ламп. Из каждого второго ресторана зазвучали песни, под которые веселились не только туристы, но и мигранты, кочующие от заведения к заведению.

Винсент стоял на смотровой площадке Тауэрского моста и курил. Пепел незаметно исчезал в потоке холодного ветра. Хотя это место и запиралось на ключ после шести вечера, молодой человек платил сторожу три фунта и попадал в самое уединенное место в городе. К мосту подходил огромный круизный лайнер. Сотни людей выстроились вдоль блестящих перил и, наблюдая, как близко корабль проходит к опорам моста, ахали. По обоим краям моста движение, даже для прохожих, перекрыли

конные патрули.

Послышался звук на лестнице. «Кто бы это мог быть? Роберт никогда сюда никого не пускал, кроме меня», — подумал Винсент, перелез через перила, прошел по карнизу и стал вслушиваться в происходящее. Дверь открылась, еле слышные шаги затихли посреди моста. Послышался звук раскрывающейся молнии сумки и какое-то шуршание. Винсент выглянул из-за угла и увидел мужчину лет тридцати, держащего в одной руке удавку, а в другой — ее конец с крюком для зацепки.

— Спасти тебя, что ли? Если не сделаю этого, Роберта лишат работы. Так что в другой раз, — сказал молодой человек и, моментально забыв о нарушениях в моторике, перепрыгнул обратно на пешеходный мост. «Добраться до моста и перелезть через перила — пять секунд, подойти — семь секунд, обрезать веревку — одна секунда. С другой стороны, закрепить крюк — пять секунд, повесить петлю на шею — две секунды, забраться на перила — одна секунда, поплакаться и попрощаться — семь секунд. Нужно спешить».

Мужчина медленно повернулся и взглянул на него абсолютно пустыми глазами. Ноги подкосились, он попытался перекинуться через перила. Винсент выхватил кухонный нож из внутреннего кармана пальто и одним ударом перерезал веревку.

— Оставь меня! — прошипел самоубийца, затягивая петлю на шее.

— Проваливай, иначе отсюда только в наручниках уйдешь! — пригрозил Винсент, схватил мужчину за шиворот и толкнул в приоткрытую дверь. Молодой человек пнул в сторону сумку, оставленную самоубийцей, и, прикрыв дверь, быстрым шагом спустился по узкой лестнице, посередине которой лежал красный ковер. — Роберт, у тебя тут ходят всякие оборванцы. — Винсент положил удавку на стол у стойки охраны. — Смотри, что сделать

хотел, идиот.

В ответ доносилось еле слышное дыхание.

— С тобой все нормально? — Он заглянул в пост, приоткрыв дверь.

На полу, среди сметенных со стола бумаг, придерживая фуражкой правый бок, багровеющий из-за льющейся из раны крови, сидел бледный Роберт. На секунду опешив, Винсент выскочил на улицу, на бегу свистя уходящему вдаль конному патрулю. Последний наездник краем уха услышал свист и направился к молодому человеку, чтобы убрать его с закрытого на тот момент моста.

— Вы здесь не можете находиться. Пожалуйста, проследуйте за мной.

— За той дверью, на посту охраны, на полу лежит раненый сотрудник, вызовите скорую, — дрожащим голосом произнес молодой человек, указывая на приоткрытую дверь. — Живей!

— Ну, допустим. — Наездник сомневался в правильности своих действий, но все же взял в руки рацию: — Внимание, центр. Опора Тауэрского моста со стороны Тули-стрит, ранен охранник, бригаду скорой сюда срочно. — Он спрятал рацию, привязал узду коня к перилам моста. — Показывайте!

Полицейский открыл кобуру, достал пистолет. Они осторожно проследовали до пункта охраны. Увидев полумертвого охранника, бывший наездник поторопил бригаду скорой, получив ответ, что они уже близко. Буквально через минуту появились покрасневшие от бега врачи в зеленых костюмах.

— А кто его обнаружил? — спросили, унося Роберта на носилках, врачи.

Охранник осмотрелся: и не увидел никого, кроме себя и врачей, высоких стен и лужи крови среди бумаг.

— Видимо, я. — Он опустился на стул, запрокинув белесую голову назад. — Кто же ты был?.. Я и лица тол-

ком-то не запомнил, — прошептал наездник. — Поезжайте. Скоро будем оцеплять место. — Он запер дверь на защелку, оставшись один на один с мыслью, что упустил возможного убийцу.

Ведомый паникой и беспамятством, Винсент, после того как привел полицейского к Роберту, бесшумно покинул холл, пройдя по опустившейся разводной части моста. Люди на улицах веселились, улыбались, радовались относительно теплomu вечеру, но молодой человек не замечал ничего вокруг. Он шел против потока бурной радостной толпы, занятый мыслью, похожей на мысль наездника: он отпустил несостоявшегося убийцу своего единственного друга-знакомого. Винсент подошел к порогу дома, но ему не захотелось туда входить. Чувство вины тяготило, побуждало к мести.

Мисс Бишоп, стоящая у окна кухни, увидела молодого человека и поспешила открыть дверь.

— Где же ты ходишь, мой дорогой? Я ведь волнуюсь за тебя! Хотела уже звонить доктору Хамонсу, чтобы отследить твой медальон. — Старушка помогла ему снять пальто, отвела в ванную комнату. — Все в порядке, дорогой?

Он молча кивнул.

— Умывайся быстрее и иди спать, скоро одиннадцать.

Спустя пять минут Винсент уже лежал в кровати. Руки его были плотно прижаты к телу смирительной рубашкой. Мисс Бишоп закрыла дверь на все засовы и погасила свет. В полнейшей тишине молодой человек разглядывал лучи света, которые падали на доску с именами, отражаясь от стекол соседних домов. Казалось, последнюю минуту своего сегодняшнего дня часы отбивали бесконечно долго. Винсент думал об уходящем дне, исключительном дне, и в то же время готовился к нудному путешествию Сима-ла Редиби, ставшему для него обыденностью. Огромные

механические часы в гостиной проббили двенадцатый час, зеленые глаза молодого человека скрылись под тяжелыми веками.

Сон Симал Редиби

Паровоз медленно тронулся и скрылся за поворотом в туннеле, напоминая о себе лишь черной копотью, осевшей на белоснежной корке крыш бревенчатых изб. Свежий снег, заметший все тропинки, хрустел под ногами. Широкоплечий мужчина с рыжей растительностью на лице, в теплой одежде и с большим рюкзаком за спиной достал из кармана зеленой куртки потускневшую карту с парой пятен от пролитого кофе. Найдя свое местоположение на карте, он немедленно направился к месту назначения.

Маленький северный городок с численностью населения примерно тысяча человек еще спал; из труб лишь некоторых изб струился светлый дым. Солнце едва пробивалось сквозь сплошное свинцово-серое небо. С крыш домов свисали большие сосульки, опасно расположившись над припаркованными машинами. Запорошенные ели, окружающие город, сливались в одну пятнистую бело-зеленую стену.

Пройдя два квартала по глубоким сугробам, мужчина остановился у ржавых ворот, красная облупившаяся краска которых хаотично разлетелась по всей территории двора. Открыв резким движением одну из створок, он быстрым шагом прошел к невысокому двухэтажному зданию с плоской крышей и стальной лестницей снаружи. Мужчина постучал в замерзшие окна первого этажа, попробовал открыть деревянную дверь, и намочшая перчатка тут же пристала к стальной ручке. Он пару раз попытался оторвать ее; нагнулся к ручке и дунул: густой пар окутал перчатку, но лед не отступил.

По другую сторону здания послышались истошные крики, похожие на детские. «Какие еще дети в пять утра, тем более в -40°. Проверить?»

Рыжебородый мужчина взял прислоненную к стене здания палку, некогда бывшую частью забора, и осторожно вышел на задний двор.

— Кто здесь?

Ответа не последовало. На белом снегу виднелись глубокие полосы. «Как будто кого-то ташили». Сзади доносился тот же режущий слух визг. Что-то очень сильное, но мягкое ударило Симала в центр спины, и он упал на колени.

— Но-но, Альдо! Оставь его! Он же наш гость, — это был голос старика, с характерной для его возраста хрипотцой, но в то же время очень звонкий. — Доброе утро, мистер Редиби. Мы вас уже давно ждем. Простите Альдо, он не нарочно. Просто любит порезвиться.

Маленький, сухой старичок подошел к рыжебородому мужчине и, взяв его за шиворот, поставил на ноги, словно ребенка; улыбка старика, а именно его золотые зубы, заиграла светом.

— Кто этот ваш Альдо? Такой же силач, как и вы, — Симал улыбнулся, не видя никого, кроме мистера Эйбрамсона и себя.

— Как же, это мой тюлень. Здесь у всех есть тюлени. Большие и маленькие — разные. Сейчас вам покажу. — Старичок достал из набедренного котелка небольшую рыбку и кинул ее на снег. Земля под их ногами затряслась, снег провалился, и из образовавшегося отверстия высунулась белая мордочка небольшого тюленя. — Вот, знакомьтесь, это Альдо. — Тюлень выпрыгнул на снег и протянул ласту Сималу. — Отбейте!

Выпучив глаза и не понимая, что здесь происходит, мужчина покорно дал пять тюленю. Довольный Альдо подхватил рыбку, лежащую на снегу, и одним ловким дви-

жением закинул ее себе в пасть.

— Ступай. У нас еще много дел.

Тюлень послушно кивнул и уполз обратно в прорубь.

— И что, он теперь там будет сидеть весь день? — удивленный Симал заглянул в прорубь, но Альдо там не было. — А где тюлень, мистер Эйбрамсон? — он потыкал палкой в воду, чтобы проверить глубину, и был еще больше удивлен, когда понял, что глубина ее не превышает полметра.

— Для вас просто Люкас. Это тюлени времени и пространства. Приходят только поесть и поиграть и тут же исчезают, когда им это нужно. Прорубь — всего лишь портал. Идемте, у вас впереди увлекательная дорога. — Старичок взял Симала под руку и повел внутрь здания. — Я бы впустил вас раньше, но дверь примерзла. Вот, кстати, ваша перчатка, — мистер Эйбрамсон передал часть гардероба Сималу, и они наглухо закрыли за собой дверь.

Задул сильный ветер, деревья все ближе и ближе наклонялись к земле. Чтобы восстановить важный вид, Симал сбил налипшие на бороду сосульки, осмотрелся. Он находился в комнате шесть на шесть метров, на стенах которой редко, но еще можно было заметить потускневшую штукатурку. На трех широких скамьях, расположенных вокруг разведенного внутри здания костра, сидели пять человек: две девушки и три мужчины. Старичок с седыми бровями и бородкой — мистер Эйбрамсон, снял с головы шапку-ушанку и встал неподалеку от Симала. В углу, рядом с входом стоял аккумулятор с медленно остывавшими оголенными наполовину проводами: чтобы открыть дверь, через замок пропустили ток.

— Давайте я вам представлю свой, ой, извините, ваш отряд, — Люкас добродушно улыбнулся и продолжил: — Это Майкл, настоящий джигит! Он облазил эти горы вдоль и поперек, знает каждое дерево, тропинку. Так ведь? — старичок подмигнул поднявшемуся мужчине

кавказской наружности, который в ответ спокойно кивнул. — Продолжим. Это Алиса. — Встала худенькая черноволосая девушка, одетая в мешковатый комбинезон. — Она знаток истории. Сможет оценить то, что вы ищете, по достоинству. Это Оуки и Доки, местные парни, готовые за ваши деньги делать все что угодно, — Люкас снисходительно улыбнулся и указал на двух смуглых узкоглазых молодых людей. — А это Фейт Эйбрамсон, моя дочь. Она очень хотела пойти с вами — так же, как и я хочу, но ввиду своей старости не могу. Фейт просто способная девушка, которую я натаскивал всю ее жизнь. Она вам пригодится.

— Рад со всеми вами познакомиться.

Симал поочередно пожал всем руки и отошел вместе с насторожившимся мистером Эйбрамсоном в сторону.

— Я надеюсь, с моей дочерью ничего не случится. Позаботьтесь об этом, — Люкас сжал руку Редиби так крепко, что из глаза Симала скатилась скупая мужская слеза. — Мы, видимо, договорились! — Старичок чуть ли не вприпрыжку зашагал в сторону костра. — Изучайте карты, пейте чай и уходите. Не нужно, чтобы жители видели вас, а то преследователей вам не избежать.

Спустя час отряд с позывным «Вандерер» вышел в сторону горы Унтурай. Унтурай — на местном диалекте название цветка, который растет только на этой горе и, по легенде, приносит удачу. Этот дикорастущий цветок, похожий на пион, пробивает толщу снега, образуя воронки в сугробах. Унтурай раскрывается на пять-шесть дней в конце каждой осени, а потом, по истечении этого срока, погибает.

Город постепенно просыпался, недавно пустые улочки заполнились тракторами с ковшами для уборки снега. Для зевак «Вандерер» уже стал недосыгаем, скрывшись за склонами гор. В густом лесу не было слышно гула ветра, лишь скрип деревьев от налипшего на них тяжелого сне-

га и щебет птиц, зимующих в этом бескрайнем лесу, разбавляли томительную тишину.

Майкл шел первым, сжимая в руках двуствольное ружье. Периодически оставлял отметки на деревьях, чтобы, как он говорил, «попутчики без шансов» имели хоть какую-то возможность вернуться в город, если они потеряются. За Майклом шли девушки, Алиса и Фейт, постоянно шушукались, чем очень сильно раздражали лидера колонны. «Для них это сказка, а не серьезный поход. Если бы не мое уважение к Люкасу, они бы точно остались в городе», — думал Майкл. Вслед за девушками шел Симал. Он постоянно сверял въевшиеся в его память карты, фотографии — все то, что помогло бы найти нужное ему место. Замыкали колонну Оуки и Доки, которые ничем не отличались от девушек: болтали и хихикали. Они были родными братьями, жили с семьей в тридцать человек в одной избе и брались за любую работу, чтобы прокормить всех ее членов.

— Чэм знаменит ваш оутец? — спросил Оуки у Фейт, дернув ее за рукав куртки.

— Как... вы не знаете? — Фейт замешкалась.

Тут же вмешался Симал:

— Позвольте, я расскажу?

Девушка одобрительно кивнула и продолжила разговор с Алисой.

— Люкас Эйбрамсон — великий геолог и путешественник, прошедший всю Арктику и покоривший Эверест. Один год из своей жизни он прожил в этом лесу, — Симал указал на окружающую их местность. — Вернулся в шубе из снежного барса и с кучей заметок, которые записал в одну книгу «Пепельный лес и гора Унтурай».

— Понял вас.

Туземец хотел было вернуться в конец колонны, но могучая рука Симала, опустившаяся на худое плечо, остановила его:

— Скажи-ка, а дорого ли держать в хозяйстве тюленя? Польза от него есть, хоть чуть-чуть? Просто там, откуда я родом, тюлени — животные дикие, смекаешь?

— Конечно! — глаза Оуки загорелись, ведь он хотел подольше поговорить с этими большими людьми, но никак не мог найти общих тем для разговора. — Толк от него есть. Бывает, принесет тебе рыбу или ягоду, как повезет. Помогает копать траншеи, передвигаться. Ухаживать за ними не нужно, сами о себе заботятся.

— А еще они очень веселые! — донесся сзади голос Доки.

— Да-да, брат! — Оуки сказал что-то на местном диалекте, ухватился за ветку и, натянув ее, отпустил. Со свистом она ударила по лицу Доки, оставив после себя мокрый красный след. Оуки залился смехом. Разозлившийся Доки накинулся на брата, и они кубарем покатались вниз по тропинке. Колонна тут же остановилась, и только Майкл бросился к дерущимся.

— Остановите их, живо! Иначе они укатятся в разлом! — Джигит, отбросив ружье, молниеносно пробежал через, казалось, непролазную стену деревьев и поймал катящихся со склона братьев неподалеку от обрыва, который, как показалось Сималу, располагался на пройденной ими недавно тропе. — Вы что, совсем с ума сошли? — разъяренный Майкл удерживал братьев за капюшоны курток. Туземцы виновато опустили головы. — Вы забыли, что город образует разлом, а? Отвечайте! Идиоты!

На секунду обессилевший Джигит сел на пень.

Перед глазами участников «Вандерера» открывалась необъяснимая картина: равнина, на которой стоял город, медленно поднималась вверх, к небу, оставляя в земле глубокую пропасть.

— Что это за чертовщина? — Симал попятился назад, сердце колотилось как никогда. Самолеты летать могут, машины, на худой конец, тоже, но чтобы летал город...

— Слушайте, вы вообще готовились к этому походу? Мне кажется, нет, — Джигит осуждающе взглянул на рыжебородого мужчину. — Вы не знаете о межпространственных тюленях, не знаете о том, что днем город поднимается на сто метров вверх — кстати, именно поэтому вы и приехали ночью! Готов поспорить, не знаете о деревне левитаторов! Мне кажется, мы ищем совсем не сокровища Спенсера Филиппа, верно? — Майкл поднялся, подошел к Сималу так близко, что их носы почти соприкасались.

— Нет, что ты. Мы ищем сокровища, не более. — Симал осторожно достал из снега ружье и подал его Майклу.

— Врешь, ты, перебежчик. Теперь эти пули ни к черту, тьфу!

Он плюнул под ноги братьев, выкинул намокшие патроны в сугроб; глаза Джигита невольно сверкнули, пробежались по всему и вся, остановились на глазах Симала. В глазницах обоих блеснул какой-то огонь, тайна, которую с остальными людьми они разделить были не в состоянии, а друг с другом боялись.

— Все в конце пути получают по заслугам. Нам пора идти. Поднимайтесь, оборванцы, — крикнул Симал туземцам.

Незаметно наступила ночь, бушующий северный ветер стих. Деревья наконец-то смогли встать в полный рост и отдохнуть. «Вандерер» шел по огромным сугробам. Временами члены отряда проваливались по пояс и не могли выбраться без посторонней помощи. Засветив газовый фонарь и водрузив его на палку, Симал шел впереди, вровень с Майклом, чтобы тот мог предотвратить нападение опасных зверей. Яркие разноцветные глаза порой выглядывали на них из темной чаши, но путь никто не преграждал. Лишь маленькие белочки изредка выбегали на тропу и просили еду, которую им охотно давала

Фейт.

— Мы уже почти пришли. Ночью устроим привал в лачуге охотников, а завтра заберемся на пик Унтурай, — сказал Джигит, вступая на деревянную ступеньку крыльца.

— Я бы хотел извиниться. — Симал набрал полную грудь воздуха, чтобы ему хватило на все объяснения, но Майкл его перебил; все остальные разглядывали полное звезд небо, распростертое над лесом.

— Оставь, не нужно. У всех свои недостатки. Кто-то не знает историю, кто-то чересчур агрессивен, — он улыбнулся и по-дружески толкнул Симала в плечо.

— Все же, кто эти левитаторы? — в предвкушении мужчина взволнованно напряг слух и затих, пытаясь не спугнуть наклеывающийся рассказ. Джигит закатил глаза, облизнул губы, словно человек, который готовится отведать самое желанное блюдо.

— Это древнее племя, которое живет здесь с незапамятных времен, друг мой. Их деревня окружена высоким бревенчатым забором с резными узорами. На территории поселения расположены двадцать холмов, над которыми парят столько же домов. Под домами располагаются воронки со своеобразным синим свечением цвета голубики. Никто никогда оттуда не выходил, никто не входил, но с холма, на котором мы сегодня заночуем, можно будет увидеть людей. Сколько лет я за ними наблюдаю, — Джигит поочередно стал складывать пальцы обеих рук, оставив ружье висеть на крепкой шее, — не счесть! Как я понял, на каждый дом приходится одна семья из четырех человек. Ни больше ни меньше. Все ровно. Моя мечта — не кучи сокровищ, а возможность побывать там.

— Кажется, что все, что здесь происходит, сказка! Про это никто и нигде никогда не упоминал.

— Ха! Об этом не пишут в книгах. Все равно никто

не поверит... Это нужно видеть! Жаль, что не пойдем в ту сторону ни сегодня, ни завтра. А так я бы тебе все показал, конечно, — Майкл подмигнул Сималу, поспешил достать ключи из кармана куртки. Нескрепленные ставни хибары постукивали по стенам, петли скрипели от старости. — Заходим, не стесняемся, сейчас все организуем.

Они сидели за большим столом со столешницей, вырезанной из цельного бревна многовекового кедра, пили горячий чай и разговаривали. В печке потрескивали свежие ароматные дрова, иной раз выстреливая маленькие угольки на пол. Алиса, по ее словам, утомившаяся больше всех, тихо сопела на кровати, упершись горячим лбом в еще прохладную стену. По соседству, на другой койке, спиной друг к другу спали похожие как две капли воды Оуки и Доки. Симал достал из внутреннего кармана куртки блестящую фляжку с коньяком. Он иногда подливал его себе в чай, «чтобы лучше согреться», предлагал остальным.

— Нет алкоголя. Чистый разум. Быстрые действия, — скандировал Джигит.

— Да, ты уже говорил, друг мой. Хотел тебе сказать одну вещь, — Симал отодвинул кружку в сторону, по-пьяному улыбнулся. — Хах, понимаешь. Вот ты говорил, что хочешь попасть в деревню этих, как ты их назвал? Левитаторов, во! Но никто, как ты сказал, никогда там не был, — Симал развел руками, закатив нижнюю губу, тем самым показывая свое сожаление. — Почему ты считаешь, что именно ты достоин их внимания?

— Я так не считаю. Мечтаю. Просто верю. Всем нам нужно во что-то верить.

— Конечно, да. Но не забывай, что разбитые розовые очки в первую очередь вредят их обладателю.

— И что же тогда, совсем не верить? Ты ведь веришь в...

— Во что? — с ярим любопытством поинтересовался Симал.

Джигит посмотрел на Фейт, мирно сопевшую на столешнице.

— В Краеугольный камень! — прошептал Майкл.

— Да, но я гораздо ближе к своей цели, чем ты, — Симал расплылся в широкой улыбке, притянул к себе лежащую рядом куртку, сунул руку в карман и вынул сверток. Ткань была очень горячая, что-то изнутри испускало желтое свечение.

— Ты ведь не хочешь сказать, что...

Симал кивнул, Майкл развернул ткань дрожащими руками и ужаснулся. Улыбка пропала с лица, вид померачнел. Он взял Симала за руку и потащил к входной двери, прихватив висящее на стене ружье.

— Нужно поговорить! — Они выбежали на продуваемое крыльцо, оставив куртки в доме. — Ты хоть понимаешь, что натворил? Оно придет за нами, и вряд ли твоя пьяная рожа сможет его остановить!

— Я так и знал, что ты веришь в камень! Решил проверить. Не переживай. — Неподалеку послышался дикий вопль, похожий на металлический скрежет. — О, тюленчики! — радостный Симал замахал руками, крикнув в сторону вопля.

— Заткнись! Быстрее в дом. Буди всех!

Симал сделал шаг назад, и ему мгновенно стало плохо: подкосились ноги. Шатаясь, он вбежал в хибару и принялся тормозить оставшихся путешественников.

— Что случилось? — потирая глаза, спросила Алиса. — Боже, да ты ведь в стельку пьян.

— Боже, ты такая же в стельку заспанная! — Симал захохотал, схватил стул и поставил его рядом с окном, из которого можно было наблюдать за Майклом. Запорошенный снегом человек постоянно осматривался, вертел головой, держа ружье наготове.

— Где же ты? Я ведь чувствую! — шептал Джигит.

Из тьмы леса показался белый силуэт животного, по строению тела схожего с волком. Оно рассеялось в воздухе и в мгновение ока оказалось перед Майклом. Джигит кричал, выстреливая пулю за пулей, но они никак не мешали витающему силуэту. Оуки и Доки не могли долго наблюдать за происходящим и ринулись открывать дверь, но безуспешно: стальной замок расплавился, заточив путешественников в доме; когда силуэт верной походкой приблизился к Майклу вплотную, цвет с белого сменился на красно-розовый, а габариты увеличились вдвое. Джигит рухнул на колени, кашля кровью. Вены и артерии вылезли по всему телу, окрасив кожу в багряный оттенок.

— Что он делает? — дрожащим голосом спросила Алиса.

— Высасывает душу, — тихо ответил Оуки, опустившись на пол с безнадежным видом.

Майкл сохся, рассыпавшись в пыль, оставив после себя яркое свечение, которое тут же поглотило чудовище. Оно подошло к окну и, злобно фыркнув, ударом воздуха отбросило Симала в противоположную сторону дома.

День II

Русалка

Конечно, яркие моменты жизни, которых молодой человек пытался избегать, вносили что-то новое в сны: второстепенных героев или смену обстановки, — но все же эти изменения были незначительны. До этого момента. Винсент не просыпался в холодном поту уже давно.

Завтрак. Мисс Бишоп, как всегда суетилась на кухне: заваривала чай для Винсента, варила себе кофе и накладывала овсяную кашу. Молодой человек с головой был погружен в размышления: уставился в одну точку, покручивая в руках десертную ложку. «Кто бы мог подумать, что мои основательные сны, которые я знаю каждой клеточкой мозга, могут измениться. Покушение на Роберта — самое необычное, что случилось со мной за последние пятнадцать лет, не считая того случая в доме Бэтроу, но и там не было такого эмоционального всплеска. Я вообще, кажется, забыл, что такое ощущать. Мое сердце бьется, мозг думает, но чувства давно держатся у отметки „минимум“. То ли оттого, что мне некому их дарить, то ли от однотипности дней».

— Винсент, с тобой все в порядке? — мисс Бишоп настороженно наклонилась к молодому человеку, нежно проведя рукой за ухом. — На тебя это вовсе не похоже.

— Что вы, все хорошо, — спокойным голосом ответил Винсент и поправил очки. — Задумался, не более. Вы так и не рассказали, как прошла ваша прогулка с мистером Уоллесом. Вы в хорошем настроении, чтобы я понял, что все прошло на уровне, но все же...

Старушка мило улыбнулась и села за стол. На щеках выступил яркий розовый румянец.

— Все было превосходно. Мы гуляли весь вечер, го-

ворили обо всем подряд: мистер Уоллес интересный собеседник, способен поддержать разговор. («Неудивительно, ведь он является смотрителем самой большой в городе библиотеке», — пронеслось в голове у Винсента.) Он рассказывал о себе, а я о себе. Я почувствовала себя свободной, излила ему свою душу. У меня будто бы ненадолго выросли крылья. Чудесно! Следующая встреча у нас в воскресенье, идем в кафе на улице Хорсефенри, напротив Садов святого Джона. Знаешь, Винсент, в старости так трудно найти подходящего тебе человека: треть — семейные парочки, треть — вдовы и еще одна треть — скряги, — на ее глазах выступили слезы, и она, сняв очки, разрыдалась, вытирая соленые капли столовой салфеткой.

— Ну же, не стоит, — молодой человек смиренно встал из-за стола и приобнял старушку. Что-то екнуло внутри, но он тут же подавил это чувство напряжением всех мышц лица и, успокоив мисс Бишоп, сел доедать кашу.

Поблагодарив няню за прекрасный завтрак, Винсент немедленно направился на второй этаж, по пути захватив со стола свежую газету. Мисс Бишоп, прожившая с Винсентом почти два десятка лет, придавала этому факту большое значение, ведь утренние привычки, можно сказать ритуалы, он не менял с их зарождения. Она незаметно достала телефон, выбрала контакт «Доктор Хамонс» и нажала на кнопку вызова.

Он отпер дверь и ввалился в комнату Бредбери — так он называл комнату, закрытую для посещения кем-либо, кроме него самого. Пробежавшись глазами по комнате и убедившись, что все находится в должном беспорядке, Винсент уселся за стол, балансируя на шатающемся стуле. Он бесшумно выдвинул единственный ящик стола, с первого взгляда казавшийся пустым. Ловким движением руки, поддев потайную крышку ногтем,

Винсент обнажил секретный ящик и вытащил крошечный чип. Он снял с шеи медальон, отодвинул заслонку на задней стороне блестящей вещицы; показался основной чип. Молодой человек, проведя обычную для него операцию, поменял устройства слежения местами и, не медля ни секунды, прибрал все на место.

Послышался звонок в дверь, но Винсент его проигнорировал: к ним часто заходили люди с социальными опросами или просто подруги-соседки мисс Бишоп, бесконечные улыбки которых молодой человек недолюбливал. Обеспокоенный сегодняшним сном, он принялся клеить слетевшие заметки на место, но пришел в ужас, когда понял, что все на них поменялось. Вместо рисунка лачуги появился рисунок поселения левитаторов, какой-то огромный камень; информация в заметках, закрепленных за каждым персонажем, перемешалась, причем написаны они были почерком Винсента. Молодой человек пошатнулся, оперся на стул, придерживая стучащую челюсть руками. «Быть такого не может. Все, о чем я думал все эти годы, испарилось? Сны имеют конец? Даже не знаю, проклинать вчерашний день, или благодарить? Я не могу стать таким... обычным». Винсент взял в руки сегодняшнюю газету и на третьей странице нашел статью о ночном инциденте. Яркий заголовок «Истерзанный защитник» привлекал сегодня почти каждого читателя. Молодой человек быстро нашел через интернет адрес и название больницы, в которой лежал Роберт. «Надо бы к нему заглянуть сегодня».

На диване в гостиной сидели два джентльмена. Первый — совсем молодой полисмен, поступивший на службу около трех месяцев назад, на данный момент выполняющий кипу банальных поручений, которыми обычно заваливают новичков. Второй — Доктор Хамонс, плешивый мужчина с редеющими каштановыми волосами. Он вальяжно закинул ногу на ногу, забил дорогу на вид

трубку и уже подносил зажженную спичку к табаку, но после фразы Винсента, что в этом доме не курят, понимающе кивая, убрал трубку на место.

— Молодой человек, я тут надолго, так что решайте свои дела, — обратился доктор к полисмену, достав крошечную книжку из внутреннего кармана пиджака.

— Спасибо. Мистер Гилл, мой коллега, инспектор Галбрейт, заходил вчера к вам, чтобы вы проставили пару подписей, но вы, видимо, так увлекли его разговорами, что он забыл дать вам бумаги. — Полисмен взглянул на бледное лицо Винсента, тело покрылось мурашками. — В-вот, возьмите, — дрожащими руками он вынул пару листков и вручил их молодому человеку. Это были обычные бланки, которые заполняли все бывшие пациенты Королевской больницы. Винсент выполнил просьбу, и полисмен тут же удалился.

— Теперь вы, доктор. Зачем пожаловали? Не поймите меня неправильно, не то чтобы не рад вас видеть, просто во время нашей последней встречи вы стреляли в меня из шокера. — Винсент почесал шрам на шее и сел напротив мистера Хамонса, предварительно повернув кресло спиной к окну, в которое ярко светило солнце, слепящее доктора.

— Я тоже рад тебя видеть, Винсент. Мисс Бишоп обеспокоена твоим сегодняшним поведением, — сказал мистер Хамонс типичным для докторов надменным голосом. — Сейчас мы проведем несколько тестов и посмотрим, все ли у тебя хорошо.

Молодой человек дал согласие, кивнув. Он знал, что отказываться нет смысла и это может только усугубить ситуацию. Доктор и пациент знали друг друга задолго до того, как нынешний недуг стал проявляться. Мистер Хамонс в прошлом был семейным врачом четы Гилл. Преданный своему делу, он обязался присматривать за отпрыском, оставленным на попечении добродушной

няни. Какими бы альтруистичными ни казались действия доктора, они поддерживались солидной зарплатой — тысяча фунтов стерлингов в месяц! Винсент тихо ненавидел мистера Хамонса, но, кажется, только они оба знали причину. Когда только все это началось, врач не мог справиться с регулярными вспышками агрессии со стороны мальчика и применял грубую силу.

Мисс Бишоп притаилась у входа в гостиную и внимательно слушала. Все время, пока Винсент был под ее присмотром, няня старалась дать воспитаннику все самое лучшее, считая его родным. Своих детей у нее не было, а муж умер двадцать лет назад, оставив вдову со скромным капиталом и в полном одиночестве. Мисс Бишоп стала обычной няней, успев поработать у нескольких знаменитых в Лондоне людей. Спустя пять лет работы в разных местах ей предложили работу до конца жизни — присматривать за Винсентом. Сначала это был тяжелый ребенок с больной психикой, но она, отдавая ему всю свою любовь, переполняющую ее, смогла сделать из него личность. Он отличался от других, няня это прекрасно понимала и постоянно помогала ему совершенствоваться. Винсент был скрытен и не мог принять всю ее любовь, ответить взаимностью; она и не просила. Для нее достижения подопечного были признанием того, что она хорошо делает свое дело. Старушка знала его повадки, знала, что он ссыпает таблетки в трубу в стене, поэтому разводила их в утреннем чае. Она не хотела с ним ссориться и старалась всячески помочь. Вот и мистера Хамонса мисс Бишоп позвала, чтобы убедиться, что все в порядке.

Доктор и Винсент пожали друг другу руки и разошлись, ненавидя друг друга так же, как и раньше.

— Дин, с ним все хорошо? — обеспокоенно спросила мисс Бишоп, перегородив рукой выход из дома.

— Все по-прежнему, вот что я скажу. За пределы раз-

решенной зоны он не выходил, в газетах о нем сегодня не писали, значит, все хорошо. Доброго вам дня, Августина, — на лице врача показалась едва заметная улыбка, и он тут же вышел.

— Слава Богу. — Старушка закрыла дверь, перекрестилась и принялась за домашние дела.

Винсент стоял у входа в больницу и нервно курил. У здания были припаркованы две пустые полицейские машины. Это означало, что палата оцеплена и попасть туда будет тяжело. Молодой человек пригладил взъерошенные волосы и, держа в руках сетку с апельсинами, вошел в здание. В нос тут же ударил больничный запах, а голову вскружили воспоминания: темные коридоры западного крыла Королевской больницы, холодные ночи и море недоброжелателей. Пройдя по стандартным для городской больницы коридорам, он подошел к первой попавшейся стойке и спросил, где он может найти героя сегодняшних газет.

— Третий этаж, палата номер семь, но вы туда вряд ли попадете — полисмены не пускают никого. Даже врачи проходят туда с переменным успехом — полиция подозревает всех, — сказала миловидная санитарка азиатской наружности.

Ее слова натолкнули молодого человека на очередную авантюру. Он спустился на цокольный этаж, временно не охраняемый, потому что тут проводились ремонтные работы по замене вентиляции. Пока охранник следил за добросовестной работой бригады, Винсент проскочил в прачечную, которую он нашел по указателям на стенах подвального помещения. Тут никого не было. Большие стиральные машины обрабатывали кучи грязного постельного белья, костюмы санитаров и врачебные халаты. В углу, неподалеку от входа, Винсент заметил стопку постиранных и выглаженных халатов.

Спустя пять минут псевдодоктор уже стоял у палаты.

— Разрешите, я пройду, — произнес Винсент, смотря в глаза двум огромным полисменам.

Один недовольно посмотрел на другого, а тот утвердительно кивнул. Дыша как бык перед корридой, он смиренно отошел в сторону, пропустив обманщика.

На кровати лежал бледный Роберт. Он держал в руках утреннюю газету, уже знакомую Винсенту. На столе стояли цветы в стеклянной вазе, рядом лежала маленькая Библия. Молодой человек ничего не ощущал: ни сострадания, ни чувства гордости или вины. Для него это был просто человек, которого он знает.

— Здравствуйте, меня зовут доктор Гилл. Вам тут передали презент. — Он положил на прикроватный столик сетку с апельсинами.

Голос показался Роберту знакомым, он вздрогнул и с некоторой опаской отложил газету, но, узнав в докторе спасителя, протянул холодную руку.

— Спасибо, что нашел меня. Пришел бы ты на несколько минут позже, я был бы уже труп, так сказали врачи, — больной едва сдерживал слезы.

— Ты им сказал, что тебя нашел я? Все же смотрят на меня! Все они! Люди! — Молодой человек насторожился и бесшумно прикрыл дверь. «Я ведь тебе доверял, а ты!» — хотел сказать он, но промолчал.

— Нет, что ты. Даже в отчете написано, что меня нашел полисмен, ты вне подозрений. — Роберт хотел немного подняться и присесть, но тут же рухнул на кровать из-за нехватки сил. — Ступай, мне нужно еще поспать. Ты такой же, как и все, не нагнетай. Старушка с сиреневыми волосами и то привлечет больше внимания.

— Какой номер управления, которое занимается расследованием?

— Ты ведь не хочешь... — Роберт поймал на себе тяжелый взгляд псевдодоктора и тут же отвел глаза. —

Скотленд-Ярд. Я думаю, ты знаешь, где это.

— Спасибо.

Винсент покинул палату, столкнувшись в дверях с инспектором Доплом, который вел дело Роберта. Это был юркий мужчина среднего роста лет тридцати с черными, как уголь, волосами и острым носом.

Инспектор оценивающе посмотрел на псевдоврача.

— А где ваш бейдж, доктор... эм-м?..

— Доктор Чапман, рад встрече! Ах, кажется, я забыл его в ординаторской. Пойду возьму. Всего хорошего.

Молодой человек ускорил шаг, стараясь не оглядываться, и скрылся за углом.

Инспектор что-то пробурчал и сел подле Роберта.

— Знакомый? — Инспектор достал ручку и пару листов.

— Нет, что вы. Он передачку принес — от жены. Вот, апельсины, угощайтесь, — больной вытащил из сетки апельсин и протянул его инспектору.

— У меня аллергия на цитрусовые, но спасибо. Что-нибудь еще вспомнили?

Серые тучи спрятали яркое солнце. Все шло своим чередом, и ничто не отвлекало Винсента. Он сидел в кафе, попивая запрещенный при его недуге кофе. Запах, исходивший из заведения, растворялся в городском воздухе, заманивая новых посетителей. Винсент сидел в окружении парочек и шумных компаний, распивающих вино. «Управление находится через улицу. Завтра я просто возьму и заберу улики. Ничего сложного», — размышлял он.

В кафе кто-то вошел, все посетители посмотрели в сторону входа. Кто-то привстал, двое мужчин даже подскочили и направились к посетителю, которого Винсент, сидящий спиной ко входу, не видел. Но он и не проявлял интереса, ведь пил кофе, который был для него чем-то вроде яблока для Евы; он ничего вокруг не замечал. Пе-

ред столом прошел официант с блестящим чайничком и тремя чайными парами. Молодой человек, взглянув на чайник, осмотрел посетителей, сидящих сзади. У окна за небольшими столами, украшенными свечами, сидели парочки и о чем-то беседовали, у стены стояло три стола: один был пуст, другой был виден нечетко из-за загрязненной поверхности чайника, а за последним сидела девушка с русыми волосами. Она отложила меню, оставив его на странице с десертами, и смотрела в сторону Винсента. «Может... нет. Она просто смотрит на него», — подумал он, поднял взгляд на телевизор, где шел прогноз погоды. Спустя пять минут молодой человек опустошил свою чашку и собрался уходить, но, сделав неловкое движение рукой, поставил лежащий на столе нож на ребро и увидел ее. Она все так же смотрела в его сторону. «Да что это такое? В конце концов, хуже не будет», — подумал Винсент, встал из-за стола и быстрым шагом подошел к наблюдательной девушке. Она смущенно опустила глаза и стала смотреть вглубь кружки чая.

— Чем могу помочь?

Она вздрогнула, мило улыбаясь, медленно подняла голову и посмотрела на него. Возникла неловкая пауза.

— Можно я присяду? — Он отодвинул стул и, получив в ответ утвердительный кивок, присел. Сзади слышались переговоры, смешки, удаляющиеся шаги. Последние издавали официанты, подумавшие, что Винсент уходит, не заплатив, и собирались требовать с него оплату. — Как вас зовут?

Девушка, сделав над собой огромное усилие, избавилась от комка в горле и ответила:

— Мария де Морч. Для вас просто Мария, — ее ясные голубые глаза сверкнули, лицо с высокими скулами порозовело.

Молодой человек улыбнулся в ответ.

— Чего-нибудь желаете? — Винсент взмахнул рукой,

подозвал официанта, отодвинул букет искусственных цветов к краю стола.

— Нет, спасибо. Хотя... — она прикусила нижнюю губу и едва слышно спросила: — Чаю?

Через пару минут блестящий чайничек стоял на столе.

— Вы ради меня сюда пришли? — спросил молодой человек. — Просто, понимаете, вы сами начали этот диалог глазами, а чай можно и дома в одиночестве попить. Верно? — Девушка кивнула, отвела взгляд. — Просто посмотрите вокруг. Если бы вы пришли не ко мне, вы были бы как они, — Винсент указал на посетителей, подавляющее большинство которых сидело в гаджетах. — В железках нет души, — взяв со стола чайную ложку, он стал сжимать ее в руке, складывая пополам: — Видите? Ей не больно. Глупо. С другой стороны, ни меньшинству, ни большинству я особо не нужен, чего не могу сказать о вас.

— Расслабьтесь. Я... видела вас на улице, решила зайти выпить кофе, и тут вы подошли.

Конечно же, она врала: завидев его на улице, она прождала у входа двадцать минут, потом нерешительно вошла, сейчас решила исправить ошибку: она робко положила свою нежную руку на его и освободила согнутую чайную ложку.

— Вечереет, и тут уже все достаточно пьяны, чтобы скоро началась потасовка. Может, прогуляемся? — Недолго промолчав, она тихо добавила: — Боже, какая глупость! — и улыбнулась.

Они долго шли по набережной. Мимо них по каналам проходили прогулочные лодки, украшенные яркими огнями. На палубах звучала обычная умиротворяющая музыка. Винсент и Мария сели неподалеку от Биг-Бена. Молодой человек молчал, не зная, что сказать; все это было так ново, и ему хотелось просто убежать, скрыться и вернуться в свой однотипный день, но он не делал это-

го. Винсент боялся обидеть девушку, которая просто говорила с ним. Он был уверен, что если расскажет всю правду, то больше никогда ее не увидит. Она тоже молчала, но не потому, что боялась, а просто стеснялась. Легкий ветер раздувал ее волосы. Она набрала полную грудь воздуха и сказала:

— Как же все-таки тут красиво. Не правда ли? Я бы, кажется, могла остаться здесь навсегда и любоваться.

— Может быть, я не разделяю, — почти шепотом ответил он, откашлялся. — Большинство симпатизируют окружению, а нужно атмосфере. Мне так кажется.

— Но окружение создает атмосферу, разве не так? — она немного задумалась, нахмутив лоб.

— Атмосферу создает человек, не хочу, конечно, разрушать твои видения. Но какая разница, тонешь ты в лодке или корабле? Главное — кого ты боишься потерять в этот момент, и было бы бесконечно грустно, если бы ты боялся потерять себя. — Девушка приблизилась к Винсенту, едва коснувшись плечом. Он невольно дернулся, но не отодвинулся от нее. — Люди в последнее время все чаще боятся потерять себя, держась на плаву спасательными кругами социальных сетей: лайками и прочим. — Девушка убрала в сумку телефон, который она держала в руке все время прогулки, потому что чувствовала вес в словах собеседника. — Главное — это то, что останется здесь, — он ткнул в сердце себя, — и здесь, — а затем и Марию.

— Не боишься, что сбегу от такой напористости?

— Не боюсь открываться людям. Иначе они могут разочароваться в тебе из-за своих же мечтаний.

Часы Большого Бена показывали 21:55, Винсент спешил вернуться домой, чтобы избежать неприятностей. Спустя пятнадцать минут Мария и Винсент уже стояли у дома девушки. Окна соседних домов гасли одно за другим. Ветер безмятежно раскидывал пожелтевшую листву.

— Спасибо за вечер. Порой этого так не хватает. А как тебя зовут? — спросила девушка и посмотрела Винсенту в глаза, блестящие при лунном свете. Она протянула к нему свои руки и хотела обнять. Он, чтобы не обидеть ее, подался вперед, но руки для объятий не поднял.

— Тебе это не нужно. Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся, Мария де Морч. Доброй ночи.

Девушка нахмурила брови, и спустя десять секунд ее темный стройный силуэт скрылся за дверью.

Сон Энди Эртон

На потускневшей от проливных дождей и изнуряющего солнца доске объявлений среди десятков обрывков других колыхался бумажный листок с едва разборчивым почерком. Края его были потертые, истончены и запачканы пальцами прохожих моряков, ищущих новые рейсы и, как один отказывающихся от этой работы. Никто и не помнил, кто и когда прикрепил объявление к доске.

В гавани стояли рыболовные суда, бесперебойно стружающие улов; вереницы повозок расходились по городам. Безработные моряки занимались своими делами: кто-то день и ночь находился в пьяном угаре, кто-то играл в карты на деньги, пытаясь продлить время пребывания на суше.

К доске объявлений подошел жилистый молодой человек. Он стянул с нагретой палящим солнцем головы желтую бандану — пару лет назад это была рубашка маленького мальчишки — и обнажил черные кудрявые волосы. Парень вдумчиво смотрел на доску, оперевшись на нее одной рукой. В глазах все плыло, мутнело. Он не мог разобрать буквы и на ощупь искал целое объявление.

— Воды, — прохрипел кто-то.

Парень оглянулся и увидел среди разбросанных вязаных корзин пожилого мужчину. Он не был пьян от алкоголя или опиума, просто голодный, жаждущий воды человек. Его лысая голова покрылась коростой от вечных побоев, а грязная борода, ранее белоснежная, опустилась до уровня живота.

— Энди, прошу тебя, — промолвил старик и уткнулся

лбом в горячий булыжник, собратьями которого была выложена пристань.

Парень нехотя снял бурдюк и откупорил его. На дне оставалось немного воды, которую он собирался допить после этой вылазки. «А за водой-то придется далеко идти», — подумал Энди и посмотрел вдаль: там, в трех километрах от него, располагался единственный рабочий в городе колодец. Молодой моряк посмотрел на ссохшегося старика. Еще недавно это был весельчак Джек, один из моряков шхуны «Изабелла», с которым Энди в последний раз перевозил груз месяца два назад. Военный фрегат «Флоренсо IV» принял их судно за контрабандистское и в итоге расстрелял у берегов портового города Сансур. Главная мачта до сих пор торчит из воды, и на ней при сильном ветре развевается красный флаг с символикой в виде рыбы, пойманной на крючок за брюхо. В память о былых временах Энди нагнулся к страждущему и подал бурдюк. Джек вцепился в кожаную вещицу мертвой хваткой, обхватив горлышко губами. Он проглотил все до последней капли. Живот немного вздулся, спрятав выпячивающиеся ребра.

— Держи это, старина, купи себе хлеба. — Парень вытащил из мешочка три монеты, две из которых вложил в руку Джека. Последний свернулся в клубок и, чтобы никто не видел, пересчитал монеты, что-то бурча под нос. «Благодарность, наверное», — подумал Энди; немного понаблюдав, как бывший соратник уползает в тень кабака, он направился по адресу, неразборчиво написанному на бумаге, ведь теперь, с одним серебряным в кармане, бедняком был он.

Энди скитался по городу долгое время. Уставшие ноги подкашивались, приближая встречу моряка и голой земли, ведь на голодный желудок он мог проходить еще не более часа. Он прижался к холодной стене. «Может, ну его? Подохну где-нибудь в канаве, будет славно».

Вдруг послышался шум воды. Будто море, обволакивающее корабль и шумно расходящееся при полных парусах, было совсем близко. Парень, переборов себя, отошел от стены и из любопытства выглянул на перекресток. Там было пусто, а шум воды все усиливался; свежий бриз ударил в лицо. Неожиданно из-за поворота выкатилась волна, скрывающая дома вместе с крышами. Обезумев от увиденного, Энди, недолго думая, бросился наутек. Предугадывая поведение воды, он поворачивал в верные повороты и не попадался в водную ловушку. Но везенье длилось недолго, и спустя минуту он оказался в тупике. Темно-синяя волна беспощадно наступала, а за спиной моряка дребезжала темная дверь с проржавевшими стальными вставками. Он в последний раз дернул за ручку-кольцо, и — о чудо! — дверь открылась! Гребень волны ударил парня по лицу, и он, полностью мокрый, вкатился в таверну. Вода постепенно ушла, оставив Энди наедине с жутким местом.

Здесь не было ни окон, ни дверей, даже дверь, через которую он вошел, просто-напросто исчезла. С потолка и пола торчали сталагмиты и сталактиты, похожие на пики, образуя едва заметную тропинку до одинокого столика, на котором стояла свеча — единственный источник света в этом темном царстве. Там, за столом, сидел кто-то и не шевелился, хотя это было неправильно, ведь он позволял чудесному рому выдохаться. Энди поднялся с пола и виновато, ковыляя правой ногой, сел за стол. Он всмотрелся в сидящего рядом — это была статуя, положившая одну руку на стол, а другой подпиравшая бородастое каменное лицо. На столе лежали игральные кости и белая фигурка кита, вырезанного из мрамора. Энди схватил бутылку с ромом и сделал пару глотков для храбрости. Голова статуи повернулась в его сторону. Глаза и губы разомкнулись, источая зеленый свет. Статуя бесшумно взяла свечу и бросила ее в сторону. Каменные ко-

ля запылали. Все пространство покрылось огнем, из которого выходили похожие на сидевшую за столом статуи. Они вырвали из своей плоти камни в виде кубков и подняли над головами. «Что же здесь творится?! Всемогуший Посейдон, пожалуйста, будь милостив, пусть это будет сон!» — пронеслось в мыслях у парня, но, к сожалению или к счастью, это была реальность. Каменные моряки перелазили друг через друга, направляя кубки в сторону столика с ромом. Все замерло. Статуя, сидевшая за столом, чинно поднялась и, с трудом раскрыв каменные губы, сказала хриплым голосом:

— Да здравствует Капитан!

Статуя подняла бокал и, подождав, пока все, включая Энди, поднимут свои бокалы, расшибла стеклянную бутылку о потолок. Ром в равных количествах разлетелся по бокалам, наполнив их до краев. На дне каждого плавал небольшой кусок стекла.

— Да здравствует Капитан! — прокричали каменные моряки и залпом выпив содержимое, взглянули на Энди. Он держал во рту жгучий ром и думал, что делать с кусочком стекла. Статуя подошла к нему сзади и положила массивную руку на загорелое плечо. Тело парня резко охладело, кожа приняла цвет камня, по телу пошли глубокие трещины.

— До дна! — скомандовала статуя, и Энди безоговорочно выполнил приказ. — Теперь ты в команде! — под поздравления остальных сказала статуя, но моряк уже не слышал ничего. Он упал навзничь на стол и застонал. Его распирало изнутри, жгло и резало. Он разорвал на груди рубаху и попытался вытащить осколок, распоров грудную клетку лежащим на столе кинжалом. Кровь окропила столешницу, алая тягучая жидкость медленно капала на пол. Энди сунул руку в разрез и одним движением вырвал окровавленное сердце. Оно еще стучало, а в середине светился зеленый осколок.

— Вставай, пьянчуга! — крикнул кто-то и окатил парня соленой морской водой. Глаза Энди неестественно болели. Он с трудом поднял тяжелые веки. Над ним стоял двухметровый мускулистый чернокожий моряк. Ведро в его руках казалось неимоверно маленьким. Гигант был настолько широкоплеч, что проходил в дверь только боком, и то с трудом. — Хватит разлеживаться! Тебе еще пахать и пахать! За разгильдяйство будешь драить палубу, понял? — Старший матрос кинул в Энди швабру и ведро.

Сложив все слова Бугая, качку и деревянный пол воедино, он понял, что дела его плохи, ведь он совершенно ничего не помнит. Парень кинулся к правому борту судна и увидел, как город Сансур вместе с развевающимся флагом «Изабеллы» постепенно уходит за горизонт.

— Я пропал! — прошептал Энди, облокотившись на перила.

Сзади послышались шаги, и парень уже был готов увернуться от подзатыльника старшего матроса.

— О, ты проснулся! Вчера столько шуму наделал, еле угомонили, — это был пронзительный голос молодого капитана. — Помнишь что-нибудь?

— Вы подумаете, что я сумасшедший или пьяница, каких свет еще не видывал.

Энди повернулся и взглянул на капитана. Это был гладковыбритый, с заплетенными в одну косу длинными темно-рыжими, почти багряными, волосами мужчина.

— А как еще я мог подумать? Ты вчера врезался на повозке в таверну, в которой мы отдохали всей компанией перед долгим плаванием, перебил половину посетителей, в том числе и двух наших товарищей — Гэдзи Прота и Фина Хабаба. Слава богу, что мы отобрали у тебя рапиру, а то еще заколол бы кого-нибудь. Мы решили не оставлять тебя на растерзание акулам, о которых часто упоминал Франческе — владелец таверны.

— Я бы хотел просить... — Энди пошатнулся и слу-

чайно рухнул на колено перед капитаном.

— Ни в коем случае! Те, кто зашли на «Путешественника грез», уже не помнят дорогу домой. Забирай свое оружие и принимайся за работу. И да! Добро пожаловать!

Огненноволосый капитан пожал руку парню, но Энди почувствовал, как в сердце что-то закололо, как в той темной таверне из сна, а рука капитана показалась ему тяжелой, как корабельная пушка. Спенсер Филипс показал оскал, заменяющий ему улыбку.

Они вошли в каюту капитана. По левую руку стоял шкаф с книгами, картами и свитками, по правую — стеллаж с дорогими винами. Спенсер подошел к шкафу, который заперся на ключ, достал вещи Энди.

— Вот, это все твое, проверь. — Капитан кинул на письменный стол рапиру, пару однозарядных пистолетов и принадлежности для них. — Еще мне принесли из заклада твой парадный костюм, но ты получишь его только после завершения этой поездки, если не помрешь раньше, — усмехнулся капитан и махнул рукой: — А теперь проваливай, тебе нужно работать.

День прошел быстро и незаметно. Сегодня Энди был в центре внимания: все разговаривали, что-то расспрашивали и даже шептались о нем. Он смог немного сдружиться с Качком, который разнял пару драк, зачинавшихся ради изгнания новичка. Тем не менее день прошел, наступил прохладный вечер. Палуба уже опустела. Большая часть команды спала. Лишь дежурный, повиснув на штурвале, изредка подавал признаки жизни.

Из приоткрытой двери каюты капитана выходила линия света, соскальзывая с палубы и устремляясь в пучину. Оттуда, из-за двери, слышались голоса самого капитана, старшего матроса, врача и парочки матросов, старых друзей Спенсера; Энди присоединился к компании по приглашению капитана, когда на секунду заглянул внутрь. Бугай по имени Хосе, едва помешавшийся

на стуле, пил кофе из крошечной кружки, аристократически выпячивая огромный мизинец. Хосе учился читать, учил азбуку и, коверкая слова, читал небольшие тексты. Эти книги, лежащие стопкой на подоконнике, специально были куплены капитаном Спенсером, чтобы его верный матрос знал больше, чем окружающие.

— Се-се-сельвупле, мадемуазель! — прочитал Бугай вслух, поправив пенсне.

— Bravo, bravo, друг мой! — сказал врач и похлопал по плечу старшего матроса, который сразу же расплылся в широкой улыбке, показав свои пожелтевшие редееющие зубы. — Молодой человек, я вас, кажется, где-то видел, — врач обратился к Энди, сняв свою душную чумную маску, оценивающе взглянул на парня.

Матрос машинально стал теревить черную, слегка рваную штанину.

— Нет, откуда это вам меня знать! — Энди насупился и отвел глаза от врача.

— Да, точно, это ведь вы помогли нам тогда совершить переворот в графстве Делпай, Эртон? Наступила гробовая тишина. Бугай осторожно поставил кружечку на край стола и одним движением ноги запер вход в комнату. Два сидящих матроса переглянулись и, поняв, что разговор будет долгим, пересели на диван, стоящий неподалеку. Капитан, удивившись, расстегнул камзол, взялся за ручку пистолета, показывая, что держит его наготове. Смекнув, что дело запахло жареным и придется все рассказывать, Энди выпил залпом два глотка рома и начал рассказывать:

— Зря вы это, доктор. Честное пари точно не ваш конек. Слушайте! Было это два года назад. Я, будучи еще юнгой на корабле «Изабелла», отправился в новый рейс. Мы перевозили что-то, о чем знал только капитан Стэг. Грузовой отсек всегда был закрыт, была приставлена королевская охрана. Шли мы не долго — три дня. По исте-

чении срока, пребывая в приподнятом настроении от огромного куша, который полагался за доставку, в сопровождении четырех фрегатов мы вошли в водные ворота форта Гимби, того, что на мысе Ласточки. Фрегаты выстроились в линию, закрывая выход из порта, бросили якоря. «Изабеллу» пришвартовали и из трюма достали огромную деревянную коробку. Меня в тот момент кто-то позвал в трюм, я пошел. Получив мощный удар по затылку, потерял сознание. Не знаю, сколько времени прошло после этого, но, кажется, это было недолго, я понял, что одет в военную форму, рядом лежат такие, как и я, моряки, а истинные солдаты в одежде матросов сейчас на берегу.

Как потом выяснилось, это был Троянский конь, а груз мы доставляли для царя Зигмунда XVII. Я смог встать и посмотрел через шелку на пристань. Канаты только опустили груз, доски разлетелись, и оказалось, что мы перевозили пушку, которая тотчас выстрелила в сторону царя и разможила его. Фрегаты тут же начали палить из всех орудий, и мы не должны были выжить. Но весельчак Джек развернул пушку и стрельнул в сторону водных ворот, разломав каменную смотровую башню. Ее части повалились на корабли и потопили их. Я был еще молодой и не знал, что делать! Наш капитан, который, как вы поняли, подставил нас не по своей воле, наверное, скомандовал: «Все на борт!» Кого-то зацепило ядром одной из пушек, которые открыли огонь со стен; кто-то умер от разрыва сердца, хотя мне кажется, я знаю, кто в этом виноват, — Энди посмотрел на врача. — Через два дня мы уже подплывали к портовому городу Сансур. Случилось нечто. Мы встали на якорь, и капитан вместе вот с этим вот врачом, который увязался с нами во время пальбы в Гимби, отправились вроде как получить деньги. Но нет! Врач спокойно ушел к себе в каюту, раздался выстрел. Тело нашего капитана рухнуло на палубу королев-

ского фрегата, солдаты сбросили его на съедение акулам. Дальше все как в тумане. Ядра, крики, стоны, шепки, снова ядра, картечь. Выжил только я и весельчак Джек, который доживает свои деньки в голодном бреду, валяясь на раскаленной пристани портового города Сансур. А теперь позвольте спросить: вы действительно думаете, что я дам ему уйти живым? — с яростью в глазах крикнул Энди и кинулся на врача. Бугай схватил его за ногу.

— Командуй, — прохрипел Хосе капитану.

Доктор истерично засмеялся, встал и направился в сторону двери.

— Я не потерплю дебош на корабле. Но тем более я не потерплю предателя, — со скрежетом в голосе сказал Спенсер; врач изменился в лице. Бугай бросил уже остывшего Энди обратно в кресло. — Эртон, займешь его каюту. Эй, друзья, — обратился капитан к своим друзьям-матросам, — вяжите его и подвесьте на краспицах. Пусть помрет от жары и голода, как старина Джек. А это за капитана Стэга, — капитан выхватил пистоль и прострелил пятку предателя.

День сменил ночь. Прозвенел колокол, и все вернулись к своим рабочим местам. Люди косились на Энди, ведь теперь он не был матросом, он стал гостем. Связанный по рукам и ногам врач по приказу был подвешен в рыболовной сетке. Он изнывал от жары, умолял о пощаде и просил воды, но в ответ слышал лишь: «Да пошел ты!» или «Зря тебя оставили. Пучина тебе судья!»

Энди сидел в каюте доктора и прибирался. Повсюду были разложены бумаги, записки. Чаще всего в них упоминались слова «кит», «мечта», «паруса». Вошел капитан.

— Ну как ты? — по-дружески спросил Спенсер и сел на табурет.

— Хорошо. Но было бы гораздо лучше, если бы ты сказал, куда и зачем мы идем. После бойни на мысе Ласточки я не хочу доставлять неизвестные грузы.

— Ты действительно хочешь знать? — Энди одобрительно пробурчал. — Ладно. Мы, как бы тебе сказать... гм... идем в Край исполнения желаний — смотри...

Спенсер закрыл единственный источник света — окно — подушкой с гусиными перьями. В крошечной темноте проявились уже знакомые Энди каменные глаза и губы, источающие зеленый свет. Парень схватился за рапиру, но тяжелая рука капитана не дала ее достать.

— Видишь ли, Энди Эртон, вся команда этого корабля проклята. Все мы становимся статуями, некогда стоявшими на острове Роз. Лунный свет жжет нашу каменную кожу, приносит неимоверную боль, но не убивает. Мы живем так уже три сотни лет. Один взмах моей руки — и корабль превращается в камень так же, как и мы. Мы можем бороздить глубины, но это уже не приносит нам удовольствия. Семьи наши отвернулись от нас, умерли. Да и народ нас не принимает. Мы скитальцы, ищущие искупления, и мы его нашли! Древние манускрипты говорят, что на краю земли существует море Китов, которое ты увидишь через пять часов. Советую тебе подумать, дружище, над своей мечтой, ведь она сможет осуществиться только сейчас, здесь.

Спустя некоторое время, когда часы показывали уже шестой час, Энди осознал, что у него нет мечты. Его устраивает то, чем он живет. В этот момент на море, наверное, нет никого счастливее его. Этот теплый соленый ветер, солнце, расположенное у горизонта, переругивание моряков, которые стали частью команды. Эти белые паруса, способные унести его в любую точку света. Затем он взглянул на врача. Тот висел без движения, свесив руки и ноги через дыры в сети. Зубы стучали от начавшегося пронизывающего ветра, глаза мутные, заплаканно-красные; он часто дышал и не переставал выть, словно волк. Доктор уже не раскаивался, ведь в этом, казалось, не было смысла.

Энди забрался по вантам и сел неподалеку от доктора. Врач с трудом повернул разрывающуюся от боли голову. Он медленно подтянулся, устроился поудобней, улыбнулся. Из потрескавшейся кожи сочилась кровь.

— У тебя есть мечта? — спросил парень, периодически подбрасывая вверх кинжал.

— Да, — хриплым голосом сказал доктор. — Хотя бы глоток воды, а потом уже и освободиться можно будет, — врач залился нездоровым смехом, вцепился зубами себе в руку. — Сколько бы ты ни мечтал, мальчишка, жизнь не даст тебе столько шансов. Мечтать глупо — нужно жить сегодняшним днем.

Корабль сотрясся.

— Началось, — прошептал доктор. — Началось! Началось! Началось! Ах-ха-ха! — врач начал рвать на себе волосы.

Энди схватился за канат и съехал на палубу. Моряки бегали в разные стороны, к штурвалу встал сам капитан.

— Что происходит? — спросил парень у Спенсера.

— Это же сон, расслабься! Мы вошли в море Края исполнения желаний, — с безумным лицом ответил капитан. — Смотри!

Солнце зашло за горизонт, уйдя под воду, море загорелось. Энди рванул к перилам и увидел, как песчаное дно плавится и превращается в стекло, а из-под него выглядывает огненно-красное солнце.

— Приготовить горизонтальные паруса! — крикнул Спенсер, фраза тут же разлетелась по кораблю. Бока корабля раздвинулись, из них высунулись по две мачты с каждой стороны, между которыми был натянут парус. — Мы словно птицы, Энди! — капитан захохотал, его рыжие волосы вспыхнули ярким пламенем. Парень обеспокоенно схватился за ведро с водой, но капитан его успокоил: — Расслабься, я всегда об этом мечтал! Где же сделать это, как не в Краю исполнения желаний!

Море закипело. Густой белый пар поднимался из воды. Вдалеке послышался протяжный гул.

— Вот он! Кит! Быстрее к нему! — Спенсер повернул штурвал на четверть оборота, направив нос в сторону источника звука. Капитан дернул рычаг, и корабль взлетел. Судно накренилось, и все кубарем покатились вниз по палубе. Оклемавшись, словно воины, команда снова ринулась в бой.

«Путешественник грез» парил среди облаков, обходя грозовые тучи. Гул становился все ближе и ближе. Команда корабля по приказу Спенсера молчала. «Приготовить сети», — пронеслось тихим эхом по кораблю. Пушки зарядили ядрами с прочными сетями и приказали ждать. Но не пришлось. Кит невероятных размеров показался из облака и проплыл по воздуху прямо у носа корабля. Команда ликовала. Спустя пару мгновений сети уже были наброшены на кита.

— Приготовиться к спуску! — Спенсер махнул рукой.

Молния ударила по кораблю, яркий свет ослепил Энди, а когда он открыл глаза, судно уже покрылось каменной коркой, моряки стали статуями с острова Роз. Дальше все было как в тумане, прямо как при боине в порту Сансура. События чередовались с невероятной скоростью. Корабль рванул вниз, и когда он преодолел толщу облаков, взору команды открылся крошечный остров, к которому летел испуганный кит. Паруса фрегата порвались, и все кончилось.

Энди очнулся. Он не помнил, что случилось с кораблем. Откашлявшись кровью, он подполз к штурвалу и, вцепившись в него ослабевшими руками, поднялся, осмотрелся. Перед кораблем лежал истерзанный кит в огромной цепи и с глубокими ранами по всему телу. Он жалобно завывал, бил хвостом по земле, оставляя размытые следы. Судно, покрытое нависшей на него солью, было сломано пополам. Мачта мирно повисла над кор-

мой. Дул холодный ветер. Туман окутывал округу. Вдалеке стояло одинокое дерево, возле которого возвышался огромный каменный треугольный столб, из его краев исходили раскаленные добела лучи, являющиеся границами снов. Лист дерева оторвался от ветки и, коснувшись луча, сгорел. По полю к дереву ползли полуразбитые матросы в каменном облиии. Целыми пальцами они цеплялись за землю, траву, пытаясь быстрее добраться до заветной цели. Среди них брел капитан, опирающийся на обломанное весло.

— Неужели мы тут, — шептал Спенсер. — Столько лет мы были рабами, а теперь... — он прибавил шаг.

Дерево светилось оранжевым светом. Листья шелестели, сбрасывая с себя прозрачную росу. Из-за дерева вышла девушка. Она была без одежды и сияла, подобно дереву. Девушка приветствовала каждого, кто приближался к ней. Ее голос струился, слово горная речка.

— Я — Энгель, хранительница Древа желаний, приветствую вас! Я знаю, зачем вы пришли. Но помните! Дерево исполняет только одно желание. Прошу вас.

От каменных тел моряков отставали большие куски, но они не переставали ползти. Капитан выпрямился и крикнул:

— Дьявол! Мы сделали это. — Он поднял над головой саблю. — Как капитан, я покидаю судно под названием «Жизнь» последним, поэтому я прошу вас, поторопитесь, мне так надоела почва под ногами.

Зов команды «Путешественника грез» слился воедино: «Мы хотим стать смертными!»

Хранительница, осторожно переступая через моряков, отошла в сторону. Дерево на секунду замерло. Все ждали, и только Спенсер не мог больше терпеть, он сказал: «Пожалуйста». Листья с Древа желаний посыпались на землю, остался висеть только один листок. Каменная корка стала медленно уходить с тел проклятых, моряки

облегченно ахали. Один за другим они делали последние вздохи и, озираясь на свои истерзанные тела, засыпали вечным сном.

Капитан приковылял к дереву, взяв Энди под руку.

— Ты видишь? К этому мы шли десятки лет! К смерти. У каждого своя мечта: черная или белая, о зле или о добре — не важно. Важно то, что мы делаем для ее осуществления. Главное счастье в жизни — исполнить мечту. Когда ты будешь умирать, ты забудешь о тоннах рома или эля, выпитых тобой, забудешь трудные дни и бесконечные, никому не нужные слова. Все это меркнет, если ты исполнил свою мечту.

Энди задумался, сердце сжалось и еще раз напомнило о наличии осколка. Он окинул взором поляну и понял, что листок один, а их двое. На него смотрел капитан Спенсер Филипс — камень с душой, почти честный и несчастный моряк, по воле судьбы подвергшийся испытаниям, которые не пожелаешь даже врагу.

— Загадывай, — тихо сказал Спенсер, толкнув Энди. — Я не могу. Я навлек проклятье на свою команду, а значит, клеймен. Я делал это ради них, но они об этом уже не узнают.

Прогремел выстрел. Пуля устремилась к Энди. Капитан сделал шаг в сторону, и пуля попала ему прямо в сердце, но не убила. Каменная крошка осыпалась на землю.

— Загадывай! — грозно крикнул он. Ему было обидно, что кто-то не очень-то и спешит исполнить мечту, к которой капитан так долго шел.

— Я хочу, чтобы капитан Спенсер Филипс стал смертным! — крикнул Энди, и листок опустился на землю.

Капитан, обретая человеческий облик, повернулся к парню и со слезами на глазах сказал:

— Спасибо.

Камзол покрылся темной кровью, капитан отправился к своей команде.

— Благородно. — Доктор опустился на землю, отбросив винтовку в сторону. — Теперь мы с тобой, два человека без желаний, сидим здесь среди двух десятков трупов. Спрашивается, что же делать?

— У меня есть мечта, Фабио, — обратился Энди к доктору. — Просто я готов пожертвовать ею в пользу другого, а ты нет. В этом наше различие. Ты врешь. Если бы у тебя не было мечты, ты бы не стрелял. Просто твоя мечта гораздо ближе, чем наша, но ты был настолько ленив, что реализовать ее не смог. Ты мечтал не дать моему желанию исполниться, но проиграл. А нужно было-то всего сказать пару слов...

— Тишина! Кит загадывает желание, — сказала Энгель, прислонив указательный палец правой руки к губам.

Прозвучало тяжелое и длительное мычание, а с дерева упал лист, последний лист. Задул сильный ветер. Океан вышел из берегов и большой волной направился к дереву. Подхватив кита и обломки корабля, бурная вода схватила Фабио и понесла его к границе этого мира.

День III

Старый друг

«Пятнадцать лет подряд Энди тонул вместе со своим кораблем и Джеком... Что будет дальше? Сны могут закончиться? А если я умру во сне, умру ли я здесь?»

Винсент обратил свой взгляд к доске и заметил небольшую трещину посередине ее верхнего края. Утро было необычно тем, что мисс Бишоп опаздывала на целых пять минут, хотя до этого она никогда не позволяла себе такой роскоши.

Стены содрогнулись, послышался топот — это были быстрые шаги старушки, спускающейся из своей комнаты. Винсент взглянул в окно и обомлел: за решетками возвышались волны, поглощающие Лондон, по которым на реющих парусах неся неведомых размеров фрегат; корабль палил из пушек, и на крыши домов падали немые спруты, окрашивая дороги своими черными чернилами. Внешняя стена дома разлетелась на куски, и над Винсентом навис огромный осьминог, тараща щупальца в сторону молодого человека. Ремни рубашки ослабли, и она спала, оставив его в нечистом подгузнике. Задрезжали засовы двери. Винсент просунул руку сквозь склизкий и холодный покров морского гада, подошедшего невероятно близко. Зеленая слизь брызнула молодому человеку в лицо, после чего он рухнул в постель.

— Винсент! Просыпайся, дорогой! — прозвучали протяжные слова мисс Бишоп, как всегда радостной и цветущей. Он с огромным нежеланием открыл глаза, ведь в скором времени придется объяснять отсутствие стены и присутствие осьминога, но старушка почему-то была совсем не удивлена. Она, как обычно, подошла к краю постели, усадив Винсента, сняла с него смирительную рубашку. Он медленно обернулся и, поняв, что это был

всего лишь сон или на крайний случай видение, спокойно выдохнул. Часы показывали ровно семь.

— Добрее не бывает, — на его лице выступила радостная улыбка. — Что-то вы сегодня припозднились.

— Представляешь, замок дверной заело, не могла выйти. Думала уже звонить мистеру Денай, чтобы он помог. Сама выбралась. А ты сегодня в каком-то приподнятом настроении.

— Не беспокойтесь, но, кажется, моим снам придет конец. Они показывают мне истории целиком, а не моменты! — Он немного притих. — Я не знаю почему это началось, но очень вас прошу — не звоните доктору Хамонсу. — Он увидел ее повлажневшие глаза и обеспокоенный взгляд. — Я ведь не так много прошу.

— Конечно, — ответила старушка и положила свою бледную руку на его плечо. Это были уже не те руки, которые подгоняли его или укладывали спать все прошедшее время. Она исхудала. Сквозь кожу стали виднеться зеленеющие вены и косточки кисти. И снова что-то отозвалось в его погасшей и безликой серой душе: ему на секунду стало жалко мисс Бишоп. Она была больна, как многие из нас, и название этой болезни — старость. Старушка уже давно не скрывала седин и неровной походки, это было естественно. «Я ведь тоже буду старым. Это неминуемо. Вопрос остается один: проведу ли я всю жизнь в этой клетке или же... выпорхну?» — он думал долго, а когда опомнился, с кухни уже тянулся аромат свежего кофе.

Сегодня был праздничный день — воскресенье. Каждое воскресенье в этом доме был небольшой праздник, основоположниками которого когда-то стали дальние родственники Винсента. По той же самой традиции мисс Бишоп всегда пекла медовый торт, добавляла в обычную кашу кусочки сухофруктов. Будучи в приподнятом настроении, старушка сделала себе прог и выпила пару кру-

жек, пока ожидала Винсента. От нее уже заметно пахло алкоголем, а ей было все равно. Старческая улыбка тянулась от уха до уха, а отсутствие нескольких зубов никак не смущало ее.

По обычаю, первый утренний тост был с пожеланиями здоровья и долгих лет жизни королеве. Сегодня они ограничились одним тостом, потому что мисс Бишоп еще хотела пойти в кафе с мистером Уоллесом, а явиться туда пьяненькой ей не позволяла совесть!

Чем веселее и общительней становилась старушка, тем труднее было Винсенту. Он ни в коем разе не хотел обидеть ее или испортить праздничное утро, но по своей натуре выступал антиподом окружающего веселья. Добрая улыбка сменилась на лукавую, а участие в разговоре скатилось до поддакивания.

Завтрак был окончен, и время подходило к десяти часам. Винсент сидел в закрытой для посещения комнате. Его уже не удивляли изменения в записках и рисунках. Листки, подгоняемые ветром, надоедливо шелестели и разлетались по комнате. Крысы шумели меньше обычного, ведь крупные особи съели большую часть сорочичей средних размеров и крепко спали. В углу клетки лежали обглоданные кости в засохших лужицах крови. Запах был настолько силен и мерзок, что перебивал запах кексов соседней-кондитеров.

Открытое окно снова ударило о раму, прекратило скрипеть. Винсент, сидевший в кресле-качалке, все понял по запаху птичьего помета и перу, которое едва заметно упало ему на голову.

— Бредбери! — крикнул молодой человек и рванулся к окну.

На подоконнике, копясь клювом в крыле, сидел белый кондор с черными перьями на спине. Его глаза желтого цвета имели тот же тяжелый взгляд, что и у хозяина.

— С возвращением, — прошептал Винсент и, взяв

птицу на руки, принялся ее холить и лелеять, предварительно заперев окно. Бредбери рокотал от удовольствия и терся о хозяйское плечо. — Что ты мне принес? — Птица ослабила когти, и на пол упал сверток ткани с чем-то увесистым внутри. — Только не говори, что это он. — Молодой человек усадил Бредбери в клетку и положил ему завтрак — две огромные крысы.

Винсент осторожно взял сверток и положил на стол. Окоченевшими от страха руками, с испариной на лбу, обнажил содержимое. «Этого не может быть! Я реален, зачем мне он? Зачем? Что я еще должен сделать?» — мелькнуло в его голове.

— Глупая птица, зачем мне этот чертов камень!

Он рухнул на стол и затих, испепеляя взглядом частицу Краеугольного камня. Кондор издал крик и тут же расправился с одной из крыс.

Винсент сидел в кресле и не понимал, что происходит. Лоб сильно болел, тяжелая голова, казалось, вот-вот отвалится и укатится вниз по лестнице. Послышался стук в дверь. Опомившись, молодой человек схватил камень, завернул его обратно в ткань и сунул в шкаф, открыл дверь. В коридоре стояла подвыпившая мисс Бишоп. Едва заметно покачиваясь, она пыталась донести информацию:

— Я, так сказать, отбываю на встречу к своему счастью — что немаловажно, отличному собеседнику, мистеру Уоллесу. Будь добр, окажись дома вовремя, иначе... — она задумалась на долю секунды. — Впрочем, ты знаешь.

Винсент помог старушке спуститься с лестницы и усадил в такси. «Да-а, Ганс Уоллес, держись. Она-то точно поможет тебе тряхнуть стариной», — подумал молодой человек по пути наверх.

— А ты, Бредбери, тоже, может, хочешь лучшей жизни? Зачем тебе все это? Разве комнатная жизнь лучше

полевой охоты? Или ты, как я, собираешься встретить старость в клетке? Только для тебя это не метафора. — Он провел пальцем по дребезжащим прутьям клетки. Птица внимательно смотрела на хозяина в ожидании последующих действий. Винсент взмахнул кочергой и одним ударом пробил оба слоя стенки аквариума. Крысы тут же разбежались в разные стороны. Крутясь в ритме вальса, другой рукой он открыл клетку Бредбери. — Ты ведь для них Бог! Ты решаешь их судьбы, а они слишком ленивы, чтобы бороться! Если твое имя перевернуть, убрать все буквы и вставить буквы «б», «о», «г», то получится Бог! — закатываясь нездоровым смехом, молодой человек наблюдал, как кондор расправился с каждой крысой, выпуская их души с хрустом их костей. — Ирония в том, что, набив брюхо, ты стал таким же, как они, — ленивым и в какой-то степени беспомощным. — Винсент взмахнул кочергой, угрожая кондору, который не мог взлететь и боязливо пятился назад. — Ты думаешь, я не ударю? — прокричал человек и, побагровев, выкинул оружие в окно. Стекла с треском разлетелись, а рама лениво повисла на крошечных гвоздях. Винсент упал на колени, лицом к лапам Бредбери: — Ты Бог, Бредбери, ты Бог, — он сомкнул глаза, и обессиленный, уснул прямо на полу, среди осколков стекла, крысиных трупов и с кондором под боком.

День выдался пасмурным, низкие тучи цеплялись за небоскребы, не желая уходить из города. Где-то за границами столицы гремел гром и мерцали молнии. В испорченный погодой выходной день жители сидели дома или, как мисс Бишоп, разбредались по пабам, кафе и ресторанам.

На Лондонском Глазу было мало народу, но все же кое-кто занял свободные кабинки. Винсент сидел один и смотрел на город, постепенно скрывающийся в густом тумане. За окном кричали дети, шелестели деревья и,

словно насекомые, жужжали машины. Из колонок доносилась негромкая музыка, веселая и задорная, хотя в такую погоду можно было бы включить что-нибудь погрустней. Молодой человек вертел в руках чип, украденный у инспектора Допла, которого он встретил, уходя из палаты Роберта. На чипе под фотографией хозяина было написано: «Инспектор Обри Допл, Скотленд-Ярд». Инспектор носил его на передней шлевке брюк и, скорее всего, не заметил пропажи. Чужая вещь жгла Винсенту руки, воровать было некомфортно, но вряд ли бы кто-то ему помог, попроси он: «Мне нужны улики по делу об охраннике Тауэрского моста». Нет, его пошлют в лучшем случае, а в худшем задержат с подозрением на покушение Роберта.

Молодой человек уже давно покинул Глаз и подходил к Дакр-стрит. Серое здание с серыми стеклами для темных дел — так можно было описать Скотленд-Ярд. Он выделялся среди окружающих его трехэтажных домиков и зданий с колоннами своей простотой и обычностью. Даже клумбы с адонисом, разбитые по периметру, не могли повлиять на этот суровый и строгий вид. Винсент накинул капюшон и вошел в здание, предварительно сняв очки. В противоположных углах комнаты располагались камеры с датчиками движения, похожие были размещены по территории всего здания. Камеры сфокусировались на вошедшем. За стойкой, выполненной из дуба и мрамора, сидел пухлый полисмен, вальяжно откинувшись на стуле и закинув ноги на перевернутое мусорное ведро. Все вышеперечисленное Винсент приметил за долю секунды и направился к рамке металлодетектора. Плохое зрение мешало ему, но выверенный по фотографиям и планам здания ранее подготовленный маршрут позволял уверенно передвигаться. Приложив краденый чип к считывающему устройству, молодой человек деактивировал рамку на несколько секунд и, словно тень, про-

шмыгнул в участок. На компьютере полисмена высветилась надпись: «Вход выполнен», после которой черным по белому были написаны имя, фамилия и ранг вошедшего вместе с фотографией. Спросонья полисмен резко поднялся, чтобы отдать честь старшему по званию, как вдруг у него пошла носом кровь.

— Проходите, инспектор, — гнусавым голосом сказал полисмен, пытаясь остановить текущую кровь бумажными салфетками.

В 1963 году, когда Скотленд-Ярду понадобилось новое здание, правительство решило устроить конкурс среди молодых начинающих архитекторов. На конкурс были представлены более трех десятков работ, и лишь одна из них соответствовала всем критериям заказчиков. Строительство стартовало, а проект здания вместе с выдающимися работами других архитекторов отправили в университеты, дабы студенты смогли оценить уровень достойных работ. В одном из таких университетов работал дед Винсента — Джозеф Гилл. Непонятно зачем, но в один момент он решил отсканировать план строительства Скотленд-Ярда, за что чуть не угодил в тюрьму.

«Двадцать пять прямо, тридцать семь направо, десять налево» — цифры, обозначающие количество шагов, мелькали перед глазами. Звуки шагов, отражаясь от холодного пола и стеклянных стен, разносились среди полной тишины по всему зданию. За окном щебетали птицы, деля кусок хлеба прямо на подоконнике управления. Из-за крыш домов сквозь туман Темзы светило неласковое солнце. Оно лениво поднималось, иногда скрываясь за тучами. Винсент подошел к нужной двери, за которой хранились вещественные доказательства. Одним взмахом чипа молодой человек распахнул дверь. Тонкий запах, стелясь, выходил наружу. Запахи смешивались, их было трудно разобрать; пахло всем — от грязных вещей до кокаина. Люминесцентные лампы под потолком гуде-

ли и моргали, отбрасывая тени на стальные прутья решетки — единственное, что отделяло его от заветной сумки. Винсент пару раз попытался дернуть дверь, но безуспешно. Замок язвительно щелкал, но открываться не хотел. Решетка, какие устанавливают в тюрьмах по всему миру, была выполнена из стали Гадфильда, которую невозможно распилить или расплавить.

Сзади послышалось шуршание.

— Допл, вам нужен ключ? Вот, возьмите, — сказал неизвестный.

Винсент обернулся и увидел перед собой человека в военной форме с пистолетом-пулеметом наперевес. Он добродушно улыбался, протягивая сверкающий ключ. Увидев, что это далеко не его товарищ, неизвестный тут же изменился в лице, потянулся к рации, но не успел ничего сделать. После молниеносного удара в живот, а затем и в верхнюю область спины, он повалился на пол. Времени для раздумий оставалось все меньше, а дел становилось больше. Поняв, что за ним следит камера, Винсент разбил объектив и втащил обездвиженного сержанта в комнату.

В это время в здание вошел ни о чем не подозревающий истинный инспектор Допл. Вчера он забыл забрать подарок для жены в честь годовщины, за что был наказан недельным отсутствием секса. С поникшей головой он подошел к стойке, облокотился на нее.

— Мариус, приветствую. Что случилось? — спросил Допл у полисмена, держащего под носом окровавленную салфетку.

— Как же, инспектор, кровь пошла, когда вы сюда входили, минут десять назад! Для следопыта у вас плохо с внимательностью, — последние слова Мариус произнес с долей негодования в голосе.

— Констебль, но я пришел сегодня в первый раз, — Допл приподнялся и вопросительно поднял бровь.

— А кто же тогда это? — пальцы полисмена быстро заклацали по клавишам клавиатуры. Он позвал коллегу за стойку. По камерам было видно, как некий человек в черном капюшоне вошел в комнату для вещественных доказательств, а после напал на сержанта Вантлоу.

— Тревогу, срочно! — скомандовал инспектор и побежал в сторону нарушителя, на бегу раскрывая пальто и выхватывая из кобуры пистолет,

Завыла сирена. Винсент в мгновение ока забрался на седьмой этаж с сумкой в руках, направляясь на крышу. Сзади слышались шаги, быстрые и легкие. Дыхание участилось, бежать становилось все труднее. Раздался выстрел и последующее «Стоять!». Молодой человек остановился у окна, за которым колыхались могучие деревья Крайстчерч Гарденса.

— Руки за голову, живо! — скомандовал Допл. Винсент покорно сложил руки. — Вы обвиняетесь в проникновении в Скотленд-Ярд, а также в нанесении урона и вреда здоровью сержанту полиции.

К зданию подъехали две машины с бойцами SAS.

— Кто же ты такой? — Инспектор отдернул капюшон с головы подозреваемого и увидел знакомое лицо. — Врач?

— Нет. Называйте меня Никто. Все действия справедливости ради!

— Ты сядешь за решетку надолго, так что справедливость подождет.

Послышался оглушительный крик кондора. Все, даже прибывшие бойцы спецназа, насторожились. Опасаясь, инспектор подошел к стеклу и посмотрел на небо, но там было пусто, ничто не предвещало беды.

Идя на таран, громадная птица вылетела из кроны дерева и разбила стекло; вцепившись в спину Допла, протащила его пятнадцать метров по коридору. Острые когти, словно скальпель, рассекли плоть и коснулись костей

лопатов. Пистолет отлетел в сторону. Птица выпятила грудь и произвела один четкий удар, раскроив щеку жертвы.

— Бредбери, я ждал. Оставь его, — сказал молодой человек.

Птица покорно отошла назад, буквально сжигая инспектора взглядом. С ранами на спине и на щеке мужчина медленно отползал назад, еле передвигая конечностями.

— Будьте добры, не мешайте мне. Может, я и нарушаю закон, но наказываю виновных.

На этаж вбегали бойцы SAS, лазеры целеуказателей гуляли среди стеклянных стен.

— Ну, мне пора, — прошептал Винсент, подмигнув Доплу. Молодой человек разбежался и, затаив дыхание, прыгнул с седьмого этажа, ухватившись дрожащими руками за ветви деревьев.

— Пристрелите эту чертову птицу! — скомандовал лежащий на полу мужчина. Бредбери поднялся во весь рост, набрал полную грудь воздуха. Взмаху крыльев сопутствовал оглушающий крик. Стелянные стены не выдерживали напора и лопались, словно хрупкий ноябрьский лед, а бойцы элитного подразделения падали, как домино. Казалось, на лице инспектора появились новые складки, а на голове выступили первые седые волосы. Кондор снова поднял крылья. Инспектор крупно дрожал, боязливо закрыв лицо руками, каждый удар сердца казался последним. Он впервые в жизни понял, что бессилен. Только от этой громадной птицы зависело его существование. Довольный кондор выпорхнул из здания, оставив заметное пятно на репутации полиции и одежде инспектора Допла.

Эликсир

— Хороший вечер для долгих разговоров, Моня, не правда ли? — сказал пожилой еврей, сидящий в самом темном углу паба. Тень падала так, что лица его не было видно, а из-под края кнейча¹ выглядывали смотрящие исподлобья глаза, тусклые, сухие, казавшиеся безжизненными. Золотой монокль на его глазу светился, отражая лучики теплого света. Перед евреем стоял стакан с элем, в то время как его собеседник предпочитал коньяк, игриво переливающийся по дну бокала.

— Так-то так, но где же он? Время подходит к девяти, а нам нужно еще успеть на встречу, — ответил второй еврей. Он был высокого роста, накачан и подтянут, на висках выступали толстые артерии. Моня перекидывал нож из одной руки в другую, то и дело втыкая его в столешницу, оставляя неглубокие порезы. — Аарон, мне кажется, это чистой воды развод! Еще втянет нас в какую-нибудь историю. Вон, слышал, сегодня напали на Скотленд-Ярд? Говорят, их было десять! И то не факт. Вдруг наш клиент — анархист? А это, прости уж, не наш уровень.

— Брат, были бы деньги, а остальное приложится. Я таки был бы не против еще одной пинты эля. Ты повторишь? — Аарон медленно почесывал седую бороду, незаметно переходящую в усы.

Паб шумел разговорами и музыкой, суматоха нарастала; кто-то уже был готов и, уткнувшись лицом в закуски, дремал, а кто-то, напротив, буйствовал, надев на своего брата-англичанина чучело головы лося.

— Нет, я, пожалуй, остановлюсь на третьем бокале,

¹ Кнейч — шляпа с продольным заломом.

иначе тебе опять придется платить за меня залог, — Моня стукнул по столу, пытаясь сдерживать себя.

— Господа! Прекрасная погода? — сказал подошедший мужчина в черном пальто и темных очках.

— Очки тебе не мешают, клоун? — ухмыльнувшись, рявкнул Моня, но тут же затих, чувствуя, что брат пытается успокоить его, положив свою теплую руку поверх пьяно трясущейся кисти.

— Спокойно! Жаль, что небо заволокло тучами. — Старший брат выдохнул с облегчением, видя, как блестящий вальтер, который гость держал наготове, скрылся во внутреннем кармане. — Приветствую.

— Ну здравствуйте. Наслышан о вашем профессионализме, но, видимо, не вся группа компетентна в области шифров. — Гость бесшумно отодвинул стул и, не снимая верхней одежды, сел.

Моня уперся рукой в щеку, губа полностью перетекла на левую половину лица, принялся слушать диалог.

— Мы бы не хотели вас торопить, — притворно начал Аарон, — но давайте сразу к делу. Цель, дата... и как же я мог забыть! Деньги вперед, иначе не сработаемся, — он лениво развел руками.

— И не смей обращаться к русским, а то... — опьяневший Моня провел большим пальцем руки по горлу.

— Ровно через четыре дня, — гость говорил, попутно доставая сверток с деньгами. — В свертке фото объекта и место, все понятно? — Гость оглянулся и, стараясь не привлекать внимания, встал из-за стола, сливаясь с тенью кирпичной стены. — Что это? — он указал куда-то в сторону.

Братья синхронно повернулись, но, ничего не увидев, перевели взгляды обратно. Посетителя и след простыл.

Этим же вечером на другом краю города инспектор Обри Допл, разжалованный до звания констебля, сидел на кухне, оклеенной потускневшими рваными обоями.

Изредка на стенах мелькали силуэты тараканов, соседствующих с теперь уже констеблем и его женой. Она, свернувшись калачиком на старом диване, тихо плакала в гостиной, еще не обустроенной после недавнего переезда. Повсюду стояли неразобранные коробки, лишь в углу неподалеку от дивана возвышался торшер с бахромой на зеленом абажуре. Светловолосая девушка всхлипывала, переворачивалась на другой бок и продолжала плакать: они недавно переехали в эту квартиру, взяв кредит под высокий процент. Большую часть денег от своей зарплаты супруг отдавал на лечение тяжелобольной матери, которую он берег как зеницу ока. Джустис всячески помогала мужу, но сегодняшнее событие вовсе выбило ее из колеи. Она что-то шептала себе под нос, но делала это так тихо и быстро, что слова разобрать было невозможно.

— Только не пристрели себя, — крикнула она и хлопнула дверь в спальню.

Он мельком увидел ее красные, словно летний закат, глаза, но не побежал за ней. Обри был буквально прикован к стулу и не мог уйти. В его голове прокручивался диалог с комиссаром. Напряженная обстановка, мрачные лица других полисменов, сидевших за овальным столом, крики, ругань и его безмолвие; бесконечные секунды позора, ожидания. И снова, с большей силой, диалог вспыхивал в его голове. На столе лежали вырванные клочки волос, а рядом накрытый столовой салфеткой пистолет. Он манил хозяина, представлявшего, как звенят гильзы на кухонном полу рядом с его бездыханным телом или плотью этого человека с огромной птицей. Ее крик, бушующий вместе с образом комиссара у него в голове, мучил сознание и бросал его в дрожь, заставляя раны кровоточить от напряжения. Он жалобно скулил, стучал зубами и отводил взгляд, когда тот падал на бутылку со спиртным. «И как? Почему он пришел, почему я

не остановил?! — он яростно сжал кулаки и резко выдохнул. — Какого-то... кого? Никого. Человек без имени и лица, я ведь их так и не запомнил, все слилось с этим жутким воплем!» В раздумьях Допл распластался на столе. Лампочка ослепляла, мерцала, а потом и вовсе погасла, когда последний мотылек, ударившись о стеклянную стенку, разорвал вольфрамовую нить.

Все затихло, квартира погрузилась в тишину, глубокую, давящую на уши, от которой хочется бежать. Щелчок предохранителя ударил по перепонкам. Для инспектора остановилось время, секундная стрелка часов замерла в ожидании выстрела. Теплая рука дотронулась до металлического затвора оружия. И медленно, оставляя шанс стрелку, крепко прижала его к столешнице.

— Джустис, — в этом слове было больше надежд и благодарности, чем вы слышали за всю свою жизнь. Соленые реки на лице констебля пересохли, оставив белые следы. Жена молча подняла супруга и увела в спальню, шаркая по полу короткими ножками.

Город спал, большинство квартир уснуло, но некоторые бодрствовали, источая приглушенное свечение. Прохожие на улицах, словно замороженные, удивленно ахали, видя горящий в окне свет, хотя сами бодрствовали. Шумные компании растеклись по закоулкам, спортивным площадкам и лавкам, скрытым в тених деревьев. Эликсир покорил всех и мutil сознание каждого. Кто-то поднял голову, отстранившись от окружающего шума, всмотрелся в распростертое окно. Оттуда свешивались белые занавески, перепорхнувшие через подоконник и колышущиеся на ветру, изредка замирающие и рвущиеся в бой с новыми силами. Из окна струилась живая музыка — небрежная и тихая, но Кто-то не понял, что это было: то ли флейта, то ли скрипка. Небрежность вступления сменилась мелодичностью. В тот момент слуша-

тель потерял нить образов и оглянулся. Оказывается, вокруг много светящихся окон, а за ними жизнь, о которой он ничего не знает, ведь понятия не имеет, кто там живет. Мысль осенила разум, Кто-то расплылся в довольной улыбке, ведь тот, в окне, тоже не знает, чем занят Кто-то. И эта истина доставила ему необычайное удовольствие: «Каждый живет тем, чем хочет, но не каждый это понимает. У всех вокруг кипит жизнь — когда ты осознаешь это, представляешь истинные масштабы общества!»

— Параллельность! — пораженно произнес Кто-то и, ловя удивленные взгляды окружающих, сел на остывающую скамью.

— Но есть и другие люди. Их жизнь не переполняют события, праздники и море общения. Они, обреченные, живут как в «Дне сурка», погружаясь в рутину и сковывающее одиночество. Самое интересное и обидное, что последних из ямы разобщенности вряд ли кто-либо будет вытаскивать. Бурно живущим людям в большинстве своем не нужны такие якоря. Они бегут сломя голову, оставляя осколки эмоций по колее своего пути. Хотя они даже не знают, сколько на самом деле сил и впечатлений в угасшей душе одиночки, запечатанной в теле-склепе. Одним из таких угасших людей был и Винсент; вечно погруженный в мысли о своих сновидениях и осиротевший, поначалу он перестал осознавать границу между снами и реальностью, ведь сновидения пестрили красками, пока не стали все той же рутинной. Мисс Бишоп не хотела, чтобы мальчик закончил жизнь в сумасшедшем доме, и стала придумывать ему хобби — от изучения языков до ухаживания за хищной птицей. В итоге он стал собой; в мире седых и глупых, проживших жизнь, он был молодым, понимал больше, но жизни так и не знал; было одно но — ничто не могло его заставить улыбнуться или громко крикнуть. — Димер тихо спустился с потолка и сел на прикроватную табуретку. Она не заскрипела

и не продавила пол, как делала это каждый раз, когда на нее кто-то садился. Димер наклонился к лицу Винсента — по его бледному лбу со свешанными к матрасу волосами текла капля пота — снизу вверх. Гость взмахнул рукой и она, по велению, скрылась в гуще черных волос.

— Ну, пора просыпаться! — Димер щелкнул пальцами, и замки рубахи распахнулись и замерли.

Молодой человек вздохнул полной грудью и открыл глаза: они горели розово-синим светом, кружившимся в глазах молодого человека. Казалось, там зарождалась новая Вселенная.

— Zeit aufzustehen! Lange nicht mehr gesehen... Walzer! — Димер отошел на пару шагов от кровати и стукнул ногой по полу. Все в комнате взлетело и стало парить, кружа вокруг статичной кровати Винсента.

Молодой человек попытался поймать будильник, но тут же угодил в круговорот вещей. Он не сопротивлялся, а медленно плыл по воздуху, смотря на гостя. Он не чувствовал к нему никакой агрессии, даже не хотел спросить, кто он такой. Ему было безразлично. «Будь что будет!» — так он обычно говорил Бредбери, пожимая ему лапу рядом с открытым окном и распахнутой клеткой.

— Поправь, воротник завернулся, — сказал Винсент и указал Димеру на пиджак.

Гость незамедлительно поправил ворот своего черного пиджака; вообще Димер был облачен во все черное — все, кроме носков: они были розовыми с несколькими белыми зайцами.

— Что ты хочешь?

— Вообще-то это кролики, — укоризненно сказал странный человек. — Да так, приходил внести ясность.

Взглянув на Вас, гость взмахнул рукой, и из стены вылетели все таблетки, накопленные больным за время болезни. Разноцветные пилюли впились в потолок и засветились, словно лампочки. Сверкающие огоньки были

похожи на бескрайний космос.

— Зачем ты это сделал?

— Балуюсь, тебя же надо как-то взбодрить. Кстати, — Димер снова щелкнул пальцами, рядом с ним повисла сумка человека, напавшего на Роберта, — они кое-что выбросили, так что тебе точно это понадобится.

Гость водрузил на сумку большой мешок, и она тут же испарилась.

— А это кто? — молодой человек указал на Вас, Читатель.

— Это так, попутчик. Просил посмотреть, — Димер оглянулся, взглянув в Вашу сторону, сказал: — Не знакомься с ним. Он человек новенький, не знаю, что от него ожидать, — опрятный человек откланялся хозяйнику комнаты и, взяв Вас за руку, испарился, крикнув: — Ответ ищи в потолке!

Сон Авенир Оллфлорд

— Бывают такие моменты, когда ты останавливаешься у порога своего долгого пути и думаешь: «Зачем это все?» Боль телесная гаснет по сравнению с душевной, ведь терзания совести не вырезать и не запить вином — они возвращаются.

Я размышляю, а стоило ли это того? Я, с месяц назад еще простой малоизвестный поэт в протестантской газете, ныне один из Голов повстанческого движения «Цербер». К нам приходили разные: униженные и оскорбленные, великие и самобытные — разные люди. Одни стали средством, топливом для нашей «машины Возмездия», как нас часто называли в газетах, другие были причиной.

Если быть честным, я соскучился по свободному, чистому небу, вольному от черного дыма вечных костров противостояния. Техническая революция предшествовала всему этому. Все сферы жизни пошатнулись, равно как и семейные устои. Сын вышел против отца, брат против брата. Я нередко вспоминаю обоих: брата и отца. Первый ушел в армию короля, свернув с верного пути; второй — отдал свою жизнь за меня! За меня — бунтаря, революционера, но все же его сына. Никогда не забуду этих обеспокоенных глаз, последний удар его благородного сердца. В ту ночь мы в последний раз были наедине, пока его рука смиренно не повисла над полом.

Жалко матушку. Она сошла с ума, ее увезли за горы, в Гепас. Там обычно наши богачи доживали свои лета. Она не знает про отца. Когда мы хоронили его, снег уже шел, война прекратилась на день.

— Все мы что-то потеряли, Авенир. Я признаю.

Но ты ведь знаешь, что мы боремся за большее благо, чем есть сейчас, — сказал старик в черной мантии, он сидел неподалеку, опираясь на ручку трости в форме головы орла. — Мы лучше короля и его окружения. Главное — знать это.

— Имейем ли мы право после стольких убийств и казней разделять друг друга на добро и зло, Рейнхард?

Старик поднялся с глубокого кресла и взял приспешника за шиворот:

— Тебе напомнить, как в начале войны они сожгли детский дом вместе с детьми, просто чтобы подставить нас? Или как они выкладывают еще из наших живых солдат дороги и возят по ним кареты с провиантом? Твой отец отдал жизнь не просто так! Он знал, что ты способен на большее. Доведи дело до конца, прошу тебя, — с покрасневшими от бессонных ночей глазами, дрожащими руками он вцепился в руку парня. — Твои слова стали для них наркотиком. Выйди к ним и дай, что они просят, — и ты узришь!

— Я сделаю это, но знайте, что потом найдется еще кто-то, кого не устроит наша политика, и тогда на месте короля окажемся мы.

— Мы постараемся отсрочить эту дату, — со злой улыбкой произнес Рейнхард и открыл дверь с витражными вставками, за которой уже более десяти минут зывал народ.

Парень вышел на балкон дворца, захваченного пару дней назад, который ныне являлся резиденцией «Цербера». Больше полутора сотен тысяч людей умолкли. Не было слышно ни шороха, ни вздоха. Все смиренно ожидали слов Гаата — так прозвали Авенира в народе. Множество факелов играло светом на золотой линии камзола. Толпа простиралась на километры вглубь города, до самой линии соприкосновения. Сила взглядов не давала поэту успокоиться. Он набрал в грудь воздуха

и произнес всего лишь одно четверостишие.

В небо взмыли тысячи шляп, одобряющие вопли слились в один сплошной гул, который заставлял окна домов содрогаться... Толпа выла, словно стая волков на луну, только их ночным светилом был Авенир. Поэт вернулся в комнату, плотно закрыв за собой дверь; большие окна были завешены тяжелыми темно-желтыми шторами, посреди комнаты стояло кресло старика. Люди на улице, приняв слова Гаата за знак свыше, все как один ринулись к королевскому дворцу, дабы завершить начатое. Кто-то падал — одурманенный поток превращал его плоть в сплошное месиво.

— Почему вы всегда остаетесь в тени, Рейнхард? — сказал парень, подойдя к единственной свече в комнате.

— Я не хочу быть заметным. Был бы я постоянно на свету, не дожил бы до своих лет, — улыбнулся старик, пригладив свои редеющие темные волосы. — Вот знаешь...

— Или вы просто боитесь ответственности? — перебил его поэт.

— Молодой человек, вы смеете дерзить мне, перебивать? — возмущенный Рейнхард топнул ногой по полу.

— Вы не ответили на вопрос! — Авенир взмахнул шпагой, рассек свечу пополам, немедленно поднес горящий фитиль к дряблему лицу собеседника, но Рейнхард остался невозмутим, молчал. — Вы трус, Делорэй. Вам даровали статус сэра? Но король, равно как и королевство, в котором вам даровали титул, с минуты на минуту падет, значит, титула вы лишитесь. Разговаривать мы можем на равных!

— Как ты смеешь, мальчишка! — с оскалом вожака прохрипел старик. — Ты ничего не смыслишь в жизни! Я прожил семьдесят лет...

— Но это не делает вас мудрецом!

Кровь в жилах Делорэя бурлила, словно магма. Он

не верил, что все могло пойти не так. А поэт боялся. Его ноги подкашивались, в голосе то и дело пробегала еле заметная дрожь, но пути назад уже не было. Если он остановится, то даст этому тирану силу, которая тут же, словно лавина, поглотит его, накроет с головой.

— Наш разговор будет длиться, пока горит эта свеча.

— А что вы потом планируете сделать?

— Убить вас. Возьмите платок, у вас испарина.

Авенир метнул белоснежный платок над пламенем, но оно не дрогнуло.

— Верно, я не смогу встать и уйти. Тогда я нанесу вам сокрушительный удар — прямо в душу.

— Имеете право.

— Должен признать, что я недооценивал вас. Вы были мне нужны только для единственного стихотворения, оно было первым в пачке, которую передали мои люди. Но потом я понял, что ваш голос и слог для них упоительней любого вина. Это лекарство для души? Или дурманящий плод, как мухомор? Скорее второе, ведь я пожинал ваши плоды день ото дня. Помните, свое первое выступление? — Поэт уверенно кивнул. — Там не было разношерстного народа, только мусор — так их называла буржуазия, такие, как ваша семья. Толпа молила вас, вы дали им надежду! Потом выступление на площади Свободы, в Катрумбере, в Лапики. Человек, крушащий систему не деяниями, а словами, — их идеал, к которому когда-то пришел высший класс, сейчас лениво погрязший в тине смиренной жизни и потерявший лидерство. Это замкнутый круг, все мои действия — покер, я обычный игрок. Меня забудут как выбывшего из партии в начале. Вас же, Оллдфлорд, будут помнить многие поколения... Вы стали символом, иконой, но в то же время вы стали дьяволом для остального народа. На все можно взглянуть под другим углом, он тоже окажется верным. Каким вы хотите запомниться?

— Певцом справедливости.

С потолка упала капля воды, потушившая свечу. Делорэй зажмурил глаза. Раскаленная шпага вошла в его грудь беззвучно и плавно. Держась за рукоять орудия, Авенир почувствовал последний удар сердца старика. С потолка упала искра. Делорэй вспыхнул зеленым пламенем, будто был покрыт порохом с ног до головы. Тело Рейнхарда прикипело к креслу; едва слышные вздохи старца сменились звуком трескающейся кожи.

— Таким ты мне нравишься гораздо больше, — сказал откуда-то Себастьян — брат Авенира, которого тот не видел уже давно. Война сделала так, что они оказались по разные стороны баррикад. Брат спрыгнул с потолочной балки. Поэт пристально смотрел на него. — Это я сказал не тебе, а этой развалине! Ты знаешь, что я о тебе думаю.

— Самодур, тактик и глупец — так пишет твоя полевая газета.

— Именно. Жаль, что наша река правды разошлась по разным руслуам. Я не хотел этого делать. Защищайся!

Себастьян вынул меч и быстрым шагом стал приближаться к поэту. Авенир выхватил свое орудие из сердца Делорэя, встал в оборонительную стойку. В свете горящего лжеца братья начали бой. Один постоянно нападал, другой оборонялся.

Авенир сделал выпад, взмахнул шпагой и рассек кожу на кисти брата. Меч звонко упал на пол.

— Я не хочу твоей смерти, — тихо сказал поэт. — У меня есть незаконченное дело, я думаю, ты справишься. Водоканал города Метлоу. Это никак не связано с битвой. Это касается нас с тобой, нашего пути, — Авенир отбросил шпагу в угол, метнул брату небольшой кулек.

— Дерись, трус! — кричал Себастьян, пытаясь остановить струящуюся кровь намотанным на кисть пла-

щом. — После стольких событий ты готов остановиться, дать слабину?

— Быть милостивым к другим не слабость, а наибольшее проявление силы.

Себастьян хотел остановить брата, но не успел. Вышедший на балкон Авенир сделал шаг и полетел вниз, прямоком в гущу своих обожателей.

Послышался мужской плач.

День IV

Сухой из листвы

Наступил последний теплый день осени. Солнце лениво поднималось на востоке, расталкивая свинцовые облака. Город, накопивший силы за выходные, ожил. Бодрые, с суровыми лицами люди отправлялись по своим делам. По пути на работу натягивали фальшивые улыбки, снова начинали мечтать о конце недели.

Где-то над городом кружил Бредбери, отбрасывая большую черную тень. Завидев ее, люди поднимали головы в попытке увидеть огромную птицу, но безуспешно. Он таял в лучах небесного светила, которое ослепляло каждого, кто смел взглянуть в его сторону. Жители недовольно опускали головы и, смотря под ноги, неслышно удалялись, ругая «дурное животное».

На незнакомой нам душной кухне висела дымка от свежеприготовленной яичницы. За кухонной стойкой сидела девушка в белой пижаме, с запутавшимися волосами. Она медленно-медленно водила пальцем по остывающей кружке с остатками кофе и задумчиво вглядывалась в блестящую ложку. «Кто же он такой? И где теперь его искать? Он такой... Впрочем, это, наверное, нужно забыть...» Уличный хлопок вывел ее из оцепенения, заставив оглянуться. Девушка увидела пустую квартиру, что еще раз напомнило ей о ее одиночестве. После переезда из Испании, где она училась пять лет, девушка вернулась на родину — в Лондон, оборвав все связи, накопленные за несколько лет. Все ее друзья и подруги нашли другие компании и новые интересы, несвойственные ей, достаточно долго прожившей в другой среде, среди других людей. К родителям в Хэмпшир она категорически переезжать не хотела из-за того, что ей нравилась суета мегаполиса.

Так Мария и жила: одна с котом Бастионом — суровым мейн-куном черного цвета. Обычно он гордо восседал на своей бархатной подушке, края которой были украшены золотыми лентами. Он и хозяйка были достаточно ленивы и в выходные дни обычно соревновались, кто дольше пролежит; часто выигрывал кот.

Приведя себя в порядок, девушка взяла мольберт и краски под мышку и, помахав коту на прощанье, убежала на работу. Легкий ветерок прошелся по шерсти кота. Он отпружинил на пушистых лапах и наострил уши: хозяйка быстрыми шажками спустилась по лестнице и побежала к метро. Бастион помахал ей хвостом и бесшумно зевнул, вальяжно потянулся и снова прилег, но уснуть уже не смог. Он осмотрел квартиру и понял, что его хозяйка впопыхах снова забыла оставить ему корм. Мейн-кун выпрямился, на секунду выпустил когти и спрыгнул на пол. Затем он проследовал мимо дивана, низкого стеклянного столика с чайным сервизом на нем. Из приоткрытого окна пахло осенней свежестью, мимо пролетали оранжевые листья. Бастион запрыгнул на стул, потом на стол, посмотрел еще раз в пустую миску и, недовольно мяукнув, прыгнул в открытое окно на улицу.

Кондор тоже голодал. Винсент еще завтракал и не успел зайти к другу, чтобы покормить его. Чувство голода сжимало тело Бредбери изнутри, ждать он больше не мог и самостоятельно направился на поиски пищи. В центре города ловить было нечего — улицы кишели людьми и транспортом, так что вряд ли какой-нибудь грызун решит пробежаться по утренней мостовой или же заглянуть на парочку круассанов в кафе на пересечении улиц Олдвич и Друри-Лейн. Нет. Они ошивались в заброшенных парках или же на окраине города.

Бредбери парил долго. Казалось, это не доставляло ему никакого труда. Он с необычайной легкостью то

проваливался до уровня крыш, то снова взлетал над ними. Это продолжалось до тех пор, пока он не увидел ее — большую и сочную крысу. Она быстро перебирала в лапках разноцветные пакеты-фантики и тут же съедала то, что находила, набивая свое ненасытное брюхо. Она направила уши и замерла: сзади послышался шелест сухой травы и тихое тарыхтение. Крыса вильнула головой и увидела кота. Бросив еду, она пустилась наутек, попыталась скрыться в собранной куче листьев. Бастион ринулся за добычей, скача по груде листьев в надежде наступить на ее пухлое тельце. Попытки были тщетны. Грызун притаился в самой гуще и истерично хихикал про себя, если, конечно, крысы умеют смеяться.

У кондора был более продуктивный способ. Уйдя в пике, он выровнялся неподалеку от земли и резко затормозил. Листья вихрем разлетелись в разные стороны. Бедная крыса со сжатой сухой травой в лапах угодила на дерево. Хищники встретились глазами. Кот грозно зашипел, подняв хвост и выпустив коготки. Бредбери недоумевающе кивнул и показал свои когти с блестящими на солнце золотыми насадками. Кот осознал, что драться с огромной птицей — бессмысленная затея. Бастион спрятал свое оружие, сменив выражение морды на почтительное. Крыса боязливо бегала по сухой ветке из стороны в сторону: ей страшно хотелось узнать, кто же съест ее. Несмотря на то что был уже одиннадцатый час, собралась толпа зрителей из людей и голубей.

— Что тебе надо, четвероногий? — грозно спросила птица и важно расправила полутораметровые крылья.

— Ничего, — с мурчанием ответил кот. — Ты победил, забир-р-рай! — Бастион указал на крысу.

— Подеритесь за меня! Для чего я жила? Чтобы меня вот так просто отдали какому-то огромному голубю? — обиженно пропищал грызун.

— Я бы вас попросил! Я — кондор! — величественно

сказала птица.

— А я кот, и что с того?

Бастион подобрался так близко, что мог хвостом пощекотать птице подбородок. Вместо этого он ринулся вбок и укусил птицу за крыло.

— Иуда! — Бредбери вскрикнул, тело распирало от ярости. Он схватил кошку за хвост и, подняв на пять метров, кинул на крону дерева. Под возгласы толпы и свои же вопли кот упал на желтую крону, ломая ветки. В итоге повис на одной из них. Потрепанный, он не мог двинуться с места.

— Дурацкая птица! — возмущался Бастион, с трудом влезая на ветку.

Рядом, подойдя к краю, стояла крыса.

— И это все? А где битва? Эмоции? Да я лучше сама помру!

Она сделала шаг, и... ее схватили острые когти кондора.

Птица взмыла в небо и больше не опускалась. Победенный кот поковылял домой. Перед ним с неба на траву упала половина тушки крысы. Бастион боязливо поджал хвост, но никого так и не увидел. «А может, я ошибался?»

Очень странный день

Солнце стояло в зените. Словно рыцарь, оно покровительственно возвышалось над людьми, защищая их от напастей матушки-природы. Часть туристов покинула королевство, но поток был все еще необъятен. «Рутмастеры», набитые зеваками до отказа, постоянно мелькали перед глазами. Для жителя Лондона это было обыденностью, но глаза пешеходных туристов изрядно уставали из-за такого обилия непривычных красок.

Сент-Джеймский парк. На водной глади, окружив мать, плавали утята. Умиленные люди останавливались и фотографировали их. Скрываясь от знойного светила, осушающего палитру, на небольшом стульчике перед мольбертом сидела Мария. Она выставила напоказ свои работы — пейзажи и портреты, доступные для продажи. Люди добро улыбались, смотря на нее и ее творения. Некоторые останавливались, подходили ближе, чтобы всмотреться. Ничего более. Мало кто приобретал работы, но девушку это совершенно не тревожило. Вчера она отправила пару пейзажей в Лондонскую национальную галерею, где проходил конкурс «Живописцы современности», главным призом которого были деньги, ну и немного славы, соответственно. «Выиграю конкурс — начну снимать студию в центре города! Или копить? Ах, жара. Думать вообще не хочется! Забыла купить кофе для Дженни, как обещала. Хорошо, что я нашла человека, у которого можно хранить работы, а не тащить их через полгорода домой. С ней и пообщаться можно... Нужно занять себя делом, чтоб не уснуть, а то я уже засыпаю!» — подумала она, зевнув.

Мария поставила на мольберт чистый лист и начала набрасывать лицо молодого человека. Худое, с очками

набок и растрепанными волосами; поднятый воротник пальто, расстегнутая верхняя пуговица... Она рисовала его таким, каким увидела в тот холодный сентябрьский вечер.

— А где маленькая родинка под нижней губой? — сказал кто-то.

Девушка обернулась и увидела перед собой Винсента. Он скинул с головы капюшон мантии и подошел поближе. Утром он долго думал о возможной встрече, что и как будет говорить. Непринужденное общение с новым человеком влекло его, он жаждал встречи, хотя и не особо понимал, зачем. Девушка, как обычно, смущенно опустила глаза и улыбнулась.

— Здравствуй. Как ты здесь очутился?

Она встала и обняла его, крепко прижав к себе. Он это почувствовал: так сжимают человека, которого или очень ждут, или хотят, чтобы тот перестал дышать; сегодня она не была похожа на убийцу.

— Проходил мимо и увидел тебя, — Винсент немного замялся. — Сразу подошел к тебе, — он ухмыльнулся, ведь сказал неправду, но об этом знал только он. Молодой человек шел и размышлял о приходившем Димере и о вещах, оставленных им: пластиковой кружке с недопитым глинтвейном, карте города с обведенным в круг Тауэрским мостом.

Винсент снял с Марии розовые очки, которых она не замечала:

— Опять мечтала? — стал рассматривать окуляры, показывающие совсем другую жизнь: везде был мир, на улицах чисто, а те два таксиста, которые сейчас ругаются за забором парка, мирно пили чай посреди устроенного ими затора.

— Что за магия? Их не было на мне, — возмутилась Мария.

— Значит, я взял их из воздуха? — Винсент спроси-

тельно поднял брови.

— Получается, так.

— Ладно. Тогда я их выброшу? — он замахнулся.

Девушка повисла у него на руке, умоляя оставить безделушку.

— Зачем? Она ведь тебе не принадлежит?

— Я хочу оставить их у себя. Забирай оправу, оставь стекла!

— Я отдам тебе только одно стекло, а со вторым покажу, что надо делать. Согласна?

Девушка утвердительно кивнула и, получив заветную стекляшку, положила ее в карман рюкзака.

— Смотри, — Винсент сломал пополам второе розовое стекло и швырнул его в сторону картин.

Стекла рассыпались в воздухе, осев на работы едва заметными кристаллами. Проходящие люди один за другим выстраивались в очередь к Марии до тех пор, пока не скупили все. С последним человеком ушла последняя картина. Радостно-напуганная девушка посмотрела на Винсента, отошедшего в сторону вместе со стулом.

— Кто ты такой? Я даже имени твоего не знаю. Как ты это сделал? Некоторые пейзажи я не могла продать целый год, а ты так — сломал стекло, швырнул... и все купили. Как так?

— Зови меня Винсент. Я показал, как просто жить без иллюзий и глупых мечтаний.

Девушка поначалу обиделась, но после пришедшей в голову идеи ее лицо порозовело:

— Ты, конечно, очень странный, даже сумасшедший, но я обязана тебя отблагодарить! Пойдем, я напою тебя прекрасным ароматным кофе.

«Таким же ароматным, как у мисс Бишоп? Сомневаюсь», — подумал Винсент, но согласился.

Они вышли к Букингемскому дворцу. Туристы выстроились в очередь, чтобы сфотографироваться на фоне

главных ворот, украшенных старинными гербами королевской семьи. Все было выполнено так искусно, что, казалось, лев с короной поверх пышной гривы вот-вот прыгнет навстречу зрителю. Вся решетка, ворота, даже уличные фонари на территории дворца выглядели изящно и непревзойденно — а это ведь было только уличное убранство! Даже страшно описывать, как слепит глаза золото просторов резиденции королевы. Произошла смена караула; туристы ликовали, фотографировали и снимали видео.

— Они теряют воспоминания, смотря на них через эту глупую цифровую призму, — пробубнил Винсент себе под нос.

— Ты что-то сказал? — спросила Мария, но не получила ответа: ее собеседник снова смотрел в сторону, глядясь во что-то. — Я тебя не интересую, надоела... мне уйти?

Молодой человек оставил мысль и взглянул на девушку: несмотря на относительно теплую погоду — двадцать градусов, она уже натянула перчатки без пальцев и тонкую красную шапку с пушистым помпоном; Мария все еще ждала ответа, нахмутив брови и насупившись.

— Я наблюдаю, занятие у меня такое — всегда за всеми наблюдать. Не обижайся. — Он хотел добавить: «Ведь это глупо», но не стал так говорить, чтобы она не обиделась.

— Не надоело? — с долей обиды спросила она.

— Надоело, а что поделать! Вот, видишь? — Винсент снял очки и указал на морщину между бровями, прилегающую к левой брови. — Морщина. Это оттого, что я постоянно шурюсь и хмурюсь.

Следующие десять минут они шли в абсолютной тишине, слушая шум городских улиц и обрывки диалогов людей. Прозвенел колокольчик над входной дверью со стеклянной вставкой и желтыми буквами посередине.

Официантка тут же встретила гостей и пригласила за свободный столик у стены. Как джентльмен, Винсент усадил девушку, затем сам сел на диван у стены напротив нее.

— О, Мария, что-то ты рано сегодня! — воскликнула, подходя, вторая официантка — миловидная девушка с темными волосами, собранными в пучок, в коричневом рабочем фартуке. — Да еще и с гостем.

— Да, продала сегодня все — Винсент помог. Это, кстати, он. Познакомьтесь, это Дженни, моя подруга.

— Рад знакомству, — холодно ответил молодой человек, чуть заметно кивнув.

Через пять минут принесли кофе и, по просьбе Винсента, глинтвейн на вынос. Он был в точно таком же старичке, который дал ему Димер. «Это странно. Я доверяю пришедшему из ниоткуда человеку в розовых носках и черном костюме, швыряющему мои таблетки, но не могу довериться ей — той единственной, которая заинтересовалась мной за долгое время моего одиночества».

— Вообще, — сказала Дженни, поставив поднос на колени и сев неподалеку от Винсента, — глинтвейн и в самом деле отменный! Правда, редко берут. Есть тут один — сведу вас, две глинтвейные души!

Она ушла принимать новый заказ, одобрительно взглянув на подругу.

Запах свежесваренного кофе перебивал все запахи вокруг. Пенка лениво кружилась по часовой стрелке. Молодой человек сначала даже не смог взяться за кружку. Ему мерещилось, что пить это он не достоин, равно как и недостойны все вокруг. Переборов себя, он сделал глоток. Горячий напиток немного ошпарил язык и скаптался по гортани в самое жерло — желудок. Мария смогла пробудить редкого зверя — улыбку на лице одиночки. Винсент откинулся на диван.

— Ну как?

— Превосходно, — ответил он, не понимая одного: как она может пить его так быстро, нетерпеливо? «Это же божественно», — но тут же выбросил последнюю фразу в утиль, потому что не верил в Бога. Он не верил ничему, что нельзя доказать, но об этом в другой раз.

Похолодало, но не от ухудшавшейся погоды — она все так же была прекрасна, а от нового посетителя. В кофейню зашел мужчина — голубоглазый блондин среднего роста с печалью в глазах, в которых ничего и никто не отражался — настолько они были пустые. Неспешно перебирая ногами, он «перетек» к барной стойке и заказал горячее вино с пряностями — как у Винсента. Пришедший начал стягивать старое рваное, запачканное пальто, но замер. Их взгляды пересеклись.

— Я был рад с тобой выпить кофе, но мне нужно срочно бежать — объясню потом. Встретимся завтра у Вестминстерского аббатства в пять вечера, договорились? — Мария оглянулась и увидела убегающего человека. — Отвечай быстрее. Я почти перестал слышать его шаги.

— Договорились, — не успела сказать она, как вместо молодого человека в воздухе остались падающие на стол купюры, а сам он уже преодолевал порог заведения.

Незнакомец бежал так быстро, будто за ним гналась стая гончих: он и не знал, что месть Винсента-человека может быть куда страшнее рваных укусов собак. Он перепрыгивал все на своем пути: продавцов цветов и прочих товаров; словно вода, протекал через «камни» — толпы людей. Молодой человек тоже не отставал, хотя периодически терял противника из виду. Блондин бежал, высунув язык. Преодолев Саквилл-стрит, они пробежали по Пикадилли, скрылись в метро.

Каждый изрядно запыхался. Сердце готово было разорваться на мелкие кусочки, окропив кафель метро-

политена, но этому не суждено было произойти. Незнакомец вбежал на платформу, состав еще не подошел: его колеса стучали где-то вдалеке. Винсент накинудся на беловолосого, мужчины рухнули на пол, стали барахтаться; вокруг собралась толпа зевак. Враги били друг друга локтями и кулаками. Спустя минуту борьбы они встали. Подошел состав и открыл свои двери. Незнакомец толкнул Винсента, тот попятился назад и перевалился через стоящую позади скамью. Белокурый запрыгнул в вагон, и двери захлопнулись. «Стой! Стой! Бастард!» С багряным лицом молодой человек полз по полу, тянул руки вслед уходящему поезду, но тот, не слушая его команды, пропал в темноте тоннеля.

Димер стоял у входа в кафе и ждал, крутя в руке телефон.

— Да где же она, — нетерпеливо взглянул на часы с кукушкой, которые хранились у него в пиджаке, вися на подкладе. — Может, вы их поторопите? — чужак обратился к розовым носкам, а именно к кроликам на них.

Облако синей пыли выпорхнуло из-под его штанин, а вместе с ним и два кролика: Бони и Клайд.

— Что-то ты зачастил, длинный, — возмутился Клайд. — То пакет с вещами найдите в мусорном контейнере, сейчас опять что-то! В следующий раз будешь мою просьбу выполнять, понял? А то я тебе нос сломаю! — кроль встал на задние лапы и пригрозил Димеру.

— Он у меня и так сломан, — чужак потрогал горбинку на носу.

— Надо было аккуратней нос у Сфинкса отламывать, когда себя создавал! Может, дефектов бы и не было.

— Ага, если бы я еще себя создавал... Сколько можно вам повторять, белые шкурки? Пушу вас на воротник!

— Все отговорки. Чего звал-то? — скрестив лапки на груди, спросил Клайд.

— Там девушка, нужно ее поторопить. Бони, ты се-

годня такая красивая, сбегай ты!

Крольчиха смущенно захлопала глазками, вырисовывая задней лапой восьмерку на полу.

— Ну же!

— Кого? — спросила Бони писклявым голоском, глядя в стекло витрины с особым любопытством.

— Да вон ту, которая одна сидит. Иди.

Крольчиха осторожно прокралась в заведение, схоронила от официантки под столом. Димер взял на руки Клайда.

— Ну, началось, — протяжно воскликнул кроль.

Димер повернул одно ухо Клайда в сторону крольчихи и приложил животом к своему лицу. Бони в три прыжка оказалась под столом цели.

— Ой, а кто это у нас? — спросила девушка у пушистого комочка и, взяв его под лапки, поставила на стол. Уши крольчихи повернулись в сторону Марии.

— Следуй за белым кроликом! — сказал Димер в Клайда. Его голос проецировался через рот Бони.

Мария замерла в тихом ужасе, ушипнула себя и, поняв, что все наяву, испугалась еще больше. Она замахнулась и хотела ударить крольчиху как следует.

— Подруга, спокойно! — крикнула Бони, разведя лапками. — Тебя просто просят идти за мной. Так что будь так добра...

— Встань, — глухие слова донеслись из живота крольчихи. — Следуй за кроликом! — крикнул Димер в последний раз.

В это время два полисмена, проходивших мимо, заметили его.

— Здравствуйте, мистер, — поприветствовал Димера один из хранителей порядка. — Нам с коллегой показалось, что вы разговариваете по зайцу, это ведь не так?

Чудак закатил глаза так сильно, что они достигли затылка; он поспешил вернуть их на место. Клайд выры-

вался из рук.

— Заяц! Заяц! Как же мне осточертело это слово! За что мне в родственники дали такое бесполезное животное? Жизнь, чертовка! — глаза кроля налились кровью. — Ну, я вам сейчас покажу! Заяц, ха!

Димер щелкнул пальцами. Клайд умерил свой пыл и перепрыгнул на плечо к одному из полисменов.

— Может, бахнем? — угнетенно спросил он.

Коллеги переглянулись и, поняв, что не пропустить пару морковок с разговаривающим кролем — грех, дружно согласились. Через несколько мгновений вышла Мария, ведомая Бони.

— Куда ты дел моего мужа, прохвост?

Крольчиха посмотрела по сторонам, приняухалась, но супруга так и не увидела.

— Он ушел с полисменами. Обещал быть к полуночи, не переживай.

— Вы! Вы тоже ее видите? — спросила озадаченная девушка, впившись Димеру в плечо острыми ногтями. — Я думала, что сошла с ума!

— Конечно, я даже больше скажу: я ее послал. А с ума, бывает, полезно сойти, а то он, как и любой другой транспорт, может не туда завезти. Ваш суженый уронил телефон, дорогая! Думаю, вы захотите его вернуть, да? Адрес скоро доставят сообщением, удачи! — сказал Димер и пропал из виду.

Он летал в абсолютной, бескрайней темноте, где-то неподалеку от Автора, и размышлял: «Хах, будет неудобно, если я дал ей телефон Чарли, а не Винсента. А впрочем, так даже интересней!»

Вечер

Богато обставленная кухня с гарнитуром резного дерева и мраморными столешницами. На ней, словно пчелка-труженица, порхала пожилая женщина, протирая бокалы для вина. «Три, четыре, пять», — считала она про себя, готовясь нести их в гостиную. На плите варился какой-то суп с кисло-сладким запахом; пар в свете ламп скрывался в просторах кухонной вытяжки. В комнату вошел мужчина. Его обвисшие щеки и второй подбородок касались ворота рубахи. На голове блестела залысина, окруженная серо-черными волосами.

— Дорогая, гости уже скоро будут. Все готово? — Он важно подошел к окну, дрожащей рукой пригладил волосы

— А, Карл, почти! Можешь помочь?

— Прекрасно! — ответил супруг и ушел, оставив просьбу жены о помощи без внимания.

— Как всегда. Чего ты еще ожидала, Люси? — спросила она у своего отражения в кастрюле. — Этот комиссар, он невозможен! Быстрей бы пришла Августина.

Не прошло и секунды, как раздался звонок в дверь.

— Это она! — женщина побежала к входной двери, попутно снимая запачканный кухонный фартук.

Теперь Люси была похожа не на обычную кухарку, а на жену герцога, не меньше! Ее зеленое платье сверкало, а слегка завитые волосы, спускавшиеся ниже плеч, дополняя образ, переносили ее в молодость, когда она и познакомилась с тогда еще обычным мальчишкой Карлом из Ливерпуля.

— Дорогая, это я, — сказала мисс Бишоп, стоя по ту сторону двери.

— Открываю, открываю.

Жена комиссара отворила дверь, и в дом вбежала Августа со своим ухажером и по совместительству другом семьи Дин, мистером Уоллесом, который тащил за собой сломанный черный зонт, порванный ветром.

— Дрянная погода, старина? — радостно спросил Карл из прихожей.

Справа от входа стоял темный комод, рядом с ним висело большое зеркало, украшенное искусственными цветами.

— Не то слово, дружище, — прокряхтел мистер Уоллес, снимая пальто и старомодный котелок. — Рад видеть тебя.

Старые друзья обнялись и проследовали в кабинет Карла, женщины ушли на кухню заканчивать готовку.

— Как хорошо, что вы с Гансом сошлись, — сказала миссис Дин немного погодя. — Ему нужно с кем-то проводить время, а то он постоянно со своими книгами, в этой пыли.

— Согласна, — удрученно ответила мисс Бишоп, глубоко вздохнув. — Мы еще кого-то ждем?

— Да, старого друга Карла, он скоро придет.

Кто-то шумел на заднем дворе усадьбы. Дверной замок черного входа неестественно клацал, будто его кто-то взламывал. В это время мимо проходил мистер Уоллес. Он напряг слух, вслушался.

— Да что же это, да как это так, чтоб тебя, — шептал кто-то за дверью.

Обеспокоенный Ганс подбежал к другу и сообщил о случившемся.

— А, вот и он, — довольно сказал Карл и пошел к двери. Едва тронув ручку, он открыл дверь. За ней, весь мокрый, в шляпе и монокле, на корточках сидел Аарон. — Теряешь хватку, друг. Уже сообщили. Заходи.

— Годы уже не те. Помнишь, как раньше? Пять секунд — замок открыт. — Еврей, увлекшись воспомина-

ниями, присел на какую-то коробку.

— Был виртуозом, я помню! Идем?

— Да я и сейчас! — обиженно воскликнул Аарон. — Хотя кому я вру... Идем. А это что за господин?

— Ганс, — мистер Уоллес протянул руку.

— Это будет феноменальный вечер, я так понимаю. — Аарон оставил жест нового знакомого без внимания. — Могу ли я пройти по твоему дому? Давно тут не был. Помню, мог с закрытыми глазами пройти куда угодно. В общем, знал как свои пять пальцев! Или как ты свои четыре.

Комиссар спрятал кисть правой руки глубже в рукав кофты.

— Естественно. Прогуляйся, — сухо ответил Карл. — Ганса тоже можешь взять с собой, — посмотрел на мистера Уоллеса.

— Ох, я был бы рад! — воскликнул библиотекарь, но, заметив недовольство на лице Аарона, умерил свой пыл.

— Идемте, — тихо сказал еврей и направился на второй этаж.

Они заглянули в несколько комнат, задержались в кабинете мистера Дина.

— Чем, говорите, занимаетесь? — с явной отстраненностью, чисто из вежливости, спросил Аарон.

— Я же не говорил... Я библиотекарь.

— А я людей убиваю, — сухо сказал киллер и по совместительству друг четы Дин.

Мистер Уоллес поперхнулся, удивленно взглянул на собеседника.

— Насмерть? — дрожащим голосом уточнил Ганс.

— Совсем! Вы не представляете! Пуф — и нет чело- века!

Библиотекарь побледнел и тихо присел на край дивана. Аарон залился смехом, содрогавшим стены. Ничего не понимающий мистер Уоллес едва смог выдать что-

то похожее на улыбку.

— Я ведь пошутил, друг мой!

— Ха, я так и понял, — еще не отойдя от розыгрыша, сказал библиотекарь. — Пройдем к столу? Нас, наверное, уже ждут.

— Скорее! Обожаю сырный суп Люси! Вы обязательно должны попробовать!

Они пошли вниз. На самом деле Аарон периодически устраивал похожие представления для новых знакомых, за которых ручался Карл.

Настенные часы пробили полночь. На другом конце города, в Бэлхэме, по мрачной улице шла Мария. Закутавшись в широкий клетчатый шарф, больше напоминавший плед, она тихой поступью приближалась к дому, как она думала, Винсента. Позади, в начале улицы, мерцал свет фонаря, падая на ветви ивы, отбрасывающей страшные силуэты на капоты припаркованных машин. Завывал холодный, морозный ветер, пробирая до костей. Девушка дрожала — то ли от холода, то ли от волнения предстоящей встречи? Впрочем, только она одна могла это знать.

Покосившаяся деревянная оградка скрипела от каждого шороха, накренившись вправо. В саду лежали две отвалившиеся доски с заостренным с одной стороны концом. Девушка осторожно открыла щеколду калитки, подошла к входной двери, прислушалась. В доме было тихо. Свет в окнах не горел, девушка на секунду подумала, что там никого нет. Но вдруг дверь отворилась, будто дом приглашал гостью войти. Из проема веяло холодом и гарью. В прихожей что-то упало, пустая бутылка от дешевого алкогольного нектара, зазывая, прокатилась мимо двери, уперлась в комод.

Страх и волнение, словно два питона, связали девушку по рукам и ногам, затаскивая в дом. Пара робких шагов разбила оцепенение всего тела. Мария взялась

за ручку двери, чтобы шире ее открыть, но тут же отдернула руку — мертвенный холод обжег и немного взбодрил.

Состояние дома можно было описать одним словом — разруха. Опрокинутые серванты, шкафы, столы и стулья занимали большее пространство пола. Усыпанные осколками стекла, кусками стен и щепками мебели, они были направлены в сторону гостевой комнаты, образуя невидимый с первого взгляда коридор. В конце своеобразной тропы на перевернутом вверх тормашками диване сидел он. Цвета топленого молока волосы-сосульки свисали над глазами мужчины. Он сидел тихо, изредка отдергивая левое плечо назад. В его ногах стоял старый радиоприемник, быть может, изготовленный еще в девяностых годах. Приемник громко шипел на всю комнату, зияя обломком антенны.

Мария остолбенела. Она была готова увидеть многое, но не это. Стекло хрустело под ее ногами, словно новогодний снег. Мужчина, дрожа всем телом, поднял голову и улыбнулся почти беззубым ртом: лишь один зуб свисал с растерзанной десны.

— Чаг'ли! — картаво произнес блондин, протянув руку, на запястье которой было надето ожерелье из остальных зубов.

Девушку распирал животный страх, ужас. Сердце стучало так сильно, будто старый, опытный кузнец бил молотом изнутри. Она открыла рот, мечтая завопить, но голос не проявился. Мария в молчаливом отчаянье схватилась за горло и, плача, рухнула на колени. Чарли продолжал сидеть с глупой улыбкой, приветственно вытянув руку, болтая ногами; во второй руке он держал мясницкий нож. Девушка доползла до Чарли, схватилась за его руку — мертвенно-холодную руку.

— Спг'ашивай, что хотела? Хочешь чего-нибудь?

— Где Винсент? — стуча зубами, дрожащим голосом

спросила она.

— Его тут и не было! Я сам был бы не пр’отив его увидеть! Мне кажется, ты мне поможешь!

Он спрыгнул с дивана, взял девушку за руку свободной рукой, а вторую, с ножом, вознес к потолку.

— Нет! Не надо! — девушка кричала шепотом. — Что ты хочешь? Я все сделаю!

— И впг’авду... Можно и не отг’убать тебе рг’уку, чтобы ты дотг’онулась до антенны прг’иемника! Как я не догадался?

Обливаясь градом холодного пота, Мария прикоснулась к антенне. Неясные шумы прекратились, им на смелу пришли чьи-то голоса.

— Когда ты уже откроешь портал, картавый, а? У нас осталось мало времени, чтобы...

— Прг’елестно, прг’елестно! Завтг’а же ночью откг’о-ем вг’ата в др’угие миры! Ох уж эти голоса в голове, ужас. Ну, пошли, я покажу тебе твою комнату.

Чарли схватил Марию за волосы и потащил по осколкам и прочему мусору в подвал.

Она кричала уже вернувшимся голосом, дрыгала ногами, но все было напрасно. Блондин открыл дверь в подвал и толкнул девушку. Она кубарем скатилась по лестнице, ударилась головой о стену и потеряла сознание. Чарли шел следом, что-то напевая. Он схватил девушку, усадил на стул. Руки и голова ее висели неподвижно, из левого уголка разбитой губы сочилась кровь. Чарли снял чехол с висящего в углу крюка, предназначенного для того, чтобы продевать его под ключицей жертвы, которая в итоге висит на нем, мучаясь от боли. Блондин поднял девушку, поднес к крюку.

— Больно ты симпатичная, жалко пог’тить! Пг’ивяжу к стулу; думаю, это тебя удег’жит!

Он примотал девушку скотчем к стулу и, оставив гореть свет красной лампы, удалился.

Отголоски

— Ты все молчишь и молчишь... Язык есть вроде бы, а за все это время ни одного слова, — обратился к вам Димер. Вы удивленно отвели глаза от книги, забывая последние строчки прочитанной главы. — Ну, и что?

Вы лениво прыгнули с высокой скамьи, прошлись по верху Краеугольного камня. Выше вас пустота, холодная и безграничная. Тонкая водяная кромка отделяет вас от миров снов Винсента, первых трех. Вы злобно топаете, желая узнать, что же их связывает. Вдруг далеко в бесконечной темноте открылась дверь. Оттуда неверной боязливой походкой шел Чарли. Он оборачивался, смотрел, чтобы дверь не захлопнулась. Димер подошел к нему и выслушал невнятный шепот вошедшего: «Рано!» Димер обернулся и взглянул на меня, Автора. Какой я? Представьте сами! Кто, по-вашему, может сочинить такую ерунду?

— Сколько еще нужно времени? Чарли говорит, что больше не может терпеть нудные речи Симала. — Пускай терпит, — я медленно вытянулся, пожал плечами, взглянул на недописанный текст произведения. — Пусть еще неделю терпит, это максимум!

— Но он ведь прг'осит меня! Пг'осит освободить. Он ог'аничен г'амками миг'ов. Что этот человек себе позволяет? — Чарли указал на вас.

Вы сделали шаг вперед, камень раскололся, и миры постепенно стали просачиваться друг в друга. Димер взмахнул рукой, Чарли растворился в воздухе, равно как и дверь, в которую он вошел. Димер с упреком взглянул на вас, обратил молчаливый взгляд ко мне. Вы виновато отошли от потрескавшегося камня.

— На одну главу меньше будет... Димер, это ведь пре-

восходно?

Собеседник молча покачал головой. Немного погодя, спросил:

— А что, остальных снов мы не покажем?

— Обижаешь! Вот вам ключ от параллельного, четвертого измерения, сами откроете и посмотрите, — сказал я, вынул небольшое ничего и кинул в руки Димера. Он с совершенно спокойным лицом положил ничего в карман и хотел было вас отругать, но я его остановил: — Оставь. Я тут теорию написал, хочешь послушать?

Димер и вы синхронно кивнули и немедленно расположились на всплывшем из пустоты диване подле меня.

— Мне рассказал ее один друг, я ее просто оформил. Будет время, устрою вам встречу, а пока — слушайте. Представьте, вы родились — точнее, вас родили. Внутри — сосуд. Вы растете, развиваетесь и занимаетесь различными делами, а сосуд остается прежних размеров. Действия — это черные и белые горошины. Черные — не очень хорошие дела — в несколько раз превосходят белые. Когда горошины попадают в сосуд, они не сухие — влажные, кажутся еще более крупными. А в итоге, когда из горошин выходит вся жидкость — путь, средства достижения цели, остаются сухие семена — результаты, которые уже не кажутся такими огромными. Результатом жизни будет полный белых и черных горошин сосуд. Их соотношение зависит от всего, что только ты можешь вообразить. А самое интересное знаешь что? — Вы ненадолго зажмурились, отрицательно pokrутили головой. — Интереснее всего то, что для тебя сосуд заполнится быстрее, чем для остальных, ты же знаешь все то, что нужно сделать, чтобы добиться результата, а окружающие видят только результат. Когда ты будешь в восторге от того, что сосуд полон, посмотри вокруг. Кажется, кому-то все еще не хватает пары сухих крупниц, чтобы понять, каков ты на самом деле.

Пустой ключ

— Адъютант, — обратился я к Димеру. Вы, кстати, тоже иногда можете его так называть. — Вы скоро пойдете смотреть другие сны? Мне работать нужно, а вы только мешаете. Еще и вопли Симала. Отсюда их слышу! — я указал на постепенно разрушающийся Краеугольный камень.

— Уже удаляемся-с. Я ведь пока не нужен в мире Винни? Если нет, то мы подольше задержимся.

— Как только понадобится, я крикну. Ступай же!

Димер немного опешил от услышанного в моем голосе рычания. Он немедленно встал, снял свой цилиндр, который украл, пока скитался вместе с Бони в поисках Клайда. Как оказалось, кроль вместе с полисменами переел свежей моркови и угнал катер, после чего катался по Темзе. Так вот, адъютант поставил на пол цилиндр, из него тут же полился необычайно белый свет. Свет волнами вытекал на пол, заливая мою темноту. Взяв вас за шиворот, Димер прыгнул в портал, в последнее мгновение ухватив головной убор.

Из-за того, что все в нашем мире относительно противоположно, будь то банан или собака, вы рухнули на бесконечно белую по цвету и конечную по размерам площадку. Вы неловкими шажками пошли в сторону потустороннего Краеугольного камня, имеющего четыре грани, и оступились. Уверяю, каким бы ловким индивидуом вы ни были, все равно оступились бы. Мертвенно-холодные руки Димера поймали вас и поставили на пол.

— Куда же ты? Упадешь здесь — обратной дороги уже не будет. Это граница реального мира, увы. Я, видишь ли, однажды оступился. Теперь у этого, который в кресле сидит, на побегушках. Как-то мы долго болта-

ем...

Адъютант сунул руку глубоко в карман, достал данное мной ему ничего; передал его вам. Вы с вопросительным взглядом посмотрели на Димера, а он лишь развел руками. Он ловко наклонил шляпу, с которой тут же сошла часть черного цвета, окрасившего ваш ничего-ключ. Предмет налился темным цветом и оказался невероятных размеров и очень тяжелым!

— Кажется, я понимаю, почему он никогда не придавал ему видимость: правда бывает настолько тяжка, что проще оставить проблему невидимой. Ладно, взяли! — Адъютант и вы со своей необычайной силой подняли ключ и вставили в замок. — Только не крути! Один щелчок — один сон. Обратной дороги уже не будет. Так, давай!

Вы с огромным усилием делаете первый поворот ключа, а вместе с ним переворачивается и эта страница!

Сон Джо Левиош

Наше время истекало, вот-вот должна была разгореться война, назревавшая последние семьдесят лет. Мы стали теми, кто освоит бескрайние просторы Вселенной. Наш курс задается автоматически, компьютер анализирует отклонения в состоянии планетарной системы.

Восемь смельчаков, готовые на смерть ради блага человечества, — это мы, команда корабля «Нисолле». Нас не существует и никогда не существовало на Земле для большинства ее обитателей. Имена стерты из истории. Мы не имеем родственников, друзей. Товарищи — единственные, на кого мы можем положиться. За все время подготовки мы не видели никого, кроме команды «Нисолле».

Может, кто-то скажет: «Откуда вы знаете, что там, за мутным стеклом, будет тот, кто хочет вас обучить?» Но если вы спросите, значит, вы живы и стоите передо мной. Следовательно, и до вас там кто-то был.

Мы — одно целое, знаем друг друга до самых заветных закоулков души.

Весь экипаж, включающий двух девушек и шестерых парней, достиг репродуктивного возраста. Мы можем обрешать популяцию, когда придет время. Для деторождения предназначен корпус «Обитель» и капсулы «Адам» и «Ева», в которые через пару часов будут заключены двое имеющих лучший генофонд: я, Эллис Дарк, и мой товарищ Гастон Пате. Он темноволосый, смуглый и широкоплечий. Я — низкорослая, кареглазая. Идеальные варианты для создания гетерозигот.

Корабль вышел на орбиту три дня назад. Криогенные камеры почти готовы — система подготавливает их к пуску.

Парни радостно играют в шахматы и ловят капли воды, которые Агата пускает через соломинку. А мне не сидится.

Последний раз прильнула к иллюминатору. Несмотря на то что я никогда не видела никого, кроме членов экипажа, мне вдруг стало одиноко. За эти несколько дней на орбите я поняла, какими крупницами мы были по сравнению с огромной Землей. Невероятно, что мы улетаем от этих миллиардов ламп. Я неожиданно почувствовала, как ударило сердце: волнение. Оставила на стекле иллюминатора свой отпечаток; надеюсь, когда вернусь, встречу его снова.

Прозвучало оповещение. Дан приказ занять места в «саркофагах», как мы их шуточно называем.

В этот раз улыбок на лицах не проступило.

*Диспетчер, до встречи через десять лет. Эллис Дарк.
Экипаж корабля «Нисолле»*

В мрачной комнате мерцал маково-красный индикатор, установленный на замке криогенной камеры. Небольшая дымка развеялась по корпусу «Колыбель». Вещи медленно курсировали по пространству комнаты, отскакивая от стен и удаляясь снова. «Нисолле», обесточенный на протяжении последних двадцати лет, подал признаки жизни. Лампы-полосы, тускло горевшие на стенах, постепенно разгорались.

Саркофаг №4 разгерметизировался. С тихим свистом воздух вышел из клапанов гидравлических замков, дверь медленно открылась, и один из членов экипажа вывалился наружу.

— Внимание! Отключение системы жизнеобеспечения, запуск адреналина! — скандировала система.

Трубки и провода постепенно отклеивались от тела космонавта, в то время как нужный для его жизни адреналин бежал по прозрачным трубкам. Цели достигла всего лишь капля вещества. Система молчала, хотя должна была провести общий сбор для организации мероприя-

тий по приведению космонавта в чувство.

Но Джо повезло. Вздогнул, все мышцы разом сократились, он почувствовал неимоверное удовлетворение. Веки казались тяжелыми, словно огромные ворота крепости. Постепенно к Джо пришло сознание. Он плыл среди стеклянных осколков, рассекающих его одежду и плоть при каждом прикосновении. Темная жидкость легко вырвалась из щеки, окропив осколки. Космонавта прибило к стене.

— Люцио, Эллис, Гастон, — Джо лишь шевелил губами, сил что-то сказать ему еще не хватало; он собрался с мыслью и, повиснув, крикнул: — Люцио, Эллис, Гастон!

Но ответа не было. Слышен был стук вещей и шелест стекла.

Из других камер никто не выбрался. Два саркофага были разбиты вдребезги, холодные трупы блуждали под потолком. Остальные пять членов экипажа остались в камерах. Тела некоторых все еще удерживали ремни безопасности, трупы других повисли на перегородках дверей: стекло медленно разрезало их шеи и животы.

Джо подлетел к висящей на ремнях Эллис, стал трясти ее, пытаясь разбудить.

— Компьютер, состояние экипажа, — скомандовал космонавт.

— Состояние критическое. Личного состава в живых: один человек, — глухой звук донесся из едва исправных динамиков.

— Они умерли? — Джо замер на секунду и попытался закрыть уши руками, не желая слушать ответ.

— Так точно. Урок №6359 «Танатология», вам напомнить?

— Отставить, — дрогнувшим голосом ответил Джо и прижался к двери саркофага. Он любил Эллис, хотя знал, что в плане по созданию потомства не занимает ли-

дирующую позицию. Их обучали любви, рассказывали о сопутствующих чувствах, умении себя вести не во вред миссии. Джо аккуратно поправил ее челку, зачесав ее влево.

— Что это, я тоже умираю? — космонавт почувствовал жидкость, выходящую из глаз.

— Вы плачете. Это естественный процесс, помогает выплеснуть переизбыток чувств, — бесчувственным голосом произнес робот.

— Отключить систему распознавания голосовых вопросов! — крикнул Джо и швырнул рядом висящую кружку в колонку. — Значит, это оно. Странно, — он почувствовал слезу на вкус, — словно пот.

Космонавт осторожно открыл камеру, отсоединил ремни и, взяв труп на руки, устремился к корпусу управления. Джо пролетел сквозь два круглых дверных проема стыковочных шлюзов, оказался у штурвала. Он аккуратно усадил подругу на кресло и пристегнул, чтобы она никуда не улетела. Эмоции стихли, космонавт вернул голосовое управление.

Из кабины корабля открывался необычайной красоты вид — Земля, окруженная поясом из космического мусора, была все так же прекрасна. Видно, что море прихватило себе новые территории, а в Атлантическом океане образовалась щель неимоверных размеров.

— Компьютер, почему мы все еще у Земли? Мы ведь улетали отсюда десять лет назад!

— Двадцать, — перебил его компьютер. — Прошло двадцать лет. Лишние годы появились из-за влияния на систему неизвестных электромагнитных волн. Корабль не покинул орбиту по соображениям командования.

— Продовольственные запасы, запасы препаратов были распланированы на пятнадцать лет для каждого члена экипажа... Что изучало командование?

— Средства всех членов были перенаправлены к вам для обеспечения жизнедеятельности. Так решило командование. Вывожу на экран видео.

На приборной панели, представленной сенсорным экраном, исчезли кнопки и появился мужчина в черном костюме на фоне белой стены. «Он волнуется, дергается, вон вена на шее вздулась. Видимо, есть что сказать», — подумал Джо.

— Приветствую тебя, Джо Левиош. Я начальник проекта «Второй шанс v 2.0» Люкас Марель. Наша команда выбрала тебя для завершения миссии. Видишь ли, первоначальное назначение миссии изменилось. Пришла война, которую мы так давно ждали. Сейчас страшное время, я завидую тебе, потому что ты не будешь свидетелем гибели цивилизации. По нашим расчетам, если все державы выпустят ядерные боеголовки, то планета разделится на две части по уже образовавшейся щели в коре в районе Атлантического океана.

Всегда бытовало мнение, что Землю окружает так называемый эфир, в котором хранятся все возможные знания, доступные человечеству! Ты только представь! — мужчина схватил себя за волосы, присел на кем-то принесенный стул. — Все, что открыли до этого, все, что будет открыто, — абсолютно все знания нашего мира заключены в пространстве сразу после орбиты. Как еще объяснить одновременное появление законов и изобретений от незнакомых друг с другом личностей? Закон Бойля — Мариотта, Альфред Уоллес и Чарльз Дарвин, Эдисон и Лодыгин... Кому я это рассказываю, ведь все имена для вас были зашифрованы, чтобы вы могли сосредоточиться на обучении... И да, я первый человек, которого вы видите не из экипажа, верно? Я польщен.

Если быть кратким, мы решили оставить корабль на орбите и с помощью солнечных батарей поглощали информацию, прогоняя полученную энергию через

огромное количество компьютеров. Наша страна, точнее наша группа, искала средства защиты мира, а правительство посчитало, что лучшая защита — нападение. Мы снимаем это видео в подпольном помещении, отправим вам и станем врагами народа. Что может быть лучше, не правда ли?

Я не знаю, что сказать. Мои извинения, извинения всего человечества ничего не стоят, ведь человечества не будет, когда вы будете это смотреть. Хотя, мне кажется, сила мольбы и прощения исчерпала себя и угасла вместе с людьми еще во время их жизни.

Не советую возвращаться на Землю. Радиация вас погубит. С другой стороны, еды у вас не так уж и много. Лучший выход — выйти в космос.

Навсегда прощаюсь с вами. Знал бы ты, как это глупо, сын.

Экран погас. Джо находился в оцепенении. Сил что-либо делать не было.

— Я один. Совершенно. Мои друзья умерли, спасая меня? Или же я их убийца? Ничего не понятно. Что скажешь, Эллис? — обратился он к труп. Естественно, ему не ответили. — Вот и я про то же. — Ее волосы постепенно взмывали вверх, она все больше становилась похожа на медузу Горгону. — Пойдем. Все равно терять уже нечего.

Он бережно взял ее на руки и пошел к шлюзу для выхода.

— Рекомендуются надеть скафандр, — произнес бортовой компьютер.

— Сам разберись, давай открывай дверь!

Шлюз тихо раскрылся, и космонавт оказался в крайней комнате. Система начала отсчет. Сердце Джо билось от волнения все сильнее. Кислорода стало не хватать, яркий свет розово-светящегося эфира, опоясывавшего Землю, ослеплял. Джо в последний раз поцеловал Эллис

в щеку и шагнул в неизвестность.

День V

Ракурсы

Стрелки часов показывали 6:30, прозвенел будильник. Навязчивый и звонкий, словно неугомонный кот, он скакал на прикроватном столике, тут же примостилась и лампа в виде цветка. Это была комната мисс Бишоп — уютная и спокойная — бывшая детская Винсента. Чтоб не навредить ее облику своим присутствием, мисс Бишоп завесила стены белыми простынями. Она хотела, чтобы после ее ухода все осталось так же, как и прежде. Августина иногда заглядывала за простыни и трепетно всматривалась в расставленные в одну колонну вдоль стены игрушки, напоминающие солдат перед торжественным парадом.

Посреди стены, над кроватью мисс Бишоп, в небольших рамках, прибитых к стене через ткань, висели фотография и рисунок. На фотографии был изображен покойный муж мисс Бишоп, мистер Бишоп, или просто Бадди: еще молодой, вечно улыбающийся, с кудрявыми каштановыми волосами. После пробуждения старушка каждый день вставала и целовала его фотографию, от чего изображение немного искривилось; сегодня было два дня, как Бадди оставался нецелованным. Рядом висящий рисунок был сотворен еще маленьким Винсентом — это единственный сохранившийся рисунок, остальные сгорели в пожаре пятилетней давности, случившемся из-за короткого замыкания.

В дверь позвонили. Августина взглянула на часы и поняла, что это точно не почта. Она быстро переоделась в домашнюю одежду и поспешила к двери; из открытого окна слышался терпкий запах цветов. Мисс Бишоп открыла дверь и обомлела: перед ней стоял доктор Хамонс, в руках он держал букет из девяти роз.

— Это... — не успел сказать Дин, его тут же перебили.

— Ни слова больше, доктор. Мы уже все обсуждали.

Он опечаленно опустил букет, поник головой, как обруганный пес.

— Но... — Дверь тут же захлопнулась, ударив гостя волной воздуха. — С днем рождения, мисс Бишоп, — тихо сказал Дин, осторожно положил цветы перед дверью; послышались удаляющиеся шаги.

Доктор был душевно разбит и подавлен. Он искренне любил Августину и, если она просила уйти, обязан был подчиниться. Дин тонул в ее глазах при каждой встрече, благодарил судьбу за то, что у него есть такая возможность — дышать с ней одним воздухом. Мисс Бишоп не хотела его видеть в те моменты, когда дело не касалось Винсента. Нет, она совершенно не алчная женщина или назойливая разбивательница сердец — она не могла простить доктору его рукоприкладства, которое он совершал над Винсентом до того, как она взяла на себя опеку. Дин повернул за угол, сел в машину и тут же умчался прочь... в Британскую библиотеку.

Большое здание из красного кирпича, словно крейсер, севший на мель, возвышалось над местностью. Студенты и простые люди стекались сюда, чтобы получить порцию знаний; небольшие группы туристов посещали совмещенный с библиотекой музей.

Мистер Уоллес обнаружился в читальном зале. Это была комната необычайных размеров! Сводчатый купол с крупными окнами завораживал. Вокруг столов в два этажа стояли книги на любой цвет и вкус. Здесь царили гармония и умиротворение, рождались мечты и умирали вредные мысли — и все это благодаря книгам. Ганс всем сердцем любил это место и не хотел покидать своего поста. Здесь он преображался, книги, как он говорил, продлевали его жизнь, ведь они дают возможность самому прожить жизнь персонажа; мистер Уоллес ценил эти мо-

менты. Он боялся, что тот, кто заменит его, не сможет оценить рукописи, хранившиеся в библиотеке, по достоинству.

Сегодня по просьбе одного из ведущих университетов страны он читал лекцию по достижению собственных целей. Аншлаг. Стулья стояли так плотно, что к местам нужно было протискиваться. Тишина. Она сегодня была в гостях у гармонии и умиротворения, по праву разделяя с ними трон. Лекция уже подходила к логическому завершению, оратор решил закончить на достойной фразе.

— Вся наша жизнь — стремление к чему-то лучшему, не так ли?

Со всех сторон послышались одобрительные возгласы.

— Но чтобы делать что-то, вы обязаны знать теорию. Ваше незнание — пункт отправления, точка А. Вы что-то учитесь, возвышаясь в своих глазах до точки В — для нее нужен минимум усилий, а результат кажется максимальным. В конце этой ветви вы попадаете в точку С — вершину знаний! Вы чувствуете себя совершенным и неприкасаемым.

Воодушевленные голоса возникали то тут, то там.

— Но это ведь не все, да? — крикнул мистер Хамонс с дальних рядов, собрав на себя внушительное число взглядов.

— Совершенно верно! — воскликнул библиотекарь. — Как говорится, чем больше шкаф, тем громче падает. С точки С вы стремительно катитесь в точку D, что, как бы это смешно ни звучало, означает Дно. — Слушатели озадаченно переглянулись. — Вы попали в точку начала практики! Она ниже точки А в два раза. Чем глубже в трясине, тем сложнее выбраться. Чтобы попасть в следующую точку, Е, нужно усердно работать! Проблема лишь в том, что точка Е так же, как и точка D, ниже точки А! Только пройдя путем проб и ошибок вы возьмете ту

вершину, которую когда-то обрели, но теперь она уже не будет чем-то далеким, а станет доказательством вашей кропотливой работы!

Бурные аплодисменты раскалили воздух.

Зал опустел, пришедшие читатели сели за столы, погружившись в удивительный и безграничный книжный мир. Ганс сел за свой рабочий стол, промокнул испарину на лбу и глотнул остывший чай. Подошел доктор.

— Должен признать, последние слова были замечательны. Жаль, что не смог присутствовать на всей лекции. Уверен, она была изложена подобающе, — льстиво сказал Дин.

— Надеюсь, с итогом вы согласны. Годы берут свое, а мудрость должна быть, а если она совпадает с чужой, то это не может не радовать. Вы еще что-то хотели спросить? Мне нужно идти.

— Да, ответьте на один вопрос: вы охотник? — мистер Хамонс облокотился на стойку, поедая собеседника глазами.

— Конечно, что за вопросы!

— Тогда вы должны знать, мистер Уоллес, что хороший охотник не попадает в трясины. Он обходит ее стороной. А то, куда вы направляетесь, и то, что хотите сделать, несомненно, приведет вас в трясины.

— Я еду домой. И вы меня простите, но трясины я там ни разу не наблюдал.

Дин немного опешил от такой наглости и в то же время недопонимания.

— А после?

— После? К даме.

— Да, я как раз про это и говорю!

Ганс вышел из-за стойки и подошел ближе к гостю. Мужчины были похожи на старых волков, вожakov стаи, скалящих зубы.

— Я вас узнал, мистер... Хамонс? Поступитесь, не ме-

шайте остальным. Как мальчишка, ей-богу!

— Я вас предупреждаю!

— Услышал, — ответил, как отрезал, библиотекарь и понизил уровень восприимчивости слухового аппарата.

Неприметный, Винсент стоял в толпе туристов, недавно прибывших на экскурсию в Вестминстерское аббатство. Это была последняя группа, которая должна была посетить столь знаменательное место. Пока большинство вместе с экскурсоводом расположилось возле алтаря, Винсент ушел в Уголок поэтов — место, где осуществляют захоронение и увековечивают память достойных разношерстных поэтов. В этой части здания молодому человеку было находиться приятней всего — здесь было мало предметов религиозного поклонения, только усопшие. Вечный покой. Навстречу Винсенту вышел монах.

— Сын мой. Кажется, вы отбились от группы. Будьте добры, вернитесь к ним. Вы еще дойдете до этого места. Не тревожьте усопших.

— Я, кажется, тут никому не мешаю, — сказал молодой человек, приставил к себе стул зрителя и предложил священнослужителю.

— Вы хотите что-то высказать? Я вас слушаю, — священник сделал небольшой поклон головой, присел.

— Говорите о покое, а сами вчера тут устраивали концерт, не совестно? Вон, даже конфетти осталось, — Винсент снял со статуи небольшую блестящую бумажку.

— Они ведь не слышали...

— Так они и нас не слышат, падре! Вы каждую службу голосите о мире и сострадании к другим. Куда же вы тратите свои деньги, вырученные с концерта или музейного дня? На нуждающихся? — Священник молчал. — Или вы считаете, что нуждаетесь больше, чем кто-либо? Это то же самое, что обладать огромной семьей и объяснять сироте, что его не бросят. Ваша система — гнилая доска

под ногой общества. Вы строите огромные храмы, у некоторых религий даже золотые купола — дворцы, а не соборы! Это нужно для лучшей связи с Всевышним? Или же для привлечения внимания скупого на ум народа, которому вы дадите те знания и понятия, которые нужны вам и правительству? — Священнослужитель хотел возразить, но не смог вымолвить ни слова. — Раньше это было полезно, да. Вытащить нацию из оледенелой проруби застоя развития. Теперь же вы просто мешаетесь, надеясь повлиять на сферы жизни через суеверных. Мне не нужны такие спасители мира, а вам, святой отец?

Откуда-то из-за колонн выбежала истерзанная побоями девушка, которую тут же схватил какой-то мужчина в черном костюме — видимо, охранник. Священник, зрочки которого были размером с крошечную монету, обернулся, вздрогнул и вновь взглянул на Винсента.

— Мне его увести, святой отец? — раздался громкий голос подстриженного под ноль мужчины.

Слова Винсента поразили священнослужителя, так сильно, что его темная душа бандита-насильника забурлила, выплеснув эмоции наружу. Слезы градом потекли по его морщинистому лицу.

— Я сам уйду, не нужно грубой силы. Только, старый развратник, девушка пойдет со мной, — перебил его молодой человек.

Охранник направился к незваному гостю, но священнослужитель одним взмахом руки разрешил девушке уйти.

— Спасибо.

Молодой человек взял девушку за руку и вывел из собора. Большие двери закрылись за ними.

Они молча стояли на улице, Винсент курил, девушка просто смотрела в пол.

— Как зовут? — спросил молодой человек погрубевшим от дыма голосом.

— Изабелла.

— Сирота?

Девушка утвердительно кивнула.

— Куда теперь отправишься?

Она ненадолго задумалась и, указав пальцем на храм, ответила:

— Обратно, — немного всплакнула. — Спасибо, что хотел спасти, но мне некуда больше идти. Уж лучше меня будет иметь дряхлый старик, чем вся жизнь. Спасибо, — сказала девушка, поцеловала бледную щеку спасителя и, постучав в дверь, вошла.

Послышался шлепок, ее вопли и то, как она падает на пол. «Мы живем, чтобы жить и спасти других, а они, делая шаг со стула, затягивают петлю еще сильнее», — пронеслось в голове у Винсента.

Мария не пришла к назначенному времени, после чего Винсент прождал ее еще час; она так и не появилась. Можно было списать это на забывчивость или еще что-то, но молодой человек не знал ее настолько хорошо, чтобы судить сразу. Поэтому после разговора со священником он направился напрямиком в кафе, которое они вчера посетили, к общей знакомой — Дженни. Девушка как раз заканчивала дневную смену и, вдохновленная предстоящим выходным, собиралась домой. Винсент настиг ее в комнате для персонала.

— А, ты? — фыркнув, бросила фразу девушка. — Бросил ее вчера одну. Ушла сама не своя. Не стыдно?

— Нет. Будь добра, скажи мне ее номер и адрес того любителя глнтвейна.

— Не могу быть уверена, что она обрадуется твоему приходу.

Молодой человек незаметно прикрыл дверь ногой, чтобы остаться невидимым людям из зала и ринулся к девушке: его дрожащая рука остановилась неподалеку от ее шеи. Он был так близко, что Дженни ощущала жар

его скрючившихся от напряжения пальцев. Она громко сглотнула слюну, попятилась. Винсент сделал шаг назад, оступился и упал на скамью, погнув шкаф для одежды.

— П... прошу. Я еще никого так сильно не просил, как тебя, Дженни. Она — все, что у меня есть, если она, конечно, есть у меня, — он закрыл глаза руками.

Она беззвучно достала ручку, бумажку, что-то написала и, бросив в молодого человека, ушла. Он, словно ребенок, получивший подарок на Рождество, раскрыл заветный ключок, на котором были написаны номер и нужный адрес.

Подвал нагонял ужас. Обессиленная от криков девушка, изможденная голодом и жаждой, сидела на стуле, свесив голову на левый бок так, что свет одинокой лампы струился по ее локонам. На первом этаже послышались шаги. От ударов десятка ног пыль с потолка немедленно опускалась на холодный пол.

Чарли, залитый собственной кровью, сидел в углу на завядшем цветке. Вчера, когда его выбросили через портал, угодил прямым в угол, что и послужило его ранению. Проснувшаяся от шороха девушка попыталась встать, но упала на бок и застонала. Звуки шагов тут же направились в ее сторону, и через доли секунды в подвал спустились три полицейских в полной амуниции и соседи — милая молодая пара. Завидев пострадавших, полисмены опустили оружие и принялись приводить людей в чувство. Марию подняли с пола, обрубив путы и дали стакан воды. Чарли в сознание привести не удалось, вызвали скорую. Соседи, вошедшие вместе с полисменами, покинули подвал, ибо супруга почувствовала себя плохо.

— Мисс, вы живы, кто вас сюда притащил? — обеспокоенно начал допрос полисмен, предварительно вызвав еще по одной машине скорой и полиции.

— Вот этот вот, — на выдохе ответила Мария, кинув стакан в Чарли. — Сказал, чем-то смогу помочь. Дайте я

его задушу! — девушка потянулась к обидчику, но повисла на руках полисменов.

— Пошли, уложим ее на диван в гостиной.

Мигалки полицейских машин освещали целый квартал, поэтому Винсент, не дозвонившись до Марии и отправившийся по данному адресу, вошел в дом через черный вход, но тут же наткнулся на полисмена одного из трех прибывших экипажей.

— Стоять! Руки за голову! — полисмен выхватил пистолет и направил его на Винсента.

— Я пришел проверить соседа...

— Мы сейчас в этом разберемся, ступай!

Молодой человек сделал шаг вперед, наступил на грабли, они ударили полисмена по лицу, раскроив ему бровь. Винсент выхватил его пистолет и за миг разобрал на составляющие.

— А...

— Просто отведите меня к девушке, я больше ничего не прошу.

Нахмурившись, полисмен без резких движений направился вглубь здания; Винсент прихватил с собой пистолетную пружину, бросив остальные части на газон. Мария лежала на рваном бордовом диване с резными подлокотниками, сложив руки вместе на животе. Молодой человек присел, убрал прядь волос с ее лица.

— Ты пришел за мной? — спросила Мария, а в ответ получила утвердительный кивок.

Винсент себя возненавидел. Абстрагировавшись от общества, он был один, и то, что мог делать, он принимал как то, что обязан делать. Поступать по соображениям совести постоянно — самое яркое проявление подчинения обществу, с чем молодой человек мириться не мог. Он пришел к Роберту, потому что надо было так поступить, пришел к Марии, потому что был должен, — это не соответствовало его жизненной позиции противо-

борства.

— Вам придется проехать с нами в участок, мистер, — сказал все тот же голос полисмена.

Он вновь направил оружие на молодого человека, заранее собрав его. Из темных уголков квартиры вышли еще два полисмена. В голове Винсента уже зародился план действий, но вдруг послышался голос Марии:

— Прошу, сдайся. — Девушка хотела моргнуть, но она была так бессильна, что сразу уснула.

Винсент вздрогнул, еще раз убедился в неправильности своих действий и опустил руки. Полисмены быстро повалили молодого человека на пол, ударив несколько раз в живот и спину. Он смотрел, как врачи уносят Марию, водрузив тело на носилки. «Я ничего не чувствую, я ничего не чувствую...» — скандировал он мысленно.

— Дело по Тауэрскому мосту уже закрыли? — грозным голосом спросил Винсент, пока его вели в машину.

Идущий слева от него полисмен фыркнул, другой, шедший чуть поодаль, ответил:

— Нет. Ищем... Еще и Допл этот... непутевый. А что? Хочешь раскаяться?

— Вздор и провокация. Лучше вон, — молодой человек указал на Чарли, — блондина задержите. Это все он сделал.

Взгляды Винсента и Чарли пересеклись, второй, ни медля ни секунды, побежал наутек. После предупредительного выстрела в воздух он упал на землю, шепча: «Я должен открыть путь. Должен открыть путь. Я должен...»

Раскол

Ей тут же позвонили. Старый домашний дисковый телефон зазвонил со свойственной ему силой, трубка задребезжала, чуть ли не выскакивая из держателя. Вдалеке послышались неспешные шаркающие шаги, в темном коридоре показалась старушка. После нескольких фраз: «Да... да... я поняла» — она убежала одеваться. Мисс Бишоп сгрэбла все нужные таблетки в сумку, обмотала шею шарфом, поймала кэб и устремилась в сторону уже известного нам полицейского участка. На часах было 22:55.

В другой части города таким же звонком был поднят Роберт, который вместе со своей охраной, приставленной к нему из Королевского полка до тех пор, пока не закончится расследование его дела, отправился в путь. Роберт был обеспокоен и взволнован: он надеялся, что среди задержанных, о которых говорил звонящий, не было Винсента. За долгое время работы он привязался к нему. Этот парень был одним из немногих, кого Роберт знал вне семьи — жены и двух шумных, но обожаемых детей. Иногда охранник просто стоял и наблюдал за одиночеством Винсента и думал, что ничего приятней и быть не может. Но после того как пролежал израненный на полу наедине с самим собой, он понял, что одному быть плохо. «Я никогда не забуду той радостной улыбки детей и жены, которые пришли меня навестить. Они были рады, что я жив. Я был счастлив видеть их» — так сказал он интервьюеру, который приходил к нему в больницу.

В Скотленд-Ярде время было заметным, гнетущим, вязким. Одна секунда, по ощущениям, была равносильна дню, если не неделе. Обычная комната для допросов: вся в темных тонах, с антивандальными стеклами на стенах,

один стол и два стула.

В комнату вошел комиссар Дин. Облаченный во все черное, с папкой в руках, он сел за стол неслышно, хотя пару секунд назад громкими шагами бежал по коридору. Главный полисмен пристально посмотрел на молодого человека и, причмокивая, спросил:

— Мистер Гилл, Винсент. Я не хочу вас задерживать, просто ответьте на несколько вопросов.

— Прежде чем я начну, можно я передам вам кое-что? — со спокойным лицом спросил Винсент.

Зная, что ничего неординарного произойти не может, комиссар дал согласие: до этого молодого человека обыскали три раза. Винсент сунул руку в нагрудный карман рубашки, вытащил оттуда пружину боевого пистолета и бросил ее на стол. Звонко ударившись, она прокатилась по столу и упала на пол. Комиссар оторопел, все, кто находился в комнате для наблюдения, ахнули. Полисмены, которые проверяли одежду нарушителя, переглянулись и поспешили уйти, но путь им преградила мощная, но короткая рука инспектора Галбрейта. Он плотно закрыл дверь, указав провинившимся пальцем на стулья в углу.

— Вас же проверяли...

— И все же я достал пружину. Видите, вы просто не там ищите. Теперь проведите параллель с моим задержанием. Вы допрашиваете не того.

— Я слышал уже про вашу сказку, что мистер Чарли Гонт — преступник. Честно? Я вам не верю. Все же меня убедили вызвать потерпевшего на опознание. Если вы окажетесь правы, я вас тут же отпущу, — улыбка Карла была шире улыбки Чеширского Кота. На часах было 10:59.

— Комиссар, я ни в коем случае вам не угрожаю, но если вы меня не отпустите, то случится что-то... — Карл залился громогласным смехом. — Если честно, я

и сам не знаю...

Такси с мисс Бишоп уже подъезжало к участку. Движение вокруг него было перекрыто машинами М15. Люди с интересом заглядывали за ограждение, пытались выудить из полисменов любую информацию, но те были неприступны.

Сверкнула молния, расколовшая небо пополам. Гром сотряс местность: с деревьев опали последние листья, а минутная стрелка на Биг-Бене и вовсе встала. Старушка выскочила из машины как ошпаренная и сломя голову побежала в Скотленд-Ярд. Она не слышала ни криков разъяренного таксиста, ни шума толпы. Все ее внимание было приковано к этому серому безликому зданию, внутри которого творилось нечто. Стены и крыша здания изгибалась в сторону земли, а именно к кабинету допросов. Казалось, стены вот-вот должны рухнуть, оставив после себя лишь руины, братскую могилу, но этого не произошло. Сине-розовое свечение, которое Димер впервые увидел в глазах Винсента, озаряло все больше чем на два километра. Облака, вода и стены не были преградой для этого света; все становилось прозрачным, незримым для глаз особых людей. Для мисс Бишоп не было преград. Она легко прошла сквозь стены участка, спустилась в подвал и устремилась к скоплению народа. Картина замерла. Комиссар с искаженным от страха лицом остолбенел, больше не торопясь покинуть комнату. Большинство пыталось бежать, лишь инспектор Галбрейт вместе с констеблем Доплом внимательно смотрели в эпицентр.

Наружу вышла сила, которую Винсент так долго не проявлял. Весь курс его лечения был направлен на блокировку проявления силы. В Королевской больнице он каждую ночь искривлял пространство и время, словно тюлень из истории Симала. Если, конечно, он сам не был тем самым милым зверьком? Все, кто проводили время с малышом Винни, а потом и Винсентом, за-

ражались его непосредственностью. Все зависело от дозы: инспектор Галбрейт, наблюдая данную картину, не мог запомнить все — это выше его возможностей; Августина, прошедшая с молодым человеком весь путь, была пропитана этими лучами искаженности — она была единственной, кто мог перемещаться в этот момент.

Старушка растолкала толпу и приблизилась к Винсенту. Раскаленные наручники, лопнувшие от высокой температуры, которую источали ладони молодого человека, медленно отлетали в сторону. Сам Винсент держал в руках тот самый сгусток неизвестной для нашего понимания энергии, которая заставляла все вокруг смещаться к эпицентру. Сгусток не был целым — в нем была дыра средних размеров, из которой доносился голос Симала Редиби:

— Они исчезли! Я единственный, кто придет в его мир и заставит поклониться.

— Да, так и будет, — отвечал дух пепельного леса Вудай, засевший в теле рыжебородого.

Мисс Бишоп попыталась приобнять Винни, но жар не пускал ее. Со слезами на глазах она смотрела, как ее любимый человек слабеет, борясь с силой, порожденной им самим.

— Ты обещала, что этого не повторится! — разъяренно сказал Димер, его тень стекла в комнату, преобразовавшись в тело.

— Знаю... Но он сам волен делать то, что хочет.

— Он даже не знает, к чему это может привести! — Димер дал хлесткую пощечину пожилой даме. — Мы оба не вечны, Бишоп. Ты знаешь, что я тоже могу умереть в этом мире. Мои часы жизни идут, равно как и твои. Но когда Винсент останавливает настоящее, то мое время расходуется быстрее.

Старушка вытерла слезы и ответила:

— Я буду должна тебе несколько секунд.

Димер поклонился, топнул ногой, сверкнула вспышка.

Почти все встало на свои места. Винсент продолжал сидеть в наручниках. Мисс Бишоп, стоящая в толпе полисменов, посмотрела в глаза инспектору Галбрейту. В них царила радость знания тайны, которой, судя по выражению лица, с окружающими он делиться не хотел.

— Вы можете идти! — сказал удовлетворенный комиссар, расстегнув наручники.

Винсент пошатнулся и упал на пол, изо рта пошла белая пена.

— Врача срочно!

Через минуту доктор был на месте; он и мисс Бишоп, придерживая больного за руки, отвели его в кабинет — холодную комнату с кафельными стенами и полом, по углам стояли стеклянные шкафы с огромным количеством препаратов, которому могли бы позавидовать большинство больниц. За маленьким окошком, расположенным почти у самого потолка, переливались огни разноцветных мигалок. Мисс Бишоп, вытирая собственные слезы платком с рисунком розы, нежно гладила голову Винсента, перебирала длинную челку.

— Не беспокойтесь, — успокаивал ее врач. — Эпилепсия, обычное дело. Она ведь у него не в первый раз проявляется?

— Нет, конечно.

— Тогда вам не о чем беспокоиться... Герой, что еще сказать! Завтра, видимо, будет на обложках всех газет.

Августина улыбнулась и прижала молодого человека к себе. Ее руки были слабы, да и сама она уже затухала, но всегда находила силы, чтобы проявить свою материнскую любовь.

— Нам предоставят машину? — спросила она уставшим голосом.

— Комиссар просил вас не отпускать, хотел еще поговорить с ним... Ну или с вами, что же тут поделать.

В комнату заглянул санитар, тихим шепотом подошедший к себе доктора:

— Там девушку привезли с удушением, из Темзы выловили.

— Опять цепью? — еще тише спросил врач.

— Да...

— Опять этот... Ладно, нам все равно говорят молчать, — врач затих, оглянулся на мисс Бишоп и сказал погромче: — Вы отдыхайте. Я скоро приду.

Он вышел, перед дверью встали два вооруженных солдата.

Тем временем большинство сотрудников перекочевало в зал для переговоров. Люди выстроились вокруг длинного широкого стола из темного дерева. К слову, это был тот самый седьмой этаж, с которого так легко выпорхнул Винсент, обломав не одну ветку многовекового дерева. По углам еще стояли урны с собранными осколками стекла, но крупницы иногда все же бросались в глаза, впивались в обувь. Часы показывали первый час ночи, полисмены, уставшие и сонные, угрюмо смотрели на невеселого комиссара, уголки губ которого опустились вниз.

— Коллеги, — начал он рокочущим голосом, — мы наконец-таки поймали этого наглеца. — Собравшиеся начали оглядываться. — Тот, кто ранил охранника на мосту, кто принес разруху в наш родной участок, сейчас сидит в камере. К вышеперечисленным обвинениям добавляется насильственное удержание. Всем спасибо за оказанное доверие и понимание. Завтра разрешаю прийти позже. Спасибо.

Прозвучали жидкие аплодисменты, полисмены вышли; остался лишь Допл.

— Сэр, — обратился он к комиссару, — Чарли Гонт

не врывался в наш участок. Это был тот, первый, который упал на пол.

— А, Допл... Быть того не может! Гонт признался, охранник его опознал. Молодому человеку незачем было врываться к нам, ступай.

Констебль расвирепел, напрягся так сильно, что из швов на ранах, которые оставил кондор, просочилась кровь.

— Я единственный, кто видел его лицо! Это был Винсент Гилл!

Комиссар разъяренно, словно вожак стаи, рычащий на несмышленища волчонка, ударил по столу:

— Я сказал, что это не так! Если вы продолжите препираться, то я сейчас же сожгу это, — Карл бросил на стол приказ о возвращении Обри звания инспектора.

Допл тяжело вздохнул.

— Значит, вы что-то скрываете?

Комиссар снял куртку со спинки своего мягкого кресла и удалился, оставив инспектора наедине с приказом.

Р-р-разговор-р-р по душам

Марию осмотрели в больнице, опросили и отвезли домой по ее желанию. От госпитализации она отказалась, ссылаясь на то, что с психикой и здоровьем у нее все в порядке. Но это было не так. Конечно, сложно остаться в здравом рассудке после суток, проведенных в подвале какого-то психа. Более странным было то, что Чарли открывал в стене портал и с кем-то разговаривал, а потом вылетел оттуда, как пробка от шампанского. Девушка не понимала, как связаны этот персонаж, Винсент и она. Хотела во всем разобраться, но начнем по порядку.

Измученная, она вошла в квартиру, опираясь на плечо таксиста. Девушка поблагодарила его щедрыми чаевыми. Небольшая уютная квартирка ожидала хозяйку в том же состоянии, в каком она ее оставила. Девушка приложила массу усилий, чтобы надеть свою любимую пижаму и лечь в кровать.

— Бастион! Кс-кс-кс, иди сюда, котик! — Девушка перекадилась на левый бок и внимательно осмотрела квартиру. Ее кот, вроде как сильный и независимый мейн-кун, сидел на комодке и... макал лапки прямым в белую краску. — Эй, проказник, ты чего это делаешь?

— Кр-р-рашусь! Не видно? — промурчал кот, макая в краску третью из четырех лап. — Вы все, дамочки, ходите-бр-р-родите, краситесь. А мне нельзя? Можно! И что, что я кот?

— У меня, видимо, и правда крыша поехала, с котом разговариваю, — прошептала она. — Вчера ведь мяукал, как все нормальные.

— Я с тобой тоже р-р-раньше р-р-разговаривал, а ты по-нашему ничего толком-то сказать не можешь: ни «лоток», ни «птица».

— Да что ты говоришь, бесстыдник! — Мария кинула в кота одну из подушек. — Ладно, разговаривай. Но краситься-то тебе зачем? — в ожидании истории девушка положила голову на руки.

— Я видел птицу! — Кот поставил свежеекрашенную лапу на комод; краски было так много, что часть стала струиться по мебели, часть — брызнула на пол, но Мария уже так обессилела, что не акцентировала на этом внимание. — Большая, нет, огр-р-ромная птица! Вся белая, но частями в мелкую чер-р-рную кр-р-рапинку. Так вот, он белый, но у него есть чуть-чуть чер-р-рного, а я весь чер-р-рный, пусть у меня будет немного белого, ну!

— Так это подражание или противостояние? — девушка приподнялась с кровати, вопросительно подняв левую бровь.

— Я пока не определился... Чаю?

— Можно. А я и не думала, что коты умеют готовить чай.

Бастион спрыгнул на пол и, оставляя белые следы, пошел на кухню.

— Эх ты! Коты все умеют, просто не показывают этого. Стоит нам один раз сварить чай или же поговорить с вами — все! Вы же с нашей шеи не слезете, работать заставите! А быть чьими-то рабами — не прерогатива котов.

— Не раб, а работник, — протяжно сказал девушка, зевнула и утонула лицом в подушке.

— Называй как хочешь, а смысл один и тот же. Еще вы пр-р-ридумали пр-р-раздники, отмеченные на бумагах на стене. Во-пер-р-рвых, эту бумагу можно р-р-рвать! Зачем без толку ее вешать! Во-втор-р-рых, пр-р-раздники можно устр-р-раивать каждый день! Вот твой чай! — кот поставил поднос с кружкой чая на прикроватный столик и гордо замурчал: — Хозяйка! Хозя-йяка! — но она не откликнулась. Тогда кот запрыгнул на кровать,

сложил лапки крест-накрест и тоже уснул.

Сон Тамерлан Кабала

Вечер в городе на берегу туманной реки. Синее небо постепенно сдает позиции, скрывается за горизонтом, оставляя темным тучам простор для творчества. Шумные толпы людей текут по шумным улицам, чтобы скрыться в тихих квартирах. Ветер, образуя маленький ураган, захватывает листья и скидывает их на гладь отражающих небо луж, и если бы кто-нибудь туда взглянул, ему бы показалось, что огромные листья плывут по темнеющему небу.

На куске картона, прислонившись к стене и облокотившись на ее выступ, сидел человек. Куртка разорвана во многих местах, из которых то и дело норовит вылезти посеревший от времени и пыли наполнитель. Тамерлан осмотрелся. Он наблюдал привычные ноги людей, мелькающие перед глазами, все они отличались, как и их владельцы: длинные, короткие, худые и толстые. Тамерлану больше нравились не ноги, а руки, кидающие блестящие монеты и притягательно пахнущие банкноты. Вот и опять — упала банкнота, и ее тут же придавили две или три монеты. Мужчина довольно поправил сползшую на глаза вязаную шапку и схватил еще теплую бумажку рукой, облаченной в перчатку без пальцев.

— Король должен спать в тепле, — сказал Тамерлан и сунул купюру с изображением короля во внутренний карман куртки. Оглядевшись по сторонам и не приметив служителей закона, мужчина поднял упавшую картонку, на которой было написано: «Падайте на пропитание». Он не врал, что слеп или глух, а просто просил. Кто-то мог сказать, что он бездельник и нужно идти работать,

имея руки и ноги, но попрошайничество — тоже работа! Иногда, наверное, даже труднее работы в офисе.

Поток уменьшался с каждой минутой, тьма покорила безоблачный небосвод. Тамерлан поднял глаза к прохожим и увидел перед собой девочку лет шести. Она была одета в белое платьице, украшенное рисунками лилий и обрамленное розовой ленточкой. Сделав еще два робких шага, она поднесла руки к коробке с монетами и, разъединив ладоши, высыпала два десятка монет.

— Тебе нужней, — сказала она и улыбнулась белыми зубками.

Тамерлан привстал и, прокашлявшись, сказал дрожащим голосом:

— Спасибо, маленькая мисс. Где твои родители? Время позднее, ты не можешь гулять одна, — он наклонился к девочке.

— Я гуляю. Родители заняты своими делами, — она насупилась, одним взмахом головы закинула косички за спину.

— Неправильно это. Пойдем, я отведу тебя к ним. — Тамерлан встал в полный рост, оттолкнул в сторону одноразовую посуду из ресторана фастфуда и ссыпал мелочь из коробки в карман. — Смотри, — он взял в руки монетку, вложил в руку девочки и тихонько дунул. — Подожди пару секунд.

Спустя мгновение она разжала кулачок, и на месте монетки оказалась большая лилия, источающая незабываемо сладкий и свежий аромат. Девочка вскрикнула от радости и прижалась к ноге фокусника. Штанина была запачканная и рваная, но малышке было все равно. Он сделал для нее чудо, а это выше всяких предрассудков.

— Ты волшебник?

— Немного. Все мы волшебники. Я сделал добро за добро. Взаимозачет, так и живем. — Он развернулся

и пошел.

Она, догнав его в пару прыжков, схватилась за его большой нечистый палец, и они пошли по улицам, став частью все той же человеческой реки.

— Где ты живешь?

— На перекрестке 25-й и 17-й. А ты?

— Далеко же ты забрела. А... как тебя зовут? Я живу под мостом, неподалеку от твоего дома.

Не успел он сказать последних двух слов, как девочка остановилась и сжала его палец, насколько это было возможно, ведь для нее это было приключение — жить под мостом! В тот момент ей казалось, что ничего лучше в жизни быть не может, и она захотела во что бы то ни стало оказаться там.

— Я Эмили. Покажи свой дом!

Тамерлан отнекивался, но, случайно взглянув в чистые черные глаза, согласился. Они шли так, чтобы Эмили не устала раньше времени: идти предстояло еще около получаса. Тамерлан думал, как бы не попасться полиции, ведь он, обычный человек без определенного места жительства с грязным небритым лицом, в рваной одежде, не внушал доверия. Эмили фантазировала о том, какой он — дом под мостом. В ее представлении это небольшой одноэтажный домик с красной «клетчатой» крышей, деревянной дверью и парой окон. Она считала, что в прихожей обязательно должен стоять высокий темный шкаф, а пол зала быть украшен огромным красным ковром с висюльками — бахромой. На нем, в углу комнаты, стоит кресло-качалка, развернутое к небольшому камину, на полке которого непременно должны стоять часы и пара свечей. А еще дом охраняется небольшим пауком размером с кокер-спаниеля по кличке Херби.

Чем дальше она создавала в своем детском мозгу образ, тем сильнее хотела оказаться там прямо сейчас, но ее ожидало разочарование. Они подходили к мосту. Тамер-

лан несколько раз оглянулся, посмотрел по сторонам: неподалеку, на другой стороне дороги, встав вокруг горячей бочки, стояли несколько бомжей, таких же, как он. Эмили прыгала от счастья, то и дело отрывая розовые ботиночки от земли и перепрыгивая неглубокие лужи. Пропустив машины на перекрестке, они повернули и пошли вдоль опор моста. С первого взгляда обстановка угнетала: брошенная тележка из супермаркета одиноко стояла у светло-серой опоры моста, исписанной граффити; напротив лежали мусорные мешки, вываливающиеся из бака, брошенные листы картона. Для Тамерлана это была привычная картина, поэтому он не медлил ни секунды. Девочка тоже не боялась, ведь рядом с ней самый могущественный волшебник, которого она когда-либо встречала! Они повернули последний раз и оказались в «хижине под мостом». В глазах Эмили застыл немой вопрос, и так понятный без объяснения. Дома не было. Ни дверей, ни окон или даже стен — было пусто. Больше всего ее разочаровало отсутствие паука Херби, который должен был играть на двух скрипках сразу! У него ведь восемь лап! Ее маленькое сердечко сжалось, и она всплакнула. Слеза быстро скатилась по румяной щечке и упала в лужицу.

— А где дом? Ты ведь не можешь тут жить! — сказала она робеющим голосом.

— Конечно, могу, Эмили. Мне больше негде жить. — Тамерлан медленно опустился на свой рваный, той же как и его одежда, тонкий матрас. В глазах девочки отражался теплый тусклый свет ламп, висевших под «потолком». — Ты сама придумала себе идеальный дом, но жизнь не идеальна. Запомни это.

Эмили понимающе кивнула. Позади послышались шаги, Тамерлан поспешил встать. Под свет ламп зашил те трое, что стояли у бочки по другую сторону дороги.

— Подожди здесь, я быстро, — сказал мужчина и по-

доброму улыбнулся.

Эмили осталась одна и смотрела за происходящим. Трое подошли к волшебнику и начали ему что-то говорить, кричать, взмахивать руками и толкать его. С каждой секундой ей становилось не по себе, ей хотелось закричать, но она держала себя в руках. Вдруг один из пришедших мужчин толкнул волшебника, а второй, не дожидаясь его реакции, ударил его по лицу. Тамерлан начал падать назад и, сделав пару шагов, рухнул на спину, прямо под ноги Эмили. Из разбитой губы прямо на камни текла кровь. Девочка набрала горсть камней и швырнула их в обидчиков. Они прикрылись руками, лишь одному маленький камень угодил прямо в глаз.

— Малую свою усмири, ей явно не хватает порки! — крикнул кто-то из них.

— Я уже взрослая! — писклявый голосок рассек воздух.

— Ах так? Тогда иди сюда! Иди, иди! — Фрэнк, так звали того, кому Эмили попала в глаз, пошел на нее.

— Не трогай ее! — прошипел Тамерлан, кровь в нем забурлила. Он схватил большой камень и со всей силы ударил Фрэнка, раздробив его подбородок. Тамерлан встал в полный рост и закрыл Эмили собой.

— Ладно, идем! — сказал один из обидчиков. Взяв под руки Фрэнка, они удалились.

— Спасибо за помощь. Идем домой. На сегодня приключений хватит.

Спустя десять минут они стояли у дома Эмили, за углом от ее подъезда.

— Помнишь, как все было, Эм? Пожалуйста, расскажи родителям все как есть, иначе меня и вправду заберут дяденьки полицейские. Все понятно?

— Да, помню. Да, понятно. Но волшебник, я не хочу домой. Родители постоянно заняты своими делами, а с тобой мне интересно!

— Но тебе скоро в школу, и кушать что-то нужно. Я не могу тебе дать того, что могут дать родители. — Ты можешь дать гораздо больше, — разочарованно ответила Эмили.

Они повернули за угол. У подъезда девочки дежурила машина полиции с включенными сигнальными маячками, свет которых отражался в окнах первых этажей. На лестнице стоял отец Эмили и нервно курил уже явно не первую сигарету, так как у его ног уже образовалась горка из бычков. В машине вместе с двумя офицерами сидела мама Эмили. Заметив знакомое платье, она попросила офицера включить фары, а сама выпорхнула из машины и со всех ног побежала к дочери, теряя туфли на ходу.

— Мое золотце, ты нашлась! Убери от нее руки, грязный урод! — кричала она на всю улицу, спешила ударить Тамерлана своей сумочкой, но путь ей преградила Эмили.

— Не бей волшебника! На, возьми! — крикнула девочка, протянув зажатый в руке цветок.

На крики подоспели офицеры и отец девочки. Последний протянул руки и, обняв дочь, поднял ее высоко-высоко.

— Не обижайте волшебника! — молила девочка.

Тамерлан заметил сверкающие в руках офицеров наручники.

— Дайте мне минутку, — он запустил руку внутрь куртки, достал еще работающий диктофон. Он включил его тогда, когда они стояли за углом и говорили с малюткой. — Вот, это теперь ваше, — Тамерлан протянул женщине диктофон, но когда она отказалась его брать из его гнусных рук, передал отцу. — Когда в следующий раз будете сильно заняты своими делами, просто включите эту запись — может, она вам что-то да объяснит. А ты, — обратился он к Эмили, — больше не сбегай от родителей

и твори только добро, у тебя это отлично получается! —
Но маленькая головка уже опустилась на отцовское плечо, а глаза закрылись, реальный мир уступил место снам.

Тамерлан понимающе протянул руки, наручники щелкнули, и полицейская машина не спеша покати­лась в участок.

Прескевию

Димеру пришлось отлучиться по делам. Вас нужно было вернуть обратно из того измерения, куда вы отлучились с адъютантом для просмотра оставшихся снов. Я взмахнул рукой и, собственно, вы оказались передо мной.

— Читатель, присаживайтесь! Димер ушел по моему приказу... разбираться! Все эти передряги с Винсентом и прочими. Ужас! Кстати, не могу не заметить ваш вклад. Это нечто. Вы одним движением породили новый виток истории, которая, возможно, могла кончиться иначе, — я указал на Краеугольный камень, постепенно разваливающийся. — Вы могли бы сказать: «Почини ты его!» Я бы с радостью, но, к сожалению, не могу. В пространстве, в котором я живу, нет даже обычного скотча, не говоря уже о других материалах.

Я ненадолго задумался и, уловив ваш слегка напуганный и непонимающий взгляд, прошептал:

— Ты, наверно, до конца и не понимаешь, что здесь происходит? Когда вы проломили камень, то миры революционера Авенира, предателя Симала и славного малого Энди пересеклись. В конце каждого сна Винсента они подходят к камню: специально или нет, но они попадают в миры друг друга, а камень остается на месте. Поначалу можно подумать, что они внутри камня, но на самом деле они — его оболочка. Про самих людей и их истории? Знаешь, все в мире противопоставлено — это все, что я пока могу рассказать, иначе история будет не интересна! Скажу лишь, что у всех есть альтер эго. Одно, или два, или семь с половиной! Эх, эта неопределенность!

Я сел в кресло, поводил рукой в пустоте, у меня в руках появилась средних размеров папка, колючая,

но скользкая.

— Их истории слились, а это значит, что троица, о которой я говорил ранее, начинает жить самостоятельно. Тебе ведь интересно, что там произошло?

Естественно, вы кивнули и открыли папку.

Сон

Волк в овечьей шкуре

Полуживой Симал лежал на полу, спрятав лицо в руках. После толчка из дома пропали все, кроме него. Кружки одиноко стояли на столе, кровати заправлены, будто никто и не приходил в эту заброшенную лачугу. За пределами дома слышалось тяжелое дыхание зверя, смешивающееся с шумом бесконечного ветра. Хибара медленно стала покрываться льдом. Сначала окна, потом двери, а затем и каждая доска погрузилась в ледяной сон.

— Что ты видишь? — спросил голос, исходивший отовсюду.

— Ничего, — тихо ответил Симал и медленно встал с продрогшего пола.

— Ничего есть пустота. А знаешь, почему вокруг тебя пустота? — голос усилился, стены задрожали.

— Понятия не имею, выпусти меня отсюда! — Симал схватил табурет и швырнул в окно, чтобы разбить его; пролетев пару метров, табурет остановился посередине комнаты и бесшумно опустился на пол.

— Не смей! Вокруг пусто, потому что ты думаешь только о себе. Ты даже не пытался помочь ему. — В комнате появилась мерцающая тень Майкла, выбегающего на улицу. — Если думать только о себе, в конечном счете можно остаться одному. Попробуй исправиться, иначе тебе не избежать расправы.

Лед, окутавший дом, разлетелся на снежинки, которые тут же превратились в бушующий огонь, мгновенно охвативший дом. Все, что висело на стенах: трофейные рога, картины и шкафы, — тут же рухнуло на пол, прогремел взрыв, сменившийся гробовой тишиной.

Во тьме комнаты, прижавшись к стене, стояли оставшиеся путешественники. «Почудилось... Странно, я уже и не пьян совсем», — подумал Симал. Смотря на рыжебородого умоляющим взглядом, Оуки приставил палец ко рту, тем самым говоря: «Тихо!» Чуть ли не на цыпочках отряд, словно змея, прячущаяся среди корней дерева, крался по стене к кухонному шкафу, лишь Симал сидел неподвижно, смотря на осколок, оставленный им на столе. Доки, повернув ручку, находящуюся внутри шкафа, открыл потайной лаз.

— Идем отсюда! Мы не собираемся здесь погибать! — чуть слышно протараторила Алиса.

Симал отрицательно pokrutil головой и сделал шаг к столу, стараясь держаться в тени. Тяжелое дыхание тут же исчезло, и настала долгожданная тишина. Фейт облегченно вздохнула и оперлась на книжную полку, висящую на двух старых гвоздях. Не выдержав веса, деревянная конструкция со скрежетом сломалась, и огромные тома по медицине камнем упали на пол. Дрожь сотрясла весь дом. Все настороженно оглянулись.

— Беги, — не боясь, сказал Доки; поймал на себе осуждающие взгляды. — Посмотри в окно.

Симал неохотно повернул голову и в страхе упал на пол. Там, освещаемое яркой луной, неподвижно стояло оно. Размером с бегемота и с телосложением льва, оно выжидало добычу. Симал рванул к столу, схватил сверток. Разъяренное чудовище впрыгнуло в окно, разметав стекло по всей хибаре и оставив огненный след на раме. Алиса завизжала и оцепенела, в то время как Фейт и братья уже стояли по ту сторону лаза. Существо яростно взвыло и обнажило клыки. Встав на дыбы, оно проткнуло грудную клетку жертвы и прибило ее к стене. Алиса царапала холодный нос чудища до тех пор, пока не поняла, что он каменный. Через мгновение она угасла, оставив на стене мрачный силуэт.

Отряд разделился. Выбравшиеся через лаз люди направились в город через непролазный лес и сугробы, которые даже опытные охотники обходили стороной. Симал пошел другой дорогой. Не послушав совета таинственного видения, он направился к деревне левитаторов.

Воспоминание в голове Симала растаяло, как первая зимняя снежинка на горячей руке, когда неподалеку от рыжебородого разгневанное чудовище одним залпом спалило лачугу, оставив на холме один маленький уголек, который легко мог поместиться в чайную ложку. Существо чувствовало силу осколка, поэтому немедленно отправилось вслед за Сималом. Он бежал по выгоревшему участку леса, который в местном поверье был местом дурной силы. Деревья будто нарочно стояли друг от друга на расстоянии в два метра, а сам выгоревший участок представлял из себя ровный круг радиусом в километр. По направлению к поселению рос красный мох — только это растение смогло приспособиться к мертвой сожженной земле. Животные обходили это место — впрочем, как и люди. Некоторые из любопытства все-таки отправлялись к самому центру погорелища, но никогда не возвращались. У Симала была другая проблема, в лапы к которой он попасть никак не собирался. Существо сносило дерево за деревом, которые спустя несколько секунд вставали на места, помогая себе размашистыми корнями.

Симал уже подбегал к открытым воротам деревушки, когда они начали закрываться. Собрав все силы, он сделал рывок и из последних сил упал. С трудом открыв глаза, перед собой он увидел лысого старика, облаченного в белую мантию. Рыжебородый поднялся и понял, что он все же успел. Жители осторожно приближались к нему. За воротами разъяренное чудовище пыталось достать его своей громадной лапой, но упиралось

в невидимую стену.

— Дом наш закрыт для духов леса, Вудай. Иди прочь! — сказал лысый монах и стукнул посохом по земле. Звук преобразовался в синюю защитную волну. Она задела чудовище, разозлив его. Оно злобно фыркнуло огнем на лапу и потушило ее об землю перед воротами, оставив свой раскаленный след. — Но и тебе не место в нашем доме. У нас всегда живет восемьдесят человек. Ты — лишний.

Вудай остановился, ожидая окончания разговора.

— Стой, подожди. Как тебя зовут? — заикаясь, спросил Симал.

— Хатуру, — гордо произнес мужчина в мантии.

— Хатуру, прости меня, — Симал оттолкнул мужчину в сторону и выстрелил. Кровь мгновенно проявилась на белой одежде. Не издав ни единого звука, он упал на бок. Жители стояли в ужасе. Кто-то заплакал, кто-то побежал спасать Хатуру, но было уж поздно.

— Я ваш новый житель, разойдитесь, — прошипел Симал и выбросил ружье в ручей.

Толпа расступилась, провожая убийцу взглядом. Вудай поклонился Сималу и скрылся в темноте. Чудовище поняло, что в этом человеке нет света, который обычно дает ему сил для новых свершений. Этот человек был пропитан злобой, ненавистью и лицемерием. Вудай превратился в пепел, который тут же разнес ветер просторов.

Быт деревни изменился. Жители мрачнели из часа в час: они не пели песни, не прыгали через костры. Они просто-напросто заперлись в домах и ждали чуда, которого так и не произошло. Деревня стала чахнуть. Еще вчера зеленая трава пожелтела, а к обеду, став пылью, вообще разлетелась.

— Мама, а почему мы никуда не выходим? — спросила девочка у своей мамы, заботливо держащей ее в самой

далекой комнате. — Я хочу играть!

Заплаканная мать, которая умирала, равно как и все жители деревни, провела рукой по белокурым кудрям своей голубоглазой дочурки.

— Сейчас не время, дорогая, отдыхай, — она поцеловала дочь в лоб и захлопнула дверь в комнату с обратной стороны.

Это было первое утро деревни, когда никто не вышел полить Дерево мудрости, прорастающее на противоположном от ворот краю деревни. Ворота все так же были открыты. Среди деревьев на пепелище дремал Вудай. На когтях его виднелась уже застывшая кровь с частичками одежды, принадлежавшей Оуки и Доки. Ветер затих и не пел свои песни, что было ново для здешних мест. На лужайку перед воротами вышел Симал. Потрепанный, опираясь на подобранное ружье, он смотрел на стоящую перед ним гору, из которой возвышался огромный столб, уходивший высоко в небо и скрывающийся среди туч. «Что со мной стало? Я забыл ценности других, заботясь лишь о себе». Симал умылся в местном ручье и пошел к границе деревни. Дверь одного из домов отворилась, и из него выбежала мать белокурой девочки.

— Не выходи! Иначе тут все умрут. Ты и так принес смерть в наш дом, а теперь и вовсе хочешь уничтожить нас?

Она ударила его в грудь со всей силы. Не ожидая такого удара, Симал остутился и выпал за ворота. Земля затряслась, ворота рассыпались на бревна и покатались вниз по склону. Обреченная мать села на колени.

— Я тебя ненавижу! — разъяренная женщина накинулась на рыжебородого, но тут же была отброшена духом Вудай. Дома зашатались и разом упали, погребя жителей под своими обломками.

— Теперь я такой же, как и ты, да, Вудай? — обратился Симал к существу, не зная того, что стал ужаснее са-

мой жуткой твари на этой земле. Оно одобрительно кивнуло, подставив шею, чтобы Симал мог туда сесть. Едва держась на ногах, босой, он взобрался на огромную шею. — На Унтурай. К Камню! — прошептал он, сжав гриву.

Симал мало походил на того человека, каким он был, когда приехал в городок. Взъерошенные волосы, багровые глаза и тело умирающего — таким он был теперь. Но изменился не только его облик, его внутренней мир встал с ног наголову. Привыкший быть в обществе открытым и помогать всем, здесь он стал самим собой — алчным, эгоистичными и жалким. Он понимал это и ненавидел себя еще больше.

Раздался оглушительный хлопок. Серое облако пыли разлеталось во все стороны, оставляя после себя только разруху.

— Город рухнул.

Но зверь не слушал его. Он бежал сквозь снег и скалы, рассеиваясь светом в непролазных местах. Огненные следы его поджигали даже замороженную воду, горевшую зеленым пламенем.

Солнце стояло в зените, когда Вудай и Симал — два самых порочных существа этих мест — пришли к Краеугольному камню. В камне сверху донизу можно было заметить резные знаки и символы. На стороне Унтурая камень горел желтым светом, выпуская из двух ребер непролазные лучи сноведений, имеющие бело-голубой оттенок. Симал спрыгнул с чудовища и подошел к заветной мечте.

— Сколько же людей за тебя полегло? Хотя нет, неправда. Они умерли только из-за меня.

Дрожащими руками он достал обжигающий руки сверток.

— Стой, — сказал уже знакомый старческий голос. — Ты ведь не знаешь, что там впереди.

Опешивший Симал повернулся на голос и увидел мистера Эйбрамсона, облаченного в шубу из снежного барса. На одной руке у него была надета золотая перчатка, излучающая переливающееся сияние.

— Я ведь тебе сказал, что в этом месте силен только тот, кто силен духом. Ты слаб и умрешь, если не сделаешь правильный выбор.

Не колеблясь ни секунды, Симал принял решение.

— Фас, — сказал он и упал в сугроб.

Существо яростно прыгнуло на жертву, но промахнулось. Люкас махнул рукой и отлетел в сторону. Недоумевающее чудовище ринулось за ним, но обнаружило, что за хвост его держит тюлень Альдо.

— Я — добрый дух этого леса, и я изгоняю тебя! — Эйбрамсон вонзил руку в грудь Симала, вытащил его необъятную душу, источающую вопли его бывших жертв. Струны, окутавшие душу, не хотели ее отпускать. Люкас попытался выдернуть ее еще раз, но вдруг ослабел, пошатнулся и пал, раненный в самое сердце.

Вудай, скинувший Альдо со скалы, счистил старческую кровь со своих острых когтей. Симал отошел в сторону и увидел, как жизнь покинула глаза старика.

Сон Водный путь

Тьма никуда не ушла, как я и предполагал. Родина погрузилась в руины, которые населяли тысячи безумцев. Их лживая фата свободы улетела на вьюжном ветре перемен. Голая земля в наших местах теперь редкость. Все заполонила падаль и похоть. Перед отъездом в Метлоу я послал письмо матери сгонцом, надеюсь, он доберется до нее.

Я видел повешенного короля. Его вздернули в соответствии со статусом: на обломанном дворцовом флагиштоке, вместе с флагом. Пару дней назад я еще видел, как он реял. Король тогда говорил, что народ образумится, и жалел, что сила Гаата находится в руках неприятеля. В последние дни убить Короля ничего не стоило: он распустил охрану от своей спальни, потому что ему надоело ожидание. Перерезать ему глотку было равносильно убийству льва, который может подпустить человека на расстояние метра.

Люди ликовали, смотря, как его везли на плаху. Он искренне не понимал, чем навредил своим гражданам, которых некогда называл своими детьми. К его трупу снесли все станки города, которыми хотели заменить людской труд; также сносили и втоптывали в грязь книги о просвещении, царское убранство. Со стороны это выглядело как танец на костях нашего будущего.

В память о нем мне достался медальон... Редкая королевская монета, из которой была вырезана голова льва с острой развевающейся гривой. Если вы найдете человека с таким медальоном, то знайте — он пытался все изменить. На одной стороне медальона было написано: «Сыны прогресса», а с другой: «Не против общества, а против глупцов». Приходится носить медальон скрытно, иначе про-

блем не оберешься... — писал на отдельном листке бумаги Себастьян, чтобы затем вложить рукопись в личный дневник.

Карета подскочила на кочке, чернила выплеснулись мужчине на колени. В гневе взмахнув руками, он задел свеженаписанный листок, который, словно маленькая птичка выпорхнул в окно, прямо под колеса других карет.

— Потеряно, — прошептал Себастьян, скатившись напрямиком на пол. — Главное, что я это помню.

Карета остановилась, он кубарем улетел вперед, распластавшись на сиденье.

— Бр-р-р! Стойте! Приехали, сэр, прошу выходить быстрее! — прокряхтел старик, спрыгнув в глубокую лужу грязи. — Ох ты, черт! Сапоги себе испоганил! Опять придется этому неумехе графу отдавать.

— У кого чистите сапоги? — с большим интересом спросил мужчина, неуклюже выйдя из кареты.

— Да у этого, графа Ламена! Паскуда он. Раньше сидел при деньгах, теперь выкручивается как может: все вещички-то его растащили, ах! Видно, на каретах не часто ездите, увалень, ей-богу!

Себастьян сжал кулаки, но не ударил извозчика, чтобы не выдать себя. Конечно, он умел выходить из кареты, лично был знаком с графом Ламеном, ведь его отец был казначеем королевства до недавних пор.

— Карета — удел буржуа, мне не по карману. Взял вас по просьбе руководства, чтобы быстрее приехать к месту аварии. Там, внизу, авария! Трубы прорвало.

— Оно и верно!

Себастьян вытащил из кармана пять монет, четыре из которых передал извозчику.

— Ну-ка, все давай! Иначе глотку перережу, никто даже спрашивать не станет! — извозчик достал из кармана нож.

Широко улыбнувшись, мужчина передал последнюю

монету.

— Замечательно! Слава революции!

Извозчик пару раз похлопал клиента по плечу и уехал.

— Вот тебе и светлое будущее. Жаль, что Авенир этого не видит... или хорошо?

Осмотревшись, Себастьян быстрым шагом устремился в подземелье. Люди ушли праздновать победу, так что помешать ему уже никто не мог.

Сапоги скользили по мокрым камням, мужчине приходилось держаться за ржавый поручень. Со временем шум улицы затих, Себастьян погрузился в тотальную тишину. Он слышал, как беспокойное сердце бьется в груди, но совладать с этим не мог.

— Что это? Не похоже на шум реки, — тихо сказал он, услышав переливающиеся шелестящие звуки, заполняющие все пространство нижнего яруса. С опаской Себастьян открыл дверь и увидел огромный камень с широким белым лучом, исходящими из него.

— Что это такое? Оружие протестантов? Тогда что это?

Проверив все карманы, мужчина достал мешочек, оставшийся от брата. В нем лежали всегда горячие камни, которые при приближении к камню чуть не прожгли жилет Себастьяна. Владелец кулька с опаской ступил на белоснежный луч света, исходящий от камня.

— На лед не похоже, да и не холодно тут!

Мешочек обжег хозяина, пылающие камни ударились о белоснежный свет, отскочили от его полосы и влетели в нужные места на Краеугольном камне; Себастьян провалился в мир Энди Эртонна.

Сон

Граф, Всадник и Добряк

Один из лучей, исходивший от Краеугольного камня, рассеялась. Оттуда выпал Себастьян Оллфлорд. Энди Эртон боязливо обошел свалившегося непонятно откуда гостя и недоверчиво протянул ему руку.

— Кто вы такой? Судя по одежде, граф! Как вы попали сюда?

— Если честно, сам не знаю, — ответил Себастьян, лежа на теплом песке. Не доверяя окружающим его полумертвому доктору и парню, поднялся самостоятельно.

— Не жмете руки?

— Стойте! Нет! Не нужно! — закричал герой третьего сна. Симал, ловко прыгая по горячему песку, приблизился к Себастьяну и Энди. — Не жмите друг другу руки, иначе исчезнете! Вы, как и я, сны одного недотепы! Если мы еще промедлим, то умрем здесь, наши дни закончатся!

— Только вот проблема... я не сон. Герой моего мира, мой брат, мертв, — разочарованно сказал Себастьян.

— А я уже давно готов закончить свой путь. Я помог осуществить чью-то мечту, — парень указал на тело капитана Спенсера, качающееся на гребне приближающейся волны.

— Мы против тебя, Симал, — одновременно сказали Себастьян и Энди. Взявшись за руки, они загорелись, а потом и вовсе исчезли, равно как и их миры; Симала выбросило обратно в его мир, прямиком на белый снег, на котором отчетливо виднелась чернота, исходящая из его плоти.

— Осталось совсем немного, потерпи, — сказал неви-

димый Димер, пришедший навестить гору Унтурай.

— Кто это говорит? — спросил Симал Редиби.

— Я делаю ваш конец интересней. Это все, что тебе нужно знать.

День VI

Письмо Ее Величества

История утратила забвение, и через несколько часов газеты и интернет-статьи запестрели заголовками о раскрытии преступления. «Уникальный товарищ», «Узник Тауэра», «Кротовое перепутье» — это были еще не самые громкие названия.

С раннего утра десятки фотографов и корреспондентов дежурили у дома Винсента. Самые жадные до информации лезли на крыши соседних домов, чтобы запечатлеть весь быт.

Мисс Бишоп была при параде: красивое платье цвета морской волны, черные туфли на каблучке, заплетенная миссис Денай коса. Сегодня ночью старушка уже не закрывала дверь, в этом не было нужды: если сила проявлялась один раз за ночь, то остальное время Винсент спал как младенец.

Когда часы пробили семь утра, молодой человек по обыкновению открыл глаза, чувствуя себя вольным: то ли оттого, что спал без ставших родными ему оков, то ли оттого, что сила за долгое время впервые нашла выход.

— Доброе утро, — сказал Винсент и, удивленно оглядевшись, подошел к окну. Там стояла толпа зевак, десятки вспышек тут же ударили по глазам, ненадолго ослепив молодого человека.

— Действительно доброе, дорогой. Теперь ты звезда. Люди все утро несут цветы, звонят; мне даже пришлось отключить дверной звонок.

— Вы знаете, что я против открытости. Не терпел лживых вопросов и действий, не потерплю и сейчас. Что вчера было после задержания? Ничего не помню.

— Дай людям проявить себя. Они не просят чего-ли-

бо. У тебя случился приступ, не более.

Мисс Бишоп подошла к молодому человеку, положила теплую, мягкую руку на плечо.

Винсент вздрогнул, немного покосился, оперся на стену и сказал:

— Это до поры до времени. Общество мертво. Мир не совершенен.

— Нужно пытаться делать его лучше. Если все опустят руки, то шанса уже не останется, — старушка потянулась к нему, чтобы поцеловать в затылок, но остановилась, понимая, что он еще не готов. — Это тебе передала миссис Денай, — Августина поставила на табурет небольшую глубокую тарелку с гроздьё малины. — Приходи на завтрак.

Пораженный до глубины души, Винсент неуверенными шагами дошел до табурета, взял тарелку и вернулся к окну, надкусил первую ягоду и остановился. Водя глазами по толпе, он увидел на обратной стороне улицы соседку, установившую стол, дополнительно продавая выпечку, пока муж делал то же самое в пекарне. Молодой человек оставил ягоду и ушел, задернув шторы перед зашпаленным стеклом.

За столом сидел инспектор Галбрейт. Он был в парадном мундире, с накрахмаленным воротничком, как в старину. Сидел он ровно, практически не шевелясь. Издали можно было подумать, что это сидит ростовая кукла хорошего качества.

— Не прошло и недели, как вы снова тут, инспектор! — Винсент пожал его маленькую ручку, сел во главе стола. Что-то поменялось в лице этого рыжего карлика. Оно разгладилось, стала просматриваться улыбка. — Что это вы такой радостный, мистер? Погода ненастная, а вы...

— Чтобы день был хорош, мистер Гилл, необязательно иметь зонт в ненастную погоду. Попрошу заметить,

что теперь я суперинтендант.

— Ох, повысили? Поздравляю, мистер Галбрейт! Но если вы больше не инспектор, то вы перестанете нас навещать? — спросила мисс Бишоп, отвлекшись от приготовления кофе.

— Навещать я вас могу, если пожелаете. А ходить к вам перестанут. Где же это было видано, чтобы к рыцарю Ее Величества каждый месяц по приказу ходили полисмены? Вот именно, нигде!

— Но я ведь не рыцарь, — молодой человек вопросительно поднял брови.

— Это мы скоро исправим! Я здесь, чтобы вручить вам приглашение на акколаду. Ее Величество хочет отблагодарить вас за раскрытие дела, осрамившего не только Скотленд-Ярд и Тауэрский мост, но и статус всего королевства. Завтра, семь вечера, главный зал Букингемского дворца. Со стилем одежды, думаю, определитесь, — суперинтендант передал молодому человеку конверт.

От повергнувшего ее в шок известия, мисс Бишоп уронила тарелку с кашей.

— Винни, это же прекрасно!

Сердце Винсента кольнуло, когда он увидел счастливые глаза старушки, бесконечно глубокие и чистые.

— Чего же вы ждете! На нем роспись самой королевы! — Галбрейт ударил по столу.

— Я не такой.

Молодой человек вытер губы столовой салфеткой и вышел из-за стола. Он подошел к входной двери и, всем телом упав на нее, с трудом открыл. Народ встретил его возгласами и добрым словами, но взаимности не последовало. Груда букетов покатилась вниз по лестнице, пока вся не оказалась на тротуаре. «Что же это такое? Что с ним?» — слышались голоса отовсюду.

— Я никогда не был частью вашего общества. Пред-

почту остаться на своей серой грани. Уходите. Удачного дня, — сказал молодой человек и захлопнул дверь. Перед ним стояли двое; мистер Галбрейт взглянул на него исподлобья, вздохнул и вышел, сказав: «Я начал смотреть вверх. Пора бы и тебе начать сглаживать углы»; грусть, тоска и недопонимание просматривались в глазах старушки. Она обреченно опустила руки и тихими шагами отправилась на кухню прибирать посуду.

— Я старалась, чтобы ты влился в общество, но ты, упрямец, все стоишь на своем. Некоторые боятся сделать шаг, чтобы сойти с пути и обрести что-то новое, а ты еще даже не начал идти, — тихим голосом сказала она.

Винсента будто кто-то ударил по голове и облил холодной водой. Он ничего не понимал, потерялся, завяз в своих мыслях, которые ранее были натянутыми канатами, а сейчас превратились в режущие тонкие нити. Шаг за шагом, скрип двери: молодой человек прикрыл дверь в заветную комнату изнутри.

Кондор величаво расправил могучие крылья, заслони́в солнце. Комната погрузилась в полутьму.

— Но ты-то почему не улетаешь? У тебя есть все — способности и возможности, а ты... здесь.

Птица загоготала, слетела на колени к хозяину, усевшемуся на стул и положившему теплый клетчатый плед на ноги. Кондор ласково потерся об лицо хозяина; он так сильно прижимался к его черепу, что чуть не уронил очки.

— Только не говори, что это привязанность. Глупости это все, неправда. Тебя могут кормить и в другом месте, то место и станет твоим домом. Разве нет?

В ответ птица повернулась спиной, нагнулась, обнажив голую кожу с десятком синяков от резиновых пуль, пущенных в нее в последние секунды в Скотленд-Ярде. Винсент незаметно достал из новенького аквариума мышь и кинул ее в окно в надежде, что птица ринется

за добычей, оставив его одного. Но все было иначе. С визгом мышь вылетела в окно, а через несколько секунд можно было услышать, как что-то не очень тяжелое плюхнулось, пошло ко дну Темзы. Птица лишь проводила добычу взглядом, но с места не сошла.

— Быть того не может. — Одни из трех оков, окутавших сердце Винсента, порвались.

Птица обняла молодого человека, настала полная тьма. Полная защита, не единого лучика света.

— Где ты взял камень, Бредбери?

Птица непонимающе посмотрела на хозяина, отлетела, когда тот попытался встать. Винсент встал, подошел к столу и вынул камень, который так сильно в последнее время докучает ему во снах. Самое интересное, что он присутствует не везде, но ему придается необычайное значение. Не было понятно, что он делает и откуда взялся, почему так горяч.

— Если пора сделать шаг, то он будет основателен. Бредбери, мы разберемся в моих снах во что бы то ни стало, ты мне поможешь. Люди часто видят сны наяву — мечты, заоблачные, часто несбыточно-беспокойные и не до конца определенные. Большинство живет мечтами, но для их достижения ничего не делает. Это как желать перейти реку, при этом верить в то, что она скоро замерзнет, не задумываясь, что сейчас июнь. Я раньше ждал, верил, что что-либо из моих мечтаний, фантазий случится, но этого не произошло. Поэтому мне грустно смотреть на мечтателей, выслушивать их, глядя в глаза, полные призрачных звезд, и видеть руки, опущенные для безделья. Право, пришла пора признаться, что я и сам в их числе, но давно уже не по своей воле. Породив фантазии однажды, трудно положить их глубоко в шкаф со скелетами. Это великая сила и страшное проклятье. Ненавижу.

Дверь в комнату дрогнула, значит, образовался сквоз-

няк, следовательно, кто-то пришел. Винсент, собравшийся с Бредбери в путь, пошел одеваться. Из закрытой гостиной слышались голоса мисс Бишоп и доктора Хамонса. Голос старушки был необычайно спокоен, тембр ровный. Молодой человек решил не мешать им. Он накидывал пальто, когда к ним в дом пожаловал мистер Уоллес.

— Добрый день, рад знакомству, я... — начал библиотекарь, но его перебили.

— Не беспокойтесь, — с легкой улыбкой на лице сказал Винсент. — Я знаю, кто вы. Главный библиотекарь Лондонской библиотеки, ухажер мисс Бишоп и просто неплохой человек. Я был на вашей лекции не так давно.

Ганс не переставал краснеть от смущения.

— А вы не боитесь говорить людям вот так, что думаете, молодой человек? — Мужчина снял шляпу.

— Не поймите меня неправильно, это не хвастовство, но мое мнение единственно верное. Если кто-то с ним не согласен, то он, к сожалению, ошибается.

— Я польщен.

— Но вы ведь не ради меня сюда пришли? Прошу, скажите «нет», иначе... — Винсент увидел в руках собеседника спрятанный за спиной букет из белых роз.

— Нет, я бы не пришел к вам. Знаю, что вы скрытны, но сейчас этого не вижу...

— Кстати, я был на лекции не один. Мы пришли с ним не вместе, ушли тоже порознь, разговаривали с ним только вы, а знакомы мы все. Кто бы это мог быть?

— Мистер Хамонс? И что же?

— Прежде чем я отвечу, скажите, что чувствуете. Я, кажется, не знаю любви в лицо.

— Как? Вам же четверть века, а вы... не верю. Сочувствую. — Винсент дал гостю стул, сам уселся на пуфик. — Это — притяжение, неумолимое и безрассудное. Каждый вкладывает в любовь что-то. Кто-то больше, кто-то

меньше. Если от одного источника будет мало огня, то порох погаснет. Невозможно, чтобы было сто процентов, иначе это не любовь, а подавки. Знайте, это сковывающее и пьянящее чувство, требующее войны, внешней и внутренней. Если вас захлестнуло, попробуйте совладать с этим, приручить. Иначе...

Настала полная тишина.

— Что, мистер Уоллес?

— Смотрите, чтобы порох не отсырел, иначе безмолвие и темнота поглотят вас.

— А дальше? Мисс Бишоп в гостиной вместе с доктором.

— Смерть, мистер Гилл. Она всегда дальше, в конце. — Библиотекарь встал, пожал руку молодому человеку. — Я пошел бороться. И вам советую. — Старик взбодрил букет и ровным шагом, вытягивая носок, словно на фронте, отправился в гостиную.

Мария не хотела выходить из квартиры. Чувство неопределенности пугало ее: она хотела поскорей встретить Его, но в то же время боялась до дрожи в коленках. Каждая подобная мысль будто бы зажигала пожар в душе, сильнее предыдущего. Она уже успела позабыть это приятное ощущение влюбленности: сжатость, соседствующая с необычайной бездумностью, сладкой и тягучей.

Бастион, черный в белой краске, тихо мурлыкал на подоконнике, обхватив хвостом стоящий по соседству горшок с кактусом. Его длинные усы дрожали от прикосновения воздуха, тянувшегося от окна к входной двери.

— Надеюсь, что мне это вчера приснилось и с тобой, морда, я разговаривать не умею, — громко сказала девушка.

— Зр-р-ря надеешься! — тихо ответил кот, поднял морду, широко зевнув. — Мы тепер-р-рь на одной волне. Я тебе вчер-р-ра чай заварил, а ты уснула. Знай, это

из жалости. Больше ничего делать не буду.

Кот в два прыжка достиг изголовья кровати.

— Вот д... дела. С котом разговариваю, — Мария спряталась под одеяло, периодически боязливо выглядывая.

— Возмущается она, ишь! Будто бы мне нр-р-равится р-р-разговар-р-ривать с человеками! С вами же ску-учно. Ни птицу поймать не можете, ни на дер-р-рево залезть...

Кот испуганно спрыгнул с кровати и, поджав хвост, убежал на кухню.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила девушка, поднявшись в кровати.

— Кто-то идет! — испуганный кот выглянул из-за столешницы.

— Ничего не слышу...

— Я же говор-р-рю, потер-р-рянные существа, что с вас взять! Сейчас постучат.

И вправду раздался стук в дверь.

— Пугаешь ты меня, пушистый.

— Ну я же звер-р-рь!

— Скорей звер-р-рюшка, — с улыбкой сказала девушка, поверх синей пижамы накинула длинную красную кофту. — Кто там?

— Это врачебный инспектор. Пришел узнать о вашем состоянии, — сказал кто-то из-за двери.

Девушка открыла. В квартиру вошел человек низкого роста, с угольно-черными волосами.

— Ой, извините, у меня не прибрано, — с виноватым голосом, взирая на раскрашенные белыми линиями комод и пол, Мария уселась на кровать.

— Ничего страшного. Меня зовут доктор Допп, здравствуйте. Как ваше здоровье? Не замечали ли вы чего-то необычного?

Девушка замешкалась, взглянула на кота, который приложил лапку ко рту, намекая, что нужно молчать.

— Нет, что вы. Все отлично, собираюсь на прогулку.

— Прекрасно так и запишем, — мужчина взял планшет и что-то записал. В его глазах блеснул огонь, щеки приобрели багряный оттенок. — Не подскажите, где проживает ваш спаситель? А то моя мама очень гордится им, хочет через меня букет передать, а куда идти — не знаю!

Он лживо рассмеялся.

— Нет. Сама вот хочу узнать. А можете мне показать свое удостоверение, доктор? — Мария встала и мелкими шагами стала отходить.

— Знаете, мне уже пора!

Допл хотел подойти к девушке поближе, уже вытянул руку, чтоб схватить ее за кисть, но громадный кот, вскочивший на столешницу прямо перед его лицом с угрожающим шипением, остановил наступление. Мужчина выронил листок, на котором что-то писал, и тут же закрыл входную дверь с обратной стороны.

— Извини, — протяжно сказал кот. — Он мне не по нр-р-равился.

В ответ на это девушка погладила кота и пошла собираться. На листке было написано: «Берегись».

Винсент давно уже позабыл про свой недуг, походка преобразилась. Быстрым шагом он следовал по набережной вслед за птицей, лениво парящей в воздухе. Чем дальше они шли, тем ближе становились свинцовые холодные облака, предшествующие приближающейся метели.

Все живое и неживое медленно покрывалось хрупкой, едва заметной коркой льда. От Темзы шел густой пар, обволакивающий дома на берегах. Крупными хлопьями пошел снег, разносимый по всему городу пронизывающим до костей ветром.

Винсент бежал быстро, незаметно для толпы. Не уставал и не отставал от Бредбери, но в один момент

споткнулся и полетел под колеса мимоидущего «Рутмастера». Протяжный сигнал гудка. Скрип тормозов. Автобус бессильно катился по обледенелой дороге. Молодой человек уже успел подумать о том, как мисс Бишоп будет горевать, зажмурился. Огромная машина вот-вот должна была раздавить его. Но общий шум рассек крик кондора. Бредбери перевернулся на спину и спикировал к хозяину. Водитель уже отпустил руль, когда увидел перед собой яркую вспышку сиреневого света. Усатый пухлый мужчина в свитере и в мятых брюках ринулся к, как он думал, труп, но под колесами никого не оказалось — лишь растопленный в лужу лед. Водитель выдохнул, вытерев испарину со лба кружевным платком, и уселся на ступеньку автобуса.

Что-то острое и холодное держало молодого человека за руку сквозь толщу одежды. Он открыл глаза, распластавшись на земле.

— Правда умер? Но я же еще не закончил... — Он начал щупать себя, понял, что способность ощущать сохранилась. Пошевелил руками, тут же угодил в окружающие его сугробы. Холод сковал пальцы, что не могло не радовать Винсента — это означало, что он жив; молодой человек поднялся и дрогнул: вокруг него был океан из облаков, из которых выглядывали острова — пики окружающих его гор. — Как я тут очутился? — Бредбери подковылял к хозяину. Одно его крыло было сломано, печально висело. — Ты меня спас? — Кондор довольно кивнул, уткнувшись в больное место. — Теперь и сомнений быть не может. Я нереален. В том смысле, что тоже являюсь частью сна. А кто... — он сделал паузу, шагнул вперед и провалился одной ногой в какую-то небольшую дыру, — ...кто настоящий, если не я? — Молодой человек вытащил ногу, увидев под собой Краеугольный камень, запорошенный и истерзанный временем. От него не исходили лучи, как в других снах, да и разме-

ром он был не велик. — Но в чем сила нашего мира, Бредбери? — Дрожа, кондор выпрямил больное плечо и крикнул на него. Все то же свечение, что перенесло их сюда, закрутилось вокруг крыла, обретшего прежний вид. — Желания? Исполнения мечтаний? Да ну, брось. И все это могут делать? — Бредбери подбежал к Краугольному камню и ткнул клювом в щель. — Воткнуть?

— Я бы не советовал! — это был чей-то голос, который не мог сбить даже шквальный ветер. От черных волос Димера струился пепел, уносимый вихрем. По всему костному шли борозды, которые изнутри светились оранжево-красным светом, будто там кипела лава. — Если ты вставишь камень, то мир изменится. Ты, возможно, даже умрешь! Но это не точно...

— Что с тобой? — сказал Винсент и всмотрелся в чудака.

— Камень — это край. Он жизнь и смерть. Если еще приближусь, то мой внутренний огонь может меня убить.

— Но я, пожалуй, изменю мир. Хочешь ты этого или нет. Он мой и ничей более. Мне надоело так жить.

— У тебя все только стало налаживаться! Мария, всеобщие признание и любовь... Что тебе еще нужно?

— Какой в этом смысл, если это все нереально? — Винсент поймал немного пепла, который тут же обратился в снег.

— Я тебе сказал все. Знай, что я прочитал эту историю до конца.

Димер хлопнул руками и рассеялся. За время разговора одна сторона камня покрылась толщей снега, а затем и льдом. Молодой человек не увидел этого и не глядя вставил осколок камня куда надо. С замиранием сердца он наблюдал, что же случится, но ничего не произошло. Винсент захотел достать фрагмент, вставить другой стороной, но все попытки были тщетны.

— Так и в жизни. Стоишь на пороге, переступил,

а изменилось ровным счетом ничего.

Но это было вечером. А днем, в лютую, по сезонным меркам, стужу Мария стояла у входной двери пока еще друга. Ветер гулял в ее волосах, красиво развевая их. Девушка спрятала лицо в теплый шарф. Повсюду лежали замерзшие букеты, лепестки цветов засохли. Они так звонко хрустели под ногами, что не давали погрузиться в океан размышлений. Десятки следов медленно скрывались под свежим снегом.

Неожиданно дверь отворилась, и к Марии вышел мужчина. Он был подавлен, через призму глаз виднелась внутренняя пустота. Обычный строгий взгляд сменился на грустный. Девушка хотела пожалеть мужчину, но, встретившись с ним глазами, она поняла, что это не нужно: мужчине уже не было нужно ничего. Доктор Хамонс оскорбленно закусил нижнюю губу и, раскрыв черный зонт, отправился куда-то.

— Девушка, вы что-то хотели? — спросил стоящий в дверях мужчина, седой и, кажется, добрый. Он не особо обращал на нее внимание, а провожал взглядом первого.

— В полицейском управлении сказали, что Винсент живет тут, — скованно начала Мария.

— А, понятно, всего хорошего, — быстро ответил библиотекарь, стал закрывать дверь, но нога девушки ему помешала.

— Он меня спас. Мы знакомы. Вы не можете так поступить.

— Верно. Извините, нервы! Прошу.

Девушка вошла, библиотекарь удалился вглубь квартиры.

— Августина, у тебя гостя. Говорит, знает Винсента.

Мария скромно разместилась на стуле в углу комнаты. По просьбе мисс Бишоп она пересела на другое место.

— Пересядь, пожалуйста. — Девушка попыталась

сесть во главе стола. — Только не сюда, — железным голосом сказала старушка. — Вот, по соседству. Выпьем чаю, время уже пять. — Мистер Уоллес сел напротив. — Как вы познакомились с Винсентом?

— Случайно. Он заметил меня в кафе и подошел. Я заметила его ранее, но не имела смелости подойти.

Старушка на секунду зависла.

— Чтобы мой Винни. Подошел! Сам! Если вы из какой-то дешевой газетенки, то вы довольно далеко добрались по сравнению с теми, коих он оставил утром за дверью.

А библиотекарь все понимал. Мисс Бишоп, уже успевшая остыть после конфликта с доктором, снова взбунтовалась, будто ее укусила какая-то букашка, и имя ей — ревность. Старушке не приходилось делить Винни ни с кем на протяжении долгого времени, и отпускать его она не хотела. Да и то, о чем говорила эта девушка, мало походило на ее почти что сына: кофе, сигареты, разговоры с незнакомыми людьми, разговоры по душам... Последних двух вещей она добивалась от него годами, а девушка получила просто, как должное.

Чай быстро остыл, или время промелькнуло незаметно, но мистеру Уоллесу пришлось уйти. Причин на это у него особо не было, но он знал, что для откровенного разговора дамам нужна уединенность. Ледяные узоры кралась по большому стеклу зала. Мария играла на музыкальном инструменте Лунную сонату, в то время как мисс Бишоп прибирала сломанный пополам букет роз, это выглядело очень поэтично, и в то же время трагично. На самом пике произведения старушка бросила прочь все, что было у в руках, и рухнула на диван. Музыка стихла.

— Ты... не может быть, чтобы Винсент был таким! Он такой только в моих мечтах. Быть того не может, — она взялась за сердце.

— Как бы вы ни противились, со мной он был такой. Знаете, он одинок, ему так не хватало общения.

— Я всегда была рядом, — по сухим щекам старушки потекли слезы.

— А он не ценил? Теперь, когда он счастлив, вы пытаетесь меня прогнать? Вот так? Действительно ли блага вы хотите для него? Или вам будет легче, если птенчик всегда будет под крылышком? — Мария подошла к дивану и уложила мисс Бишоп.

— Ты права, дитя. Прости, — старушка сжала ее пальцы своей сухой рукой.

На втором этаже послышался грохот.

Молодой человек смел с головы и плеч налипший толстым слоем снег. Бредбери взлетел, открыл дверцу клетки и, залетев внутрь, уселся на жердочке. Винсент тихо закрыл клетку на крючок и ушел на первый этаж. С лестницы было видно, что свет горит только в зале, хотя в это время обычно мисс Бишоп занималась приготовлением ужина. Винсент осторожно приоткрыл дверь. На диване, под одеялом, на подушке, лежала бледная мисс Бишоп. Рядом с ней стоял табурет, на котором лежал конверт, принесенный Галбрейтом и чашка чая. Неподалеку в глубоком кресле расположилась Мария. Голова ее немного склонилась вправо, что свидетельствовало о жутком желании спать. Мария держала в руках томик испанских стихов. Из его страниц сочился запах сушеного пиона — цветка, который девушка использовала как закладку.

— Ах, Винни, вернулся, — скрипящим голосом сказала мисс Бишоп, заметив светящиеся в темноте глаза Винсента. — Совсем я плоха стала.

— Что случилось?

— Сердце. Время никого не жалеет, ты ведь знаешь. — Винсент сел подле старушки. — Да от тебя холодом веет. Где ты был? — Она взглянула на девушку. — Хотя не важно. Ты уж сам знаешь, что да как. Осуждать

не за что. Держись этой девушки, она хорошая, — по доброму улыбнулась Марии. — Она тут со мной уже... четвертый час.

— И уходить я не собираюсь, — сказала девушка и тихо засопела, уткнувшись в край кресла.

— Я отведу тебя спать. Сам за ней посмотрю. Идем. — Винсент подал Марии руку, но она обожглась, словно вместо руки был раскаленный уголь, и тут же отдернула свою со словами: «Горячо». Они ушли в комнату с дюжиной замков, где когда-то висела доска с записями, ныне превратившаяся в прах. Винсент впервые за долгие годы включил батареи, внутри шумно побежала вода.

Мария не могла обнять молодого человека или даже взять за руку: каждое новое прикосновение было больнее предыдущего. Он стал для нее чем-то недостижимым, тайным, заветным.

— Такое чувство, что ты это специально.

Девушка позабыла о своей робости, поцеловала Винсента. Мешающие ранее высокие температуры тут же пропали, пустив на свое место сладость соприкосновений. Для молодого человека это прикосновение было скорее приторным, слишком скользким, но шаг назад он не сделал.

— Наконец-то. — Девушка села на кровать, улыбаясь. На щеках выступил румянец. — Это... так глупо... — Она засмеялась, чем непроизвольно вызвала улыбку на лице любимого. Вторые из оков, сковывающих сердце, порвались. Будто невидимая каменная маска слетела с его лица и разбилась вдребезги. Это было так непривычно и, казалось, неприлично — показывать всем свои зубы, но это доставило ему удовольствие.

Оставив Марию одну, Винсент вернулся к мисс Бишоп, мирно ждавшей его.

— Ты изменился, а я и не заметила. Я рада, что ты стал собой.

— Я тебе бесконечно благодарен, — сказал молодой человек и поцеловал ее в лоб.

Старушка расплакалась, в четвертый за сегодня раз:

— Скоро одиннадцать... я не смогу более тебе помочь.

— Я хочу сам все увидеть. Одно чудо сегодня я уже видел.

— Тогда иди к ней. Только обещай мне одно: ты пойдешь завтра к королеве. — Она протянула ему конверт. Винсент не хотел портить настроение больной женщине и согласился.

Часы пробили одиннадцать. Сонная Мария и Винсент сидели на его кровати, укрывшись тем самым маленьким одеялом. Руки Винсента раскалились, но не так сильно, как тогда, в Скотленд-Ярде. Стены немного смешались в его сторону, после становились невидимыми. Мария видела все: и невидимые стены, и искривляющееся пространство, и даже космос, скромно расположившийся на потолке.

— И что ты с этим можешь делать?

— Чувствую, что все, — недоумевающе ответил он. — Дай мне цветок из той книги, что ты читала.

Девушка стала искать, но книгу найти не смогла.

— Кажется, я оставила ее там.

Винсент взмахнул рукой, рассек пространство, и сунув в щель руку, вынул книгу в красном переплете. Пион сам выпал оттуда прямо в пылающие объятия молодого человека и тут же пророс. Винсент шелкнул пальцами, все пространство комнаты заросло этими чудными разноцветными цветами с мясистыми бутонами. Мария упала с кровати, река пионов подхватила ее, качая на волнах.

— Мы сошли с ума?

— Если только чуть-чуть.

Молодой человек прыгнул вслед за девушкой. Цветы качали их до тех пор, пока она не уснула.

Вот еще одна душа до рассвета отправилась в мир грез. Из головы Марии тут же выпорхнули четыре птицы: черная и белая, желтая и красная. Это были самые яркие эмоции за последнее время. Белая обозначала сострадание и нежность, которые она чувствовала к больной мисс Бишоп; птичка то и дело осыпала черную своими перьями, из-за чего та становилась белей. Другая, желтая, спряталась среди бутонов пионов. Она обозначала двойственное чувство: с одной стороны, Мария была похищена сошедшим с ума Чарли, но, с другой стороны, он ведь не мог сам сделать того, что он совершил. Ему, верно, помогли. Черная птица — негатив, злоба — постоянно пыталась напасть на красную, но пролетала мимо нее. Самая редкая, красная, птица никуда лететь не собиралась. Она облетела комнату пару раз, осыпав все своими благоухающими перьями, и села возле девушки.

— А ну-ка, сорванец, иди сюда! — крикнул Винсент шепотом, попытался схватить птицу, но не успел. Она шустро пронеслась мимо руки и попыталась ускользнуть на улицу сквозь приоткрытое окно, из которого сочился густой пар. Винсент шелкнул пальцами, перенесся за окно, ухватил птичку за хвост, сразу же вернулся на прежнее место. — Что ты там в себе таишь?

Молодой человек встряхнул птицу. Опавшие мигом перья изобразили немую картину, рассказывающую о том, как Допп навещал Марию и что при этом хотел. От напряжения на лбу Винсента вздулась вена. Он накинул на девушку одеялко, которое, кстати, ей было как раз, и, вновь рассекая пространство, оказался на балконе рядом с восстановленным в звании инспектором.

На вид он был плох. Щетина, обветренные губы, сухие безжизненные глаза, от души остался крохотный островок, ничтожный по сравнению с бывшим на его месте архипелагом. Он сидел в одной кофте и легких штанах. Запорошенный снегом и недвижимый, смотрел на пи-

столет, заряженный для бессмысленного и грязного дела. Он собирался убить Винсента. Не хладнокровно, а жестоко, ярко и со стилем: чтобы посреди толпы, в Букингемском дворце, его голова разлетелась на мелкие кусочки; или чтобы его машина взлетела на воздух, находясь при этом под прицелом десятков камер! В голове он прокручивал три варианта завтрашнего действия. Понять, какое из них более изощренное, было практически невозможно. В гостевой комнате, из которой можно было выйти на балкон, все на том же диване лежала Джустис, бесконечно счастливая.

— Зачем ты хочешь меня убить? Все встало на свои места. Ты — инспектор. Жена, как и прежде, красавица. Чего ты еще хочешь?

Обри вздрогнул, широко раскрыл глаза, чтобы всмотреться в стоящего рядом Винсента.

— Как ты здесь оказался, черт? — Он заглянул в квартиру через окно, сквозь толщу штор. — Надеюсь, она тебя не видит... Ты преступник, изувечил мою честь. Я обязан это сделать по соображениям совести.

— Совесь, ты реально хочешь, чтобы он на это пошел?

Зеленый, размером со спичечный коробок, шар со ртом и глазами, сидящий на плече Допла, истерично ответил:

— Я? Да я вообще ничего этого не хочу! Знаешь, в последнее время про меня мало кто вспоминает. Деньги — вот они крутые! Большую часть вопросов решают. А со мной людям, видите ли, скучно!

— Ладно, ладно, успокойся.

— Брысь! — пробурчал инспектор. Совесь испарилась. — Я этого хочу. И все равно, что будет.

— Все равно?

— Именно.

— Ты готов рискнуть выздоровлением матери, бере-

менной женой — всем, чтобы просто пустить в меня пулю? — Обри поднял пистолет и почти нажал на курок. — Я неуязвим, пока царит ночь. Я помогу тебе.

— Джустис беременна?

— Да, дружище. Она просто не хотела тебя обременять... Ты все еще хочешь моей смерти, точнее, отправиться за нее в тюрьму? Думаю, убийцу рыцаря даже судить никто не станет.

— Делай все, что пожелаешь нужным. — Обри упал на колени, обхватив ноги молодого человека.

— Все зависит от тебя. Как только я уйду, на твоём счету будет сумма, которой хватит на лечение матери. На ребенка ты заработаешь сам; думаю, зарплата инспектора это позволит.

— Спасибо, — сказал Допл, но рядом никого уже не было. В руках он сжимал совесть.

Мария уже сладко спала на кровати. Молодой человек, сидя в центре пиона, читал книгу Обри Допла, которую он смог беспрепятственно взять из библиотеки жизней. Он был увлечен прочтением белых страниц, запрятанных в середине среди кипы серых.

Это был ненастный день в Хэмпшире. Грозовой фронт стоял над этим местом уже который день, но именно сегодня решил сыграть злую шутку. Разряд молнии угодил прямоком в вековое дерево, разбив его пополам. Одна половина покосилась и рухнула прямоком на дом большой семьи, состоящей из родителей и двух дочерей. Огонь быстро охватил дом.

...Большая часть семьи оказалась на воле — вне едкого отравляющего дыма. Но, как это часто бывает, оттуда не смогла выбраться маленькая девочка пяти лет. Игнорируя приказа начальства, стажер Допл направился в эпицентр пожара. И в шкафу спальни, на верхней полке, обнаружил девчушку без сознания. Из последних сил стажер бежал на выход, но судьба-злодейка не прощает героизма так

просто. Потолочная балка, прогоревшая посередине, обвалилась в то время, как спасатель был уже у двери. Отломившаяся часть балки, раскаленная и острая, проткнула бок стажера Допла. Последнее, что он помнил, — вылетающая из его рук на улицу девочка.

...Стажер Допл, по назначению вышестоящей инстанцией, признан героем и награжден грамотой.

После официальной церемонии к нему подошел пришедший недавно на пост комиссара мистер Дин, пошутив, что всем в полиции есть место: человеку без пальца, как он, и без почки, с прожженным боком, как мистер Допл. В тот день он и стал инспектором. Инспектором Доплом.

Каменный рыцарь

С морозом совладать никто не мог. Суда встали, скопанные льдом Темзы. Та же участь постигла и автомобили, которые скользили по свежему льду. Водители решили пришвартовать свои четырехколесные суда у пристани-бордюра. На каждой улице можно было встретить снегоуборочные машины, работающие с четырех часов ночи и по сей момент: часы показывали час дня.

Мисс Бишоп с вялой улыбкой лежала на диване, укрытая теплыми одеялами. Она смотрела на город, отдыхала душой и просто радовалась за Винни. Мария, с разрешения старушки, стала полноправной хозяйкой в доме. Сегодня она приготовила завтрак, убралась и, что было самое важное для мисс Бишоп, ухаживала за Винсентом. Августина всегда стригла молодого человека, а когда силы покинули ее, то эта обязанность перешла Марии. Она с заботой и необычайной нежностью и осторожностью, словно скульптор, кропотливо вытачивающий свое создание из неотесанного камня, творила, пытаясь сохранить его уникальность, незаметно убрав неряшливость. Девушка даже хотела дать ему новые очки, купленные мисс Бишоп для важных случаев.

— Не нужно. Люди должны видеть истину, а не фальшь. Помнишь, как в тот вечер? Если бы я стал что-то придумывать, изощряться, то ты бы не стояла здесь.

— Верно! — она обняла его, плотно прижала к себе, шумно засопела.

— Ты-то готова идти на прием? — спросил Винсент.

— Я? — Мария засмушалась, отвернулась, волосы скрыли ее лицо. — Но ведь позвали-то тебя!

— Я... что-то чувствую, вот здесь, — молодой человек

ткнул себя в грудь немного правее сердца, — Оно щемит и не хочет, чтобы я шел один.

— Это любовь? — ее глаза засветились, будто миллионы светлячков.

— Не знаю, я никогда этого не чувствовал. Но если это меня не убивает, то я не против, — сказал он и поцеловал девушку. Сердце колотилось.

— Тогда я за платьем! — радостно сказала она и выпорхнула в дверной проем.

Приготовления во дворце шли полным ходом: почетный караул, который славится своей элегантностью и тактичностью, сегодня был так хорошо наряжен, что даже снежинки облетали его стороной. Потускневшие за время отсутствия королевы убранства вновь начищены до блеска. Все рабочие кружились в ритме вальса. Постепенно стали съезжаться приглашенные лица, в том числе и все сотрудники Скотленд-Ярда, имеющие чин выше среднего.

Все было готово, когда машина с Винсентом и Марией въехала на территорию Букингемского дворца. За оцеплением и оградой стояли тысячи людей, желающие увидеть героя сегодняшнего дня. Мария и Винсент вошли во дворец, после чего их сразу провели в тронный зал. Королевское убранство на их пути было настолько роскошным, что страниц в книге может не хватить для описания.

Послышался звук открывающейся двери. Все мужчины без исключения встрепенулись, втянув живот и выпятив грудь. Дамы взбодрили платья, надели на лица неестественные улыбки, как лисы. Королева, повидавшая за время правления многое, осталась недвижима, словно искусный лев на гербе ворот. Толпа ахнула, и если бы здесь были свечи, то их пламя, несомненно, вздрогнуло бы.

Мария была неподражаема. Дамы смотрели на нее,

молодую, естественную красивую и прикусив нижнюю губу от зависти, провожали взглядом. Сэры и остальные мужчины, не удостоенные этого титула, пытались проявить себя даже в присутствии спутниц: широко улыбались, кивали, подмигивали, кланялись. Девушка была облачена в бриллиантово-белое платье с полупрозрачным подолом, инкрустированным синими сапфирами разных размеров и форм, юные плечи также были скрыты от взоров под неплотной тканью.

Под руку ее вел Винсент. В темно-синем костюме, черной рубашке. Новая прическа шла ему, хоть он и чувствовал себя некомфортно. Очки, как и раньше, сидели криво — наверное, это единственное, что осталось от того самого Винсента Гилла. Сотни взглядов присутствующих жгли все тело, нервировали и мешали. Социофобы избегают таких мест, а он сюда пришел намеренно. Но все это меркло, когда после каждого шага его спутница, томимая ожиданием и утопающая в исключительно положительных эмоциях от наслаждения моментом, сжимала его руку все сильнее и сильнее.

Шаг за шагом они приблизились к Ее Величеству. Кончики ее губ не смотрели ни вверх, ни вниз. Со спокойным, слегка угнетенным и измученным взглядом, она провела глазами по подошедшей паре. Мария осталась стоять, молодой человек вышел вперед. Он не понимал, почему все так боятся Ее Величества, ведь она такая же дама, как и все здесь присутствующие. Позади нее стояли внуки — принцы. В одинаковых идеально сидящих костюмах, рубашках и даже ботинках! Различались они лишь прическами: у одного волосы были кудрявые, а у другого — лишь слегка волнистые. Королева встала и, немного согнув ноги в коленях, приблизилась к Винсенту. Положила руку ему на плечо.

— Рада приветствовать, — сказала она тихо, но потом в разы усилила громкость голоса, — вас на этом торже-

ственном мероприятии. Рада признать, что в нашем обществе еще остались истинные джентльмены и рыцари, способные защищать не только своих прекрасных дам, — она указала на Марию, — но и честь королевства!

Послышались восторженные аплодисменты. Подошли двое из королевской гвардии, держащие две бархатные подушки, на которых величаво, вдавив своей тяжестью перину, лежал небывалых размеров меч. Ее Величество взялась за рукоять и подняла меч над головой, будто он весил ноль граммов, но это было не так. Старческая рука дрогнула, меч медленно опустился. Молодому человеку принесли подушку, он встал на колени. Массивный меч последовательно тронул плечи, а затем и голову.

— Данной мне властью я дарю вам титул рыцаря, сэра Винсент Гилл, за помощь в раскрытии преступления!

Аплодисменты разлетелись по комнате и выпорхнули в двери, прямо к сервированным столам.

— Спасибо, Ами, — тихо сказал молодой человек, встав с колен.

— Как вы... смеете! Я же королева, — еще тише ответила она.

— Но это не делает вас лучше других.

Винсент улыбнулся, Ее Величество ответила тем же, показав белые, как и ее жемчужные бусы, зубы. То ли это было проявление этикета, то ли она просто все поняла.

Толпа потянулась в зал для пиршеств. Девушка тоже хотела туда, потянула спутника за руку, но он остался недвижим. Мария взглянула в его глаза — там был еще тот же Винсент. Может, за все время их общения он изменился, но, оказалось, это лишь капля в море.

— Ты и правда хочешь идти к этим глупцам, постоянно разговаривающим о деньгах и политике, хотя они в них не разбираются? Они заводят разговоры о народе — но являются зеленой, цветущей верхушкой, забрав-

шей себе все жизненные силы высокого дерева, корни которого стали трухой! Они под колпаком, в фате, которую они забыли снять, обвенчавшись с горой ничего не стоящих на самом деле нулей и единиц. Их мир более шаткий, чем кажется. Просто их еловые рукавицы задубели, приняв нужную форму.

Она обняла своего рыцаря:

— Сэр, мне хоть куда, только чтобы вместе с вами. Даже в другую вселенную, я согласна!

Мгновение спустя под звонкий дамский смех они скрылись в коридорах, а потом и попросту пропали из дворца. Лишь Ее Величество заметила, как они мирно удаляются, идя по тонкому снегу в придворном саду.

В этот вечер, по просьбе Винсента, с Августиной осталась миссис Денай. Она принесла кексы — ароматные, с изюмом. Пропорхав вокруг соседки несколько часов, женщина схватилась за спину и рухнула в кресло, в котором ранее сидела Мария. Мисс Бишоп была учтивая, понимая все невзгоды и капризы старческой жизни, старалась не дергать подругу по пустякам.

Пара вернулась около девяти, когда последние лучи солнца отпустили город, дав отдохнуть глазам его жителей. Винсент и Мария пошли поздороваться с мисс Бишоп, затем девушка ушла, чтобы побыстрее укутать холодные ноги в одеяло, а молодой человек — умыться, после чего собрался вернуться к няне.

В зале необычайно резко потемнело, под потолком, на который старушка глядела уже второй день, клубился черный, сотканый из пепла, дым.

— Дорогая, — Августина с трудом поднялась, — будь добра, принеси мне чаю.

Подруга, кряхтя, важно встала и ушла на кухню. Мисс Бишоп никогда так не боялась этого дыма, как сейчас: даже когда он являлся во время первых неконтролируемых сновидений Винни, она и то была спокойней.

С потолка стек Димер, став объемным. Он выглянул в коридор, и, поняв, что дома кто-то есть, прикрыл дверь

— Зачем ты пришел?! Уйди вон! — тихо, едва слышно, кричала она; зубы неконтролируемо стучали.

— Время, дорогая! Это единственное, что нельзя купить, а ты умудрилась занять его! — он злобно засмеялся, достал из внутреннего кармана пиджака карманные часы, на крышке которых был изображен он сам. Он открыл крышку, из-под нее помимо часов выдвинулся монокль и дополнительный циферблат, показывающий оставшееся количество времени в каком-то другом сне. — Ты готова отдать долг?

— Но... — она перестала дышать и умоляюще сказала: — Я ведь с ним не попрощалась. Вот так и закончится наша история?

— Долг есть долг. У тебя осталось две минуты пятнадцать секунд, угадай, сколько я заберу?

Дверь в комнату открылась, Димер отлетел в угол, где входящий его увидеть не мог.

— Как вы?

Мисс Бишоп пыталась перебить Винсента, но он не давал:

— Что же вы так суетитесь?

Она схватила его за руку.

— Винни... — это все что она успела сказать. После Августина уже не могла сжимать его руку, ведь ее рука повисла к полу. Глаза, бывшие за эту неделю мутными и яркими в разные моменты времени, увяли, как и их обладательница. Она смотрела ими, пустыми, на молодого человека, но моргнуть уже не могла. Винсент обнял ее, но было уже поздно. Последняя из оков оборвалась, освободив Винсента навсегда. Он закричал что есть мочи. И да, вы наверняка догадались, что все замерло: перед глазами Винсента пронесли все пятнадцать лет совместной жизни, скандалы, ее слезы, ее навязчивая

любовь, которую можно было черпать для троих, а она отдавала все одному ему. Этот крик, кажется, заставил весь земной шар нагреться на пару градусов, способных обжечь или растопить тонкую корку льда... В комнату вбежала Мария, происходящее не требовало объяснений. Девушка беззвучно села рядом. По его лицу из глаз потекли капли, отдающие серебряным цветом.

— Что это?

— Слезы. Ты никогда не плакал? — спросила она обескураженно, ведь для дам слезы — верный способ избавиться от душевной тяжести.

— Кажется, нет.

Три слезы упали на пол и шумно разбились. За дверью послышались шаги. Винсент, словно кондор, пикирующий на цель, ринулся к соседке, вынув из внутреннего кармана все тот же кухонный нож. Он поймал ее в дверях, охладевшее тело она увидеть не успела.

— Вы заметили что-то необычное? — спросил, глядя на нее покрасневшими воспаленными глазами.

— Вы так выглядите, — с отвращением заметила миссис Денай. — Ну, чай стал горячее — не знаю почему!

— Ах, чай! — крикнул молодой человек и взмахнул ножом, но вдруг остановился: между ним и соседкой встала Мария. Она тяжело дышала, жадно хватала воздух ртом — бежала, боясь не успеть.

— Она не виновата.

Девушка крепко обняла его и не отпускала до тех пор, пока нож не выпал из его руки. Винсент взял ее под руку и медленно побрел на второй этаж.

— Она мертва? Ох, мне так жаль. — Миссис Денай попыталась приблизиться к тому, кто только что хотел ударить ее ножом.

— Для вас это мелочи, — успокоившись, ответил Винсент. — Ваша забота — вдруг потеплевший чай. Не путайте слова «жалость» и «сожаление». В вашем слу-

чае приемлемо только второе, ведь вы скоро про это забудете и снова станете продавать свои кексы. Вы как все те, что несут цветы, говорят, что им жаль, после катастроф и прочих событий. Фальшь, ложь! Для большинства утрата кем-то кого-то — пустой звук. Будьте так любезны, сообщите в скорую, доктору Хамонсу и мистеру Уоллесу.

Он, ведомый под руку Марией, неверной дрожащей походкой ушел на второй этаж. В зале вновь стало светло.

В комнате мисс Бишоп пахло ее духами: едкий запах персика и роз. На кровати, когда-то бывшей кроватью его родителей, с одной стороны виднелась вмятина — именно на этом месте она сидела каждое утро и думала о грядущем дне.

— Зачем мы сюда пришли?

— Я так давно не видел этих стен.

Подождав, пока девушка снимет с настенного покрывала фотографии его и мистера Бишопа, сорвал ткань. Мелкие гвозди остались в стене, держа крошечные лоскуты. Ткань пала на пол, обнажив несколько полотен на опрятной шероховатой стене. Картины были написаны родителями Винсента — это был их подарок друг другу, сделанный на тридцатую годовщину их свадьбы. На полотне, исполненном миссис Гилл, в углу виднелся маленький-маленький отпечаток детской руки.

— Это было так давно... — улыбнулся Винсент и вышел в комнату Бредбери, но его там не оказалась. Дверца пустой клетки жалобно скрипела, колышась на ветру. Под окном лежал небольшой сугроб, прибывающий с каждой минутой. — Ты тоже ушел? — Молодой человек ринулся к окну, взглянул на город — темный, запорошенный снегом. Вдалеке виднелся большой белый столб света, видимый сквозь толщу облаков и тысячи километров. — Конец близок.

Сон Малыш Винни

— Дорогая, ты готова? — заботливо спросил муж, предварительно постучав в двери спальни. — Они позвали нас к пяти, уже пошла вторая четверть четвертого. Путь неблизкий, ты помнишь! Винни я уже собрал.

— Дай мне еще десять минут. Я буду блистать, правда! Ты ведь меня знаешь! — игриво ответила жена, застегивая темно-синее платье с белым воротничком. Она пару раз провела рукой по челке своих соломенных волос, зачесав на левый бок. — Так, теперь ожерелье...

Глубоко выдохнув, муж с недовольным лицом пошел блуждать по дому. Зашел в кабинет, расположенный на втором этаже (в будущем это будет комната Бредбери). Бернارد Гилл достал из кармана своего зеленого пиджака с черными лацканами две бумаги и, удостоверившись в их подлинности, убрал в сейф, спрятанный за большим аквариумом с рыбками гуппи. В комнату кто-то зашел.

— Дорогая, это ты? — радостно спросил Бернارد, закрывая сейф.

— Ну, если хочешь, называй меня так! — сказал кто-то прокуренным голосом.

Было слышно, как гость вновь затянулся трубкой; хозяин дома немедленно отпрянул от потайного места и будто ни в чем не бывало повернулся на голос.

— А это вы, доктор! Долго вас не было. Африка, охота — красота!

Расплывшись в дружеских улыбках, мужчины пожали друг другу руки.

— Вы правы! Это прелестно. Вы изменились. Появились морщины на лбу.

— Без вас знаю, старина Дин. — Бернард всмотрелся в свое отражение в аквариуме: и правда, морщин добавилось. Благо седина еще не проступила на темных волосах.

— Я слышал, вы едете к семейству Шапки? Я тоже приглашен. Только вот незадача — машина сломалась! Можно составить вам компанию?

— Я не против. Пойду проверю, как там Винни.

— Он в зале, играет с машинками. Подрос!

— Вы уже виделись? Пойдемте к нему, чего сидеть без дела.

— Я заглядывал в гостиную, когда искал вас.

Они вышли, Бернард закрыл комнату на ключ.

В гостиной, стены которой были украшены несколькими картинами, сервантами с хрусталем, посреди белоснежного ковра из овечьей шерсти сидел мальчик. Он катал машинки взад-вперед, изображая звуки работающего двигателя: «Вж-ж-ж-ж!» Рядом стояли и другие игрушки: оловянные солдатики, поезда и домики.

— Винни, с нами едет мистер Хамонс. — Хорошо воспитанный мальчик встал и поздоровался. Ехидно улыбнувшись, доктор подал руку, и они обменялись рукопожатиями. — Мистер Хамонс недавно приехал из Африки! Он охотился на львов и зебр, представляешь?

— А я читал, что на львов охотятся только трусы, потому что львы не считают человека опасным, дают подойти впритык, тогда горе-охотник сможет попасть в него легко и просто! — на одном дыхании ответил Винсент, будто бы до этого несколько недель готовил ответ. Улыбка доктора погасла, он растерялся, взглянул на старого товарища.

— Винсент просто шутит, да, Винни? — отец повысил голос в конце вопроса, давая понять сыну, что он обидел гостя.

— Да! Я уверен, что мистер Хамонс охотился на опас-

ных львов, которые были готовы растерзать его в пух и прах.

— Да, так оно и было, — выйдя из оцепенения, ответил Доктор. — Я буду ждать на улице, друзья.

— Не делай так больше, прошу, — сказал отец, когда входная дверь хлопнула. — Не заставляй людей краснеть. Знать правду — хорошо, но рассказывать об этом, чтобы поставить кого-то в невыгодное положение, плохо. Запомни это!

Отец поправил белую бабочку сына и, поцеловав в лоб, обнял. В коридоре послышались оживленные шаги Аннабель — мамы Винсента.

— Мальчики! Я готова!

Машина «Астон-Мартин-Лагонда» неслась по окрестностям Лондона в поместье семьи Шакпи. Сегодня был торжественный вечер в честь дня рождения дочери мистера Шакпи — Лили. Кроме гостей-детей сюда съезжались сливки общества, чтобы побеседовать на различные темы. За рулем сидел Бернард, рядом — доктор, на заднем — миссис Гилл и малыш Винни. Мать настояла, чтобы приятель мужа сел на пассажирское место, а она — рядом с сыном. Она прижимала его сухими руками к материнской груди, нежно гладила по голове. За окнами машины то и дело мелькали высаженные вдоль дороги высокие деревья. Муж иногда поглядывал в зеркало заднего вида, а именно на жену. Она негодовала, что доктор едет с ними. Несмотря на явное дружелюбие Хамонса, она чувствовала в нем что-то отталкивающее, неприятное. В это же время доктор нервно стучал пальцем по приборной панели автомобиля, все сильнее утопая в мыслях о словах «несмышленного отпрыска недалекого отца». Каждый удар все сильнее беспокоил окружающих, вызывая негодование и слабый гнев.

— Мы скоро приедем? — спросил Винсент, отпрянув от мамы и прижавшись к отцовскому креслу, насколько

позволял ремень безопасности.

— Сынок, еще двадцать минут. Будь добр, потерпи!

— Хорошо, — ответил мальчик и сел на место.

Доктор снова ударил по приборной панели, это вывело миссис Гилл из себя.

— Прошу, Дин, прекрати!

— Извините, госпожа, — язвительно ответил доктор.

Бернард повернулся к товарищу в надежде попросить его быть почтительней к жене, но не успел. Когда он отвел взгляд от дороги, туда выбежала собака. Раздались крики жены, в которых можно было разобрать слова «собака» и «осторожней». Бернард резко дернул руль вправо, машину занесло. Боком она катилась по мокрой траве кювета до тех пор, пока не встретилась с бордюром начинающегося за поворотом моста. Машина взмыла в воздух. Казалось, что время остановилось. Мать Винсента кричала от страха и тянула руки к сыну, в то время как ее тело быстро удалялось в противоположную сторону. Отец тоже не хотел оставлять сына, но не мог ему помочь. Машина сделала три кульбита в воздухе, кувырнулась пару раз, упав на землю, и замерла. Она закипала, начинала гореть. Водителя прижал двигатель, оказавшийся в салоне. Миссис Гилл зажалось между землей и крышей машины. Эти люди уже были мертвы. Доктор дал себе несколько сильных пощечин, и придя в чувство, осмотрелся. Гиллы-старшие были мертвы, лишь Винсент подавал признаки жизни. Мистер Хамонс достал из кошелька лезвие скальпеля, подполз к мальчишке и освободил от держащих его ремней. Доктор взял Винни на руки и, выбив дверь ногой, покинул машину вместе с ним. В голове врача был голос, который скандировал: «Дальше, дальше, дальше!» Когда они отошли на достаточное расстояние, машина взорвалась.

Беглец

Вы сидели на темном-темном облаке, насупившись, болтали ногами. Я был рядом — собирал чемодан. Истории скоро придет конец, и, как можно понять, когда кончается повествование, обрываются и слова автора.

— Не понимаю, чего ты ждешь, — сказал я вам, бубня себе под нос. — Снов больше не будет. Симал прибыл к Винсенту, если ты еще не понял, а мир Тамерлана и Икса мертв по большей части. Все идет своим чередом. Честно? Я не думал, что все так скоро закончится.

Вы, взяв облако за гриву, подлетели ко мне и ударили по плечу.

— На что ты обижаешься? Смерть героев? Ты даже не представляешь, сколько сил нужно, чтобы это сделать. В них живет часть меня: в ком-то больше, в ком-то меньше. Я переживаю не меньше тебя.

А этот, адъютант, совсем с ума сошел! Вот где он сейчас? Знаешь? — Вы отрицательно промычали. — И я не знаю. Кажется, мы все больше никогда не встретимся в одном месте! Скажу лишь, что с ним ты еще встретишься. Правда, мимолетно. — Я скомкал белое параллельное четвертое измерение и, засунув в компас снов, отдал вам. — Ты будешь долго путешествовать, много раз стоять перед выбором! В перерывах можешь смотреть сны из компаса! Их множество, Винсент просто не успел их все использовать.

День VII

Погребенные влюбленные

Сообщение о смерти доктора Хамонса не заставило себя ждать. После вчерашнего известия о кончине мисс Бишоп он направился в чулан в поисках крепкой веревки. Утром его нашла служанка повешенным в собственной спальне. Он был в парадном костюме и одном ботинке: второй он порвал — видимо, торопился. Предсмертной записки он не оставил — все было понятно и без нее. Ранее украшавшие восточную стену портреты были сброшены в угол, истерзанны ножом.

Мистер Хамонс всем сердцем любил эту неприступную женщину, ненавидевшую его. Из года в год он пытался подняться в ее глазах, но попытки были тщетны. Когда ушла она, ему стало незачем жить — она была главной целью всей жизни.

Своим капиталом он распорядился уже давно. После смерти все сбережения и дом будут пущены на благотворительность. Телом дано распоряжаться единственному хорошо знающему его человеку — Винсенту.

Кончина старого знакомого ничуть не смутила молодого человека, ему было все равно. Не относясь ни к одной из религий, он решил провести похороны на следующий день, то есть сегодня. По его распоряжению тело мистера Хамонса было привезено на Хайгейтское кладбище к назначенному времени.

Кроны еще зеленых деревьев скрывались под толщей снега. Тут не летали птицы, не бегали звери. Покой, навечно обретенный местными постояльцами, был незыблем. Люди ходили здесь, низко опустив головы, будто небо давило на макушки.

— Удивительно, что сегодня умерли только они, — сказал Винсент, поджигая сигарету.

Он сидел на скамье неподалеку от места прощания. К двум одинаковым гробам тянулись разные люди: с одной стороны, к доктору Хамонсу, шли коллеги, друзья и клиенты, с другой, к мисс Бишоп, небольшая группа полисменов, соседи и мистер Уоллес. Глаза последнего были красные, заплаканные. Он робко пригладил ее волосы и, пожав холодную руку, отошел в сторону. По мистеру Хамонсу не плакал никто — все пришли из уважения, быстро разбежались. Между делом строители устанавливали меж могилами толстую стальную плиту.

— Она бы не хотела лежать с ним так близко. Стенка, думаю, неплохая преграда. — сказал Винсент. Дрожащая Мария прижалась к нему. — Да, теперь мы, видимо, вдвоем. В этом сумасшедшем мире...

— Звучит жестоко, — прошептала девушка.

— Всего лишь правда. Идем, пора.

Молодой человек дал знак: люди из службы ритуальных услуг стали опускать гробы в ямы.

— Что вы чувствуете? — спросил библиотекарь.

— Ничего, а вы?

Канаты задевали края ямы, отрывая куски земли, которые били все тише и тише.

— Я бы хотел оказаться на месте этого счастливирика, — он указал в сторону гроба доктора Хамонса. — Жаль, что у меня еще есть дела. Работу в небесной канцелярии придется отложить, — мужчина улыбнулся и пожал руку Винсента.

Молодого человека смутила улыбка, но потом он понял, что она похоронная. В эти мгновения люди вспоминают все моменты, связанные с усопшим. Винсент сознательно блокировал это, как и ранее, несмотря на исчезнувшие оковы души.

— Будет время, заходите, выпьем чаю, сэр Гилл. — Библиотекарь подошел, кинул горсть земли в обе ямы и,

раскрыв черный зонт, выделяющийся на фоне снега, вышел, за ним хлынули и остальные. Заснеженную одинокую тропу украсили десятки следов, обнажив каменную дорожку.

— Я так боялся чувствовать... Я раньше не понимал ее фразы: «Мы так часто ставим пики против своих, но склоняем головы перед чужими».

Мария и Винсент покинули это место одними из последних, оставив погребенных, разделенных стальной стеной.

— Почему мы не пристрелили этого полисмена? — спросил Моня у брата Аарона. — Как его там... Допл, кажется? Ты узнал заказчика?

— Сегодня уже многие слегли навечно. Таки дали ему шанс исправиться. А заказчик, как ни странно, сейчас тоже в земле. Понимаешь ли, брат, наш работодатель, который заказал инспектора, носил перстень с изображением ромба! Дело в том, что мистера Хамонса похоронили с таким же перстнем. Я слишком много прожил, чтобы считать это совпадением.

— Ты про этот перстень? — Моня улыбнулся и довольный достал из кармана тот самый перстень. Аарон ударил его по руке, и добыча улетела в канаву.

— Я тебе другой куплю. Идем, — грозно сказал Аарон и направился к выходу.

Собрание

— Доброе утро, Ваше Величество, — прозвучал звонкий голос, похожий на крик птицы. — Мы тут с друзьями решили собраться, а места лучше, чем у вас, во всем Лондоне не сыскать! Я их позову, не будете возражать?

Королева открыла глаза, посмотрела на посетителя, но ничего внятного сказать не смогла; хотела встать и убежать, но скользила по кровати взад-вперед, словно теплое желе в тарелке. Ее гостем был Бредбери — нет, не знаменитый писатель, а кондор в почти что человеческом обличье. Тело у него было человеческое, правда, он не носил одежды. Крылья могучие, сильные. Нет, он не был ангелом, если кто-то вдруг так подумал.

— Понимаете, дело в том, что моя религия пришла в ваш мир ну часов двенадцать назад! А у меня еще столько дел, столько дел! Еще людей нужно в свою веру обратить — не представляете, сколько на это нужно времени.

— Эван! — крикнула королева, позвав своего сына. Сию секунду в спальню вошел граф. — Ты его тоже видишь? Или у меня уже маразм?

Граф неуверенно поправил галстук:

— Если ты про эту огромную птицу, что стоит у окна, то я вижу ее.

— Если это не помешательство, то запретить я не могу. Пожалуйста, ведите гостей.

Не успела она договорить фразу, как Бредбери взмахнул крыльями и перенес ее в парадную столовую. Чудесным образом пижама Ее Величества сменилась на рабочий костюм.

За длинным столом из красного дерева сидели представители всех религий. Божества второстепенных религий сидели на стульях, расставленных у стены, — там

должна была сидеть и королева, ведь контроль людей с помощью власти — дело нехитрое. Поселиться в их головах, контролировать все и вся, рассказывая сказки, чепуху, в которую люди верят всем сердцем, — истинная сила религии. Из уважения к Ее Величеству, королеву усадили за стол. Началось собрание. Бредбери взлетел к потолку, чтобы все его могли видеть. На стене покосились картины.

— Извините, что всех вас потревожил. Это не займет много времени. Я божество другого измерения, которое недавно стало частью вашего. Вот документы, манускрипты и прочие рукописи, которые помогут вам ознакомиться с моей религией! — На стол упали свитки; все принялись их рассматривать.

В дверь постучали. Дверь открылась, вошел Димер.

— Извините, у нас тут опоздавший. Я знаю, что он странный, но в Атлантиде тоже люди. — С мест для второстепенных религий послышались выкрики: «Да у них у половины хвосты! Еще скажите, что он за стол сядет!» — А я так и скажу. Океан же не изведен, вы не знаете, сколько там людей обитает! Океан!

Адьютант засмеялся и, сильнее открыв дверь, впустил Посейдона. Он, с рельефным телом и трезубцем в руке, въехал в комнату на двух дельфинах и присел рядом с королевой. Бредбери продолжил свой рассказ. Владыка подводного мира, слишком активный и веселый, тихо обратился к королеве:

— Есть что-нибудь... увеселительное? Я утром двух морских ежей съел, но, чувствую, отпускает. Ну так есть?

Ее Величество опешила от такой наглости и дала Посейдону звонкую пощечину.

— Это тоже бодрит, благодарствую!

— Стойте! Подождите! — крикнул кто-то из присутствующих. — Здесь написано, что каждый, обращенный в вашу веру, получает силу, сравнимую с силой высшего

существа, то есть вас, Бредбери? Вы их не контролируете? Это невозможно! Тогда какой смысл в нас?

Все стали возмущенно что-то говорить, а кондор, расплывшись в широкой улыбке, ответил: «Вот именно!» — и махнул крыльями. Все боги обратились в мыльные пузыри, которые лопнули в один миг, оставив королеву одну; ей в руки прилетело перо Бредбери.

В этот день все было необычно. Мечты людей сбывались одна за другой, после чего люди исчезали под грудой полученных даров, ведь человеческая жажда наживы, заменившая ныне мечту, безгранична. Мечты исполнялись тем чаще, чем скорее приближался конец.

Они, Винсент и Мария, стояли у окна в комнате Бредбери.

— Так ты, говоришь, перестал мечтать?

— Уже давно. Знаешь, это как вредная привычка. Есть люди, которые мечтают, но ничего не делают. Они дилетанты, но все же живые. А те, кто погряз в мечтах, живет в них и ничего не делает, — ходячие трупы. Раньше я этим увлекался, каждый день я мечтал — изо дня в день: то про то, что родители вернутся, то про бескрайние королевства над облаками. Глупо. Чем дольше я мечтал, тем скучнее становился этот мир; я все чаще стал заглядываться на кухонный нож, чтоб покончить со всем этим. Да, это его я таскаю до сих пор.

Я перестал мечтать в тот день, когда понял, что мечты так глубоко засели в моем мозгу, что снятся изо дня в день. Боялся мечтать, боялся что-либо делать, пока не встретил тебя.

Просыпаясь, утром планируя весь день, я три раза проживал все возможные варианты, пока не приходил к единственно верному. Ты заставила мечтать, чтоб не потерять тебя, — он крепко прижал девушку к груди. — Кажется, у нас гости.

На пороге комнаты стояли Димер и Симал.

— Ну здравствуй. Пора бы тебе поделиться своим миром, Винсент! — крикнул Симал, протянул руку к молодому человеку, но Димер его остановил.

— Но-но, друг мой! — Димер шелкнул пальцами: комнату запорошило снегом, а посередине, вокруг тусклых пятен крови и стекла, показалась прозрачная полусфера. — В ней запрещены исполнения желаний. Так что, друзья, пройдите туда и сразитесь в поединке! — он хлопнул в ладоши, и противники оказались внутри сферы.

Винсент посмотрел по сторонам: изнутри стены полусферы светились сиреневым светом, звуки, рождающиеся за ней, усиливались в разы. Противники схлестнулись. Симал взял Винсента за шиворот, бросил к краю полусферы. Стена сожгла часть ботинка, угодившего за ее пределы. Симал, чувствующий вкус легкой победы, помахал Димеру, который расположился в уютном кресле.

— Ты ведь трус! — крикнула Мария и вздрогнула, когда Симал посмотрел на нее испуганными глазами с черными зрачками. Тьма бурлила в нем, хотела вырваться, но Симал держал себя в руках. — Так, посмотрим, что там про тебя написано, — девушка взмахнула рукой, перед ней появилась книга жизни Симала Редиби. — Предатель, обманщик, лжец, — медленно перечисляла она, давая возлюбленному малейший шанс на спасение. Симал позабыл об истинном противнике.

— Ты не знаешь, как я жил! — крикнул он сурово. — Я... я не могу это больше контролировать! — с виноватым взглядом прошептал Симал Винсенту. В ту же секунду со скоростью молнии из его груди вылетел Вудай. В порыве ярости, позабыв об опасной преграде, он ринулся к девушке и... обратился в прах. Полусфера распалась, погребя под своими неподъемными обломками тело Симала Редиби. Едва успевший выбраться Винсент крепко обнял Марию.

— Спасибо! — он грозно посмотрел на Адьютанта. — Ты бы и вправду разрешил ему убить меня?

— Вообще, когда я придумывал эту полусферу, ее стены не убивали. Ты должен был прикончить его ножом, который всегда носишь с собой! — Винсент указал на нож, лежавший на подоконнике. — Увы! Значит, здесь есть человек, сила фантазии которого сильнее моей? — Он отошел в сторону, наклонил голову в сторону Марии.

— Ты?! Он ведь мог меня убить!

— Но ты ведь жив, — со слезами на глазах ответила она.

Винсент почувствовал неимоверную благодарность, которую ни разу в жизни никогда не испытывал. Но с ней соседствовало еще какое-то чувство. Странное, необъятное и редкое. Эта была любовь. Молодой человек тихо обнял девушку и, вдохнув сладкий запах ее волос, сжал ее так сильно, будто хотел соединить их тела воедино.

— Кто это? — спросила Мария, указав на Димера.

— Мой вымышленный друг. Раньше, до появления снов, был моим частым гостем, потом исчез. Чего ты хочешь?

— Вам здесь нельзя оставаться, если хотите выжить! Время идет, оглянитесь!

Все посмотрели в окно. От города почти ничего не осталось. Разлетаясь мелкими крупичками, здания и люди терялись в снежной пурге, уносились ветром.

— Я тебе еще тогда сказал, что ответ в потолке. Идемте!

Девушка не особо хотела доверять этому странному человеку, которого она, кажется, видела. Но после пережитого за несколько дней она ничему не удивлялась и просто следовала за любимым.

Они сбежали по остаткам деревянной лестницы, свернули перед испарившейся кухней, вошли в комнату

Винсента. Тут все было в пышных и благоухающих пионах, которые нафантазировала Мария. На потолке царил все тот же космос, что и в их первую ночь.

— Пора прощаться. Было интересно сопутствовать твоей истории, Винсент! Вам пора.

Адъютант хлопнул в ладоши, пару мгновенно подхватило сильным вихрем, и они исчезли, перенесшись в мир Джо Левиоша. Димер отправился к вам.

Сон Джеймс Икс

«Никто не ожидал такого быстрого конца. Нам казалось, наши войска были готовы отразить атаку инопланетных существ. Бой должен был происходить на Новой земле, которую раньше занимал Индийский океан. Из-за землетрясений Центрально-Индийский океанский хребет сломался, дав огромной части суши выйти на поверхность. Ушедшая отсюда вода затопила Японию и Австралию, погрузила мир в сплошной хаос.

Схватка прошла быстро, если ее так можно назвать. Половина наших войск была оцеплена инопланетными тварями, путешествующими верхом на огромных существах, похожих на саблезубых тигров, с планеты, называемой Нибиру. Планета прошла слишком близко с Землей, зависнув на ее орбите.

Часть населения приютили полулюди, именующие себя повстанцами. Э тоже хотели захватить планету, но их отличало то, что обитают они здесь очень давно — правда, под землей. Повстанцы умеют контролировать почву и все, что с ней связано, будь то обычный или драгоценный камень.

В моей истории нет любви или предательства, подлости или ревности. Моя жизнь — битва. С силой пришла ответственность. Это как быть старшим братом, только не для детей, а для всего человечества. Сначала я управлял только электричеством, но потом, свергая неправильных суперлюдей, я обретал новые сверхспособности. Да, именно неправильных, ведь они были чужды моей идеологии о мире и порядке. Огонь, вода, мороз, электричество — эти стихии стали основными.

Старшие братья тоже не всеильны. Я думаю об этом, сидя здесь, на небольшом уступе неизвестной мне горы. Твари прибывают, но не нападают. Они останавливаются и просто смотрят — жадно и злобно. Я ведь последний, кто остался на поверхности.

Я часто думал об альтруизме, чести и прочем. В последнее время люди кричали, что эти качества атрофировались, но люди и не думают, что они не вызывают желания их проявлять.

Не знаю, какой силы будет взрыв, выживут ли те, кто под землей, кто в космосе...» — таковы были последние мысли спасителя человеческого мира Джеймса Икса. Он встал, посмотрел вдаль. На десятки километров раскинулась вражеская армия, готовая раскромсать его в пух и прах. Икс создал четыре сферы, по одной от каждой основной стихии. Они закружились вокруг него так быстро, что перестали быть видимыми, смешались в одну, влетели в грудь Икса. Синий свет блеснул, Джеймс обратился в пепел, пустив по всей Земле взрывную волну. Она сметала все на своем пути, уничтожая захватчиков вместе с плодами человеческой эволюции.

Чистый лист

— Вы являетесь единственным выжившим пилотом нашего корабля. По протоколу номер один я обязан вернуть вас обратно, — сказал бортовой компьютер, схватив Джо за ногу. — Приступаю к реанимации. — Длинные стальные пластины коснулись груди космонавта. После мощного удара током он снова задышал. — Ваши сны — следствие действия эфира, в котором наш корабль находится уже многие годы.

После этих слов сознание космонавта разделилось: одно принадлежало Винсенту Гиллу, другое — Джо Левиошу. Винсент оказался сильнее, усмирив соседствующее сознание.

— Если я — космонавт, то кто тогда... — Винсент, чье сознание перешло в тело космонавта, ринулся к иллюминатору, увидев безжизненное тело Эллис, в которое перекочевала душа Марии. — Нет! — завопил Винсент и попытался использовать силу, которую он имел в своем мире, но безуспешно. — Нет! Нет! Нет! — безостановочно кричал молодой человек. Хватая пролетающие мимо предметы, он пытался разбить окно иллюминатора, чтоб хоть немного приблизиться к Марии. Обессилев, Винсент в последний раз вспомнил карамельный вкус ее губ, манящий запах. Он повис в невесомости. — Димер! Димер! Димер! Зачем я тебя выдумал?

— Пилот, кажется, вы нездоровы. Требуется медицинское вмешательство.

— Требуется повторно произвести реанимационные действия, — приказал Винсент. — Отказ не принимается.

Пластины снова прильнули к телу, после чего сознание Винсента, кажется, угасло навсегда. Тело осталось

неподвижно.

— Пилот? — растерянно спросил компьютер. — Пилот?

— Слушаю, — Джо Левиош открыл глаза. Его сознание помутнело, он ничего не понимал, но его разум был при нем.

— Рад, что вы снова со мной! Жду приказа.

— Активируй спасательную шлюпку. Мы летим на Землю.

А вы уже были на Земле. Не спрашивайте меня, как это получилось, к этому моменту меня уже не стало. Вероятно, рядом Димер. Так? Вы посмотрели направо, в густые зеленые кусты, полные ягод и благоухающих трав. Налево, где бежал небольшой ручей, берущий начало у вершины горы, ледник на которой таял изо дня в день.

— Эмили, пошли, нам пора! — сказал Димер, обращаясь к вам.

Вы неторопливо встали, отряхнулись от песка, налипшего на одежду и руки, взяли его за руку. Димер был вашим воображаемым другом, о котором вы ничего и никогда не слышали до этого момента. Кстати, добро пожаловать в не опороченные Димером миры малыша Винни, Тамерлана Кабалы, Джо Левиоша и, конечно же, Джеймса Икса, сила которого сделала пейзаж таким, каким вы его видите сейчас: чистым, свободным. Честно? Я не знаю, как вы выжили. Быть может, вас приютили повстанцы, а вы поспешили удрать из убежища. Вы вместе с Димером вышли на пустынную местность, к которой с огромной скоростью неся непонятный предмет, выстрелив открывшимся парашютом. Это была капсула Джо, который через несколько секунд прибует сюда.

— Вот смотри! Когда парашют приземлится, помоги этому человеку. Весь твой дальнейший путь будет зависеть только от твоего выбора, Эмили. — Адъютант рассеялся, словно его и не было.

Ну и не забывайте пользоваться компасом сновидений! Там есть все истории героев и кое-что еще!

Под красным парашютом на землю опустилась капсула.

Сон

Винсент Гилл. Вступление

— Да, конечно. Заводите его сюда, — сказала медсестра, встретившая доктора и его нового пациента — маленького мальчика. — Пусть он ляжет в третью палату, там как раз освободилась кровать.

— Я бы не хотел, чтоб с ним лежал кто-то, — едва слышно сказал доктор.

— Свободных палат нет, только третья, мистер Керрик, — ответила старшая медсестра.

— Упрямая... Идем. — Даниэль взял пациента за руку, отвел в выделенную палату. Через стеклянные окна постепенно проникала ночная темнота. Холодные стены, казалось, давили с необычайной силой. В палате стояли две кровати. На одной из них другой мальчик уже готовился ко сну.

— Здравствуй, как тебя зовут? — по-доброму спросил врач, усадив пациента на свободную кровать.

— Чарли! — гордо ответил мальчик. — А вас?

— Я доктор Кэрролл, а это твой новый сосед. Знакомьтесь, я скоро приду. — Врача кто-то окликнул в коридоре, он был вынужден оставить ребят.

— Как тебя зовут? — Чарли сел возле нового соседа.

Мальчик взглянул на него исподлобья, нахмурился и недоверчиво назвал свое имя:

— Винсент, — и резко повернулся на шумный хлопок, прозвучавший за окном.

— А у тебя игрушки есть? — воодушевленно поинтересовался Чарли. — А то тут очень скучно! Я только sny смотрю... контролируемые. А ты умеешь?

Собеседник покачал головой, говоря тем самым

«нет». Не слишком довольный Чарли, разочаровавшийся в соседе, все же решил рассказать Винсенту все секреты контролируемого сна, которому его обучил старший брат. Затаив дыхание, Винсент слушал увлекательнейшую историю о том, как можно видеть сны наяву; решил сегодня же ночью попробовать.

Дождавшись, пока все уснут, он принялся смотреть сны. Мальчик ровно дышал, считал про себя, старался не засыпать и прислушиваться к окружающим звукам. Час прошел или два, кто знает? Но спустя некоторое время, потеряв всякую надежду, он открыл глаза. Ничего не произошло. Сны не проявились. Винсент сел в кровати, поник головой и свесил ноги.

— Ну что ты, не печалься. Я тут, — сказал кто-то в темноте.

Мальчик испугался, незамедлительно спрятал ноги под одеяло.

— Кто тут? — спросил он.

В углу комнаты клубился какой-то черный дым.

— Ну я, ты ведь меня вызвал! Я Димег». Ты же меня только что выдумал! Так какой я?

Мальчик осмотрелся и понял, что вокруг темным-темно.

— У тебя черный костюм! Розовые носки с зайцами и нос как у Сфинкса! Правда, я никогда не видел его носа.

Дым, которым и был Димер, сверкнул, из него вышел усатый мужчина средних лет.

— Как скажешь, дг'ужище. Можешь еще сделать так, чтоб я не каг'тавил? Только все свои желания ты потг'атил, а забг'ать «р» у кого-то нужно! Знаешь, у кого могу позаимствовать букву?

Мальчик попятился назад, не желая попасть под горячую руку воображаемого друга.

— Забери у Чарли! Мы все равно мало знакомы.

Испугавшись дальнейших действий, Винсент вжался в кровать. С широкой улыбкой на лице Димер взмыл в воздух и, пролетев над прикроватными тумбами, остановился над Чарли. Воображаемый друг Винсента взмахнул рукой, после чего синий дымок в виде буквы «р» вылетел изо рта другого мальчика.

— Отлично! Др-р-ружище! — крикнул Димер.

Дверь в комнату моментально открылась, пустив внутрь свет, царствующий в коридоре. Зашла медсестра, услышавшая крик из коридора. Она на цыпочках подошла к детям и, увидев их спокойные улыбки, тут же вышла.

— Мы встретимся! Время придет, — прошептал дым в углу комнаты и метнул в Винсента шар из восьми цветов.

Оглавление

День I	3
Вечерняя прогулка	5
Сон Симал Редиби	19
День II	31
Русалка	33
Сон Энди Эртон	45
День III	61
Старый друг	63
Эликсир	73
Сон Авенир Оллфлорд	80
День IV	87
Сухой из листвы	89
Очень странный день	93
Вечер	102
Отголоски	108
Пустой ключ	110
Сон Джо Левиош	112
День V	119
Ракурсы	121
Раскол	131
Р-р-разговор-р-р по душам	139
Сон Тамерлан Кабала	142
Прескевию	149
Сон Волк в овечьей шкуре	151
Сон Водный путь	158
Сон Граф, Всадник и Добряк	161
День VI	163
Письмо Ее Величества	165

Каменный рыцарь	186
Сон Малыш Винни	194
Беглец	198
День VII	199
Погребенные влюбленные	201
Собрание	204
Сон Джеймс Икс	210
Чистый лист	212
Сон Винсент Гилл. Вступление	216

Юрий Владимирович Толстихин

7,5 снов Мечтателя

Корректор Наталья Соколовская

Несбыточные мечты и жизнь стали рутиной для Винсента, недуг которого, на первый взгляд, весьма прост — он видел одинаковые сны на протяжении долгих лет, пока не случилось непоправимое...

ISBN 978-5-4483-8302-1

9 785448 383021 >